

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 1819-2785 (Print)

ISSN 2587-7275 (Online)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Theory and Practice of Forensic Science

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Scientific and Practical Journal

Том
Vol. 15

№ 3

2020

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Научно-практический журнал

«Теория и практика судебной экспертизы» – это рецензируемый научно-практический журнал, публикующий результаты фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых в виде научных статей, обзорных научных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров и исторических справок по вопросам судебно-экспертной деятельности.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Смирнова Светлана Аркадьевна*, д. юр. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Усов Александр Иванович*, д. юр. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: *Никулина Марина Вячеславовна*, к. б. н., ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

ПЕРЕВОДЧИК: *Завьялова Дарья Владимировна*

ВЕРСТКА: *Мурзаев Алхан Магомедбекович*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бутырин Андрей Юрьевич, д. юр. н., профессор, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Герадс Зено, доктор наук, профессор, Институт судебных экспертиз Министерства юстиции Нидерландов (Гаага, Нидерланды)

Джабир Ахмет, доктор наук, Департамент обеспечения качества Центра Судебной Экспертизы Министерства Юстиции Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан)

Замараева Наталия Александровна, к. юр. н., доцент, ФБУ Северо-Западный РЦСЭ Минюста России (Санкт-Петербург, Россия)

Кузнецова Алсу Минуровна, к. б. н., Университет Альберты (Эдмонтон, Канада)

Майлис Надежда Павловна, д. юр. н., профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва, Россия)

Махов Вадим Николаевич, д. юр. н., профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Микляева Ольга Васильевна, к. юр. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Моисеева Татьяна Федоровна, д. юр. н., профессор, Российский государственный университет правосудия (Москва, Россия)

Никулин Вячеслав Валентинович, д. ф.-м. н., профессор, Университет Ливерпуля (Ливерпуль, Великобритания)

Омельянюк Георгий Георгиевич, д. юр. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Павлова Татьяна Витальевна, к. ф.-м. н., Высшая школа экономики (Москва, Россия)

Россинская Елена Рафаиловна, д. юр. н., профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия)

Рубис Александр Сергеевич, д. юр. н., профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Сейтенов Калиолла Кабаевич, д. юр. н., профессор, Институт судебной экспертизы Университета КазГЮУ (Астана, Казахстан)

Секераж Татьяна Николаевна, к. юр. н., доцент, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Москва, Россия)

Соллиеро-Реболledo Элизабет, доктор наук, Национальный автономный университет Мексики (Мехико, Мексика)

Хазиев Шамиль Николаевич, д. юр. н., доцент, адвокатская контора «Аснис и партнеры» (Москва, Россия)

Щеглов Алексей Иванович, д. б. н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ян де Киндер, доктор наук, Национальный институт криминалистики и криминологии (Брюссель, Бельгия)

Наименование органа, зарегистрировавшего издание: Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-22228 от 28 октября 2005 г.)

ISSN: 1819-2785 (Print), 2587-7275 (Online)

Периодичность: 4 раза в год

Учредитель: Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России)

Сайт: <http://www.tipse.ru>

Адрес: 109028, Москва, Хохловский пер., 13, стр. 2

e-mail: tipse@sudexpert.ru

Подписка: Каталог «Пресса России»

THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC SCIENCE

Science & Practice Journal

«Theory and Practice of Forensic Science» is a peer-reviewed academic journal that publishes the findings of fundamental and applied research conducted by Russian and foreign scientists in the form of research papers, review articles, scientific communications, literature reviews, and historical overviews on the issues of forensic science and practice. The journal is included in the List of peer-reviewed academic journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education, and is required to publish the key scientific findings of dissertations for doctoral and candidate's degrees.

The journal is listed in the system of the Russian Science Citation Index (www.elibrary.ru).

EDITOR-IN-CHIEF: *Svetlana A. Smirnova*, Doctor of Science, Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Aleksandr I. Usov*, Doctor of Science, Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

PRODUCTION EDITOR: *Marina V. Nikulina*, Candidate of Science, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

TRANSLATOR: *Dar'ya V. Zav'yalova*

DESIGNER: *Alkhan M. Murzaev*

EDITORIAL BOARD:

Andrei Yu. Butyrin, Doctor of Science, Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zeno Geradts, Doctor of Science, Professor, the Netherlands Forensic Institute (the Hague, the Netherlands)

Jabir Ahmet, Doctor of Philosophy in Law, Quality Assurance Department of the Forensic Science Center of the Ministry of Justice of the Azerbaijan Republic (Baku, Azerbaijan)

Natal'ya A. Zamaraeva, Candidate of Science, Associate Professor, North-Western Regional Center of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice (Saint Petersburg, Russia)

Alsu M. Kuznetsova, Candidate of Science, the University of Alberta (Edmonton, Canada)

Nadezhda P. Mailis, Doctor of Science, Professor, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of the Interior (Moscow, Russia)

Vadim N. Makhov, Doctor of Science, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

Ol'ga V. Miklyaeva, Candidate of Science, Associate Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tat'yana F. Moiseeva, Doctor of Science, Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Vyacheslav V. Nikulin, Doctor of Science, Professor, the University of Liverpool (Liverpool, United Kingdom)

Georgii G. Omel'yanyuk, Doctor of Science, Associate Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tat'yana V. Pavlova, Candidate of Science, Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Elena R. Rossinskaya, Doctor of Science, Professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Aleksandr S. Rubis, Doctor of Science, Professor at the Department of Criminal Procedure of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Kaliolla K. Seitenov, Doctor of Science, Professor, Institute of Forensic Science of Kazakh State Legal University (KAZGUU University) (Astana, Kazakhstan)

Tat'yana N. Sekerazh, Candidate of Science, Associate Professor, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elizabeth Solleiro-Rebolledo, Doctor of Science, National Autonomous University of Mexico (Mexico City, Mexico)

Shamil' N. Khaziev, Doctor of Science, Associate Professor, «Asnis & Partners» Law Office (Moscow, Russia)

Aleksei I. Shcheglov, Doctor of Science, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Jan De Kinder, Doctor of Science, National Institute of Criminalistics and Criminology (Brussels, Belgium)

Registered by: The Federal Service for Monitoring Compliance with Cultural Heritage Protection Law (Registration Certificate PI № FS77-22228 issued October 28, 2005)

ISSN: 1819-2785 (Print), 2587-7275 (Online)

Frequency: 4 times a year

Established by: The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RFCFS of the Russian Ministry of Justice)

Website: <http://www.tipse.ru>

Address: 109028, Moscow, Khokhlovskii per., 13, str. 2

e-mail: tipse@sudexpert.ru

Subscription: Russian Press Subscription Catalog

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические вопросы

- В.О. Кузнецов**
«Провокация» как экспертное понятие в
судебной лингвистической экспертизе
- Т.Н. Секераж**
Судебно-психологические аспекты поня-
тия «провокация» в уголовном процессе

Методы и средства

- В.А. Васильев, Т.А. Ермакова,
Ю.А. Дружинин, И.Б. Афанасьев,
Т.Ю. Юдина, Е.Ю. Русанов**
О некоторых вопросах выявления следов
рук и механизма слеодообразования на по-
ристых поверхностях
- В.М. Буланов, И.Л. Казанцева**
Применение метода инфракрасной спек-
троскопии для определения объемной
доли этилового спирта в спиртосодержа-
щих жидкостях
- А.Я. Аснис, Г.Г. Бочаров,
А.А. Селиванов, Ш.Н. Хазиев**
Судебно-экспертное исследование пред-
метов фалеристики с целью определения
их стоимости

Экспертная практика

- Е.В. Васькэ, Ф.С. Сафуанов,
Т.Н. Секераж**
Типичные ошибки при производстве су-
дебной экспертизы по спорам, связанным
с воспитанием детей
- И.С. Таубкин**
О специальном понятийном аппарате су-
дебной пожарно-технической экспертизы
- Д.В. Завьялова**
Современные возможности судебной ком-
пьютерно-технической экспертизы при
расследовании различных видов преступ-
лений
- А.С. Савенко**
Формирование судебной экспертизы ин-
теллектуальной собственности в системе
Минюста России
- Ш.Н. Хазиев**
Судебно-трасологическое исследование
произведений изобразительного искус-
ства

CONTENTS

Theoretical Issues

- 6** **Vitaly O. Kuznetsov**
"Provocation" as an Expert Term in Forensic
Linguistics
- 19** **Tat'yana N. Sekerazh**
Forensic Psychological Aspects of the Term
"Provocation" in Criminal Proceedings

Methods and Tools

- 34** **Vasilii A. Vasil'ev, Tat'yana A. Ermakova,
Yurii A. Druzhinin, Il'ya B. Afanas'ev,
Tat'yana Yu. Yudina, Evgenii Yu. Rusanov**
On Some Issues of Handprints Detection and
the Mechanism of Trace Formation on Porous
Surfaces
- 44** **Vladimir M. Bulanov, Irina L. Kazantseva**
The Infrared Spectroscopy Applied to Deter-
mine the Volume Fraction of Ethyl Alcohol in
Alcohol-Containing Liquids
- 50** **Alexandr Ya. Asnis, Gennadii G. Bocharov,
Alexandr A. Selivanov, Shamil N. Khaziev**
Forensic Research of Phaleristic Items for Their
Estimation

Forensic Casework

- 60** **Ekaterina V. Vaske, Farit S. Safuanov,
Tat'yana N. Sekerazh**
Typical Mistakes in Forensic Examinations on
Disputes Related to Child-Rearing
- 76** **Igor' S. Taubkin**
On the Special Conceptual Framework for the
Fire Forensics
- 89** **Dar'ya V. Zav'yalova**
Current Capacities of Digital Forensics for
Investigations of Different Types of Crimes
- 98** **Anton S. Savenko**
Formation of Intellectual Property Forensics in
the System of the Russian Ministry of Justice
- 106** **Shamil N. Khaziev**
Forensic Traceological Analysis of Works of
Visual Arts

А.В. Мамонтов

К вопросу о криминалистическом исследовании бумаги

124

Aleksei V. Mamontov

On the Forensic Examination of Paper

Персоналии и исторические очерки

А.М. Зинин

К 100-летию А.А. Гусева – основоположника судебной портретной экспертизы в системе Минюста России

129

Biographies and Histories

Aleksandr M. Zinin

On the A.A. Gusev's 100th Anniversary – the Founder's of the Forensic Portrait Examination in the System of the Russian Ministry of Justice

«Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе

 В.О. Кузнецов

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Рассмотрена категория «провокация» в качестве судебно-экспертного лингвистического понятия, т. е. междисциплинарного понятия, занимающего промежуточное положение между правовой категорией «провокация» и одноименным лингвистическим феноменом. Выработано экспертное понятие «речевая провокация» посредством экспертологического анализа, где категория «провокация» рассматривается в правовом, лингвистическом и экспертном аспектах. В рамках рассмотрения этой категории в экспертном аспекте установлено соотношение правовой нормы и лингвистического феномена, сделан вывод, что в качестве экспертного лингвистического понятия в экспертизах по делам о коррупции выступает понятие «речевая провокация предложения/дачи взятки». В данном случае речевая провокация понимается как речевое действие – побуждение одним коммуникантом другого коммуниканта к совершению противоправного действия – предложить или дать взятку. Это является лингвистическим наполнением того явления, которое в праве именуется как «провокация преступления (дачи взятки)». В статье также рассмотрен методический аспект установления речевой провокации.

Ключевые слова: *судебная лингвистическая экспертиза, правовые понятия, лингвистические понятия, экспертные понятия, экспертологический анализ, речевая провокация*

Для цитирования: Кузнецов В.О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 6–18.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>

"Provocation" as an Expert Term in Forensic Linguistics

 Vitaly O. Kuznetsov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Federation Ministry of Justice, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article addresses the category of “provocation” as a forensic term that is an interdisciplinary concept in between the legal and linguistic concepts of “provocation”. An expert term “speech provocation” has been developed through an expert analysis where the category of “provocation” has been considered from the legal, linguistic, and expert perspectives. As a part of the consideration of the concept in the expert aspect, the relationship between the legal and linguistic categories has been established. The author concluded that as an expert linguistic term in examinations in corruption cases, the term “speech provocation for an offer/payment of a bribe” is used. In this case, the speech provocation is interpreted as a verbal act which incites one of the communicators to commit an unlawful act – to bribe. That is the linguistic contents of the phenomenon legally called “crime provocation”. The article also addresses the methodological aspect of the detection of speech provocation.

Keywords: *forensic linguistics, legal concepts, linguistic concepts, expert concepts, expert analysis, speech provocation*

For citation: Kuznetsov V.O. "Provocation" as an Expert Term in Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 6–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>

Введение

В последнее время в судебно-экспертных учреждениях Минюста России наблюдается значительное увеличение количества судебных лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам коррупционной направленности, прежде всего по статьям 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На разрешение эксперта по этой категории дел, как правило, ставятся такие вопросы, как «Идет ли в разговоре речь о денежных средствах, их передаче?», «Каково предназначение денежных средств?», «Побуждает ли один коммуникант другого коммуниканта к передаче денежных средств?», «Побуждает ли один коммуникант другого коммуниканта к принятию денежных средств?».

Последний вопрос также может быть поставлен на разрешение эксперта в случае назначения экспертизы по уголовным делам, возбужденным по статье 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». В данном случае установленное экспертом побуждение к принятию денежных средств может рассматриваться правоприменителем как провокация.

Как показывает экспертная практика, эксперт при проведении экспертиз по делам, возбужденным по статьям 290 и 291 УК РФ, часто сталкивается с провокацией в несколько ином понимании, что связано с предложением передачи денежных средств от одного коммуниканта другому; при этом данное предложение вызвано определенными действиями коммуниканта, которому денежные средства предлагают.

В настоящее время в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России не существует единого методического подхода к выявлению провокации путем применения специальных лингвистических знаний. Это по большей части объясняется отсутствием выработанного экспертного понятия «провокация».

Попытаемся рассмотреть категорию «провокация» как судебно-экспертное лингвистическое понятие. В соответствии с теорией экспертных понятий, сложившейся в судебной психологической экспертизе, выработать экспертное понятие возможно посредством экспертологического анализа

[1, 2], в ходе которого устанавливается соотношение правового понятия и стоящей за ним категории базовой науки – в рассматриваемом нами случае – лингвистической категории речевой провокации. Исходя из этого прежде всего необходимо установить, как определяется понятие «провокация» в праве.

Понятие «провокация»: правовой аспект

В уголовно-правовом законодательстве понятие провокации сформулировано только в статье 304 УК РФ: попытка передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа. Как видно из приведенного определения, под провокацией, по сути, понимается неречевое действие – попытка передачи имущества или оказания услуг имущественного характера. При этом согласно комментариям к данной статье УК РФ попытка передачи может сопровождаться и речевыми действиями, например уговорами: «Действия лица, не осознающего провокации, поддавшегося уговорам и принявшего указанные предметы, могут квалифицироваться как покушение на совершение преступлений, предусмотренных ст. 204 или 290 УК» [3]. Таким образом, в ныне действующем УК РФ содержится узкое понимание провокации, связанное с попыткой передачи провоцирующим лицом имущества или оказания услуг имущественного характера провоцируемому лицу.

В советское время в Уголовных кодексах РСФСР (далее – УК РСФСР) 1922 г. и 1926 г. имелась норма «провокация взятки», содержащая более широкое понимание провокации. Так, в УК РСФСР 1922 г. провокация взятки определялась как «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку» [4, с. 130], а в УК РСФСР 1926 г. – «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях по-

следующего изобличения давшего или принявшего взятку» [там же, с. 279]. Данное определение провокации в определенной мере близко современному ее пониманию, нашедшему отражение в ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). Согласно данной статье органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация). То есть провокация в данном случае понимается по большей части как некое речевое действие со стороны провоцирующего, направленное на совершение провоцируемым противоправных действий.

Указанная норма в ФЗ «Об ОРД» появилась вследствие вынесения Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) Постановления «Ваньян против Российской Федерации», в котором приведены признаки полицейской провокации: «Если преступление было предположительно спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не являются деятельностью тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления»¹. В других Постановлениях ЕСПЧ понятие полицейской провокации раскрывается через воздействие. Например, в Постановлении «Раманаускас против Литвы» сообщается следующее: «Провокация со стороны полиции имеет место при участии сотрудников полиции – как сотрудников правоохранительных органов, так и агентов, действующих по их указаниям, – которые не ограничивают себя расследованием преступной деятельности в пассивной форме, но применяют воздействие такого характера, которое провоцирует совершение преступления и которое в ином случае не было бы совершено, с целью установления преступления, то есть получения доказательств и возбуждения уголовного преследования»². В постановлениях ЕСПЧ понятие «провокация» также определяется через давление, влияние. Таким образом,

термины «провокация», «подстрекательство», «воздействие», «давление», «влияние» используются судом как синонимичные.

Определение полицейской провокации ЕСПЧ соотносится с одним из пониманий этой категории в зарубежном уголовном праве в целом, согласно которому провокация представляет собой акт подстрекательства одним человеком другого к тому, чтобы последний совершил преступление [5, с. 1241]. При этом имеется и иное понимание, связанное с такими действиями провоцирующего, которые вызывают определенную эмоциональную реакцию у провоцируемого (лишение самообладания, потеря самоконтроля), в результате чего провоцируемый «в пылу страсти» совершает преступное деяние, при этом данное деяние выступает как акт мести [5–7].

Возвращаясь к отечественному законодательству, необходимо отметить, что Верховный суд Российской Федерации вслед за ФЗ «Об ОРД» в «Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012) раскрывает провокацию аналогично, т. е. через подстрекательство, склонение, побуждение: «Под провокацией сбыта судам следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ³)».

В уголовно-правовой науке провокация рассматривается неоднозначно. Ряд ученых определяют провокацию через побуждение, подстрекательство провоцируемого лица к совершению преступления. Так, Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров определяют провокацию как «подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и т. п. к действиям, которые могут повлечь тяжкие последствия» [8, с. 336]. В.Д. Иванов и В.А. Черепяхин отмечают: «Именно стремление лица побудить к совершению преступления, а затем передать подстреканное лицо после совершения им преступления органам правосудия и образует провокацию преступления» [9].

¹ Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005 «Дело “Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации”» (Жалоба № 53203/99) // Бюллетень ЕСПЧ. 2006.

² Постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 «Дело “Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы”» (Жалоба № 74420/01) // Бюллетень ЕСПЧ. 2008. № 8.

³ Оперативно-розыскных мероприятий. – *Прим. авт.*

Е.С. Дубоносов под провокацией преступления понимает «активные действия субъектов по умышленному побуждению лица, не имевшего преступного умысла, к совершению преступления» [10, с. 12].

О.А. Вагин и С.Д. Демчук рассматривают провокацию как склонение лица к совершению преступления: «провокация преступления, т. е. склонение к его совершению лиц, не обнаруживших противоправных намерений» [11, с. 218]; «провокацией преступления является склонение другого лица к совершению преступления любым способом, направленным на формирование и реализацию конкретного (определенного) умысла, в целях привлечения к уголовной ответственности, дискредитации или шантажа этого лица» [12].

А.А. Мастерков понимает провокацию преступления как «вовлечение другого лица в совершение преступления, совершенное с целью наступления вредных для этого лица последствий»⁴. Через понятие «вовлечение» провокацию преступления определяет и А.Д. Назаров: «Провокацией преступления признается вовлечение другого лица в совершение преступления, совершенное с целью возбуждения против него уголовного преследования» [13, с. 15].

Более обобщенно провокацию определяет С.Н. Радачинский – это «умышленная односторонняя деятельность виновного, направленная на моделирование такого поведения другого человека, которое имело бы все внешние признаки преступления, с целью дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения, если при этом деяние провоцируемого фактически не обладает признаками виновности»⁵. В данном случае провокация рассматривается как деятельность провоцирующего лица без конкретизации вида деятельности (физическое действие или речевое действие).

Таким образом, понятие «провокация» в праве определяется неоднозначно. Вместе с тем для настоящего исследования существенно, что провокация рассматривается преимущественно как действие, осуществляемое посредством речи, и описывается как побуждение в различных формах (собственно побуждение, склонение, подстре-

кательство), реализуемое как прямо, так и косвенно.

Понятие «провокация»: лингвистический аспект

Чтобы рассмотреть категорию «провокация» в лингвистическом аспекте, прежде всего необходимо обратиться к данным толковых словарей русского языка, в которых приводятся дефиниции слова «провокация» в качестве элемента повседневного языка. Приведем лишь те словарные толкования, которые можно соотнести с пониманием провокации преступления в праве⁶.

ПРОВОКАЦИЯ. [латин. *provocatio* — вызов]. 2. Умышленный вызов, подстрекательство с какой-н. целью. *Открытая провокация войны фашистами. В этом вопросе скрывалась провокация* [14, с. 906–907].

ПРОВОКАЦИЯ. 1. Действие, направленное против отдельных лиц, групп, государств и т. п. с целью вызвать ответное действие, влекущее за собой тяжелые или гибельные для них последствия [15, с. 980–981].

ПРОВОКАЦИЯ. 1. Подстрекательство, побуждение кого-л. (отдельных лиц, групп, организаций и т. д.) к таким действиям, которые повлекут за собой тяжелые, гибельные для них последствия. *Военная провокация* [16, с. 472].

ПРОВОКАЦИЯ. 1. Предательское поведение, подстрекательство кого-н. к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия. *Устроить провокацию. Не поддаваться на провокацию* [17, с. 563].

ПРОВОКАЦИЯ. 2. Подстрекательство, побуждение кого-л. к действиям, которые могут повлечь тяжелые для него последствия. *Втянуть в провокацию кого-л. Организовать провокацию* [18, с. 1002].

Из приведенных толкований слова «провокация» видно, что оно понимается как определенное действие или поведение одного лица, вызывающее совершение действия другим лицом, и толкуется через слова «действие», «побуждение», «подстрекательство», «вызов», «поведение».

Согласно «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» глаголы «провоцировать», «подстрекать», «побуждать» являются синонимами с общим значением побуждения к действию. Наряду с данными глаголами в синонимический

⁴ Мастерков А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. 18 с. (С. 16.)

⁵ Радачинский С.Н. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999. 28 с. (С. 12).

⁶ Исключены толкования слова «провокация» как медицинского термина, а также обозначения этим словом природных явлений.

ряд глаголов, выражающих такое значение, входят глаголы, «подталкивать», «толкать», «убеждать», «уговаривать», «уламливать», «агитировать», «призывать», «взывать», «подговаривать», «подбивать», «подзуживать», «подначивать». Кроме того, в данный синонимический ряд включен глагол «склонять» [19, с. 369]. Как отмечалось выше, склонение, так же как побуждение и подстрекательство, является одной из форм проявления провокации в правовом понимании.

Глагол «побуждать» в синонимическом ряду выражает общее для всех включенных в этот ряд значение «*X побуждает Y-а к Р = 'желая, чтобы Y сделал Р, и считая, что действие Р может быть причиной того, что Y сделает Р, X делает Р'*». Обладая данным общим значением, глагол «побуждать» может употребляться вместо любого из глаголов синонимического ряда с утратой каких-либо оттенков значения, но при этом без нарушения правильности высказывания [там же].

Глаголы «подстрекать» и «провоцировать» рассматриваемого синонимического ряда реализуют общее значение, выраженное глаголом «побуждать», при этом их значение осложнено оценочным компонентом: имеет место отрицательная оценка действия, к которому побуждается объект, и такая же оценка самого акта побуждения [там же, с. 371]. Кроме того, глагол «провоцировать» не исключает, «что объект или адресат этих действий может сам хотеть сделать то, к чему его побуждают, но от чего он удерживается» [там же].

Входящий в этот же синонимический ряд глагол «склонять» выражает значение, подобное значению глагола «убеждать», который «ориентирован на изменение намерений адресата с тем, чтобы он совершил нужный поступок» [там же, с. 1172].

Возвращаясь к приведенным выше толкованиям слова «провокация», необходимо отметить, что значения данного слова, а также примеры, иллюстрирующие его употребление в речи, свидетельствуют о способе совершения провокации: посредством речи (*В этом вопросе скрывалась провокация*) и посредством определенных физических действий (*Открытая провокация войны фашистами; военная провокация*).

Такое разграничение способов реализации провокативных действий является традиционным в исследованиях, посвященных феномену провокации. Так, И.М. Дзяло-

шинский и Р.В. Жолудь выделяют три группы средств, используемых при осуществлении провокации: провокативные действия, провокативные тексты и провокативные речи [20]. Провокационные речи, в свою очередь, ученые разделяют на два типа: «Первый тип рассчитан на провоцирование адресата на действие, которое необходимо или заранее известно провокатору. Второй тип предусматривает получение в ответ какой-либо информации – или известной провокатору, или неизвестной (в этом случае говорят о “выпытывании” сведений)» [там же]. Для ситуации провокации преступления наибольший интерес представляют именно провокативные речи, причем обоих типов.

Речевая провокация как лингвистический феномен в настоящее время достаточно хорошо описан в традиционных для науки о языке терминах «речевой акт», «речевой жанр», «речевая стратегия», «речевое воздействие» и др.

В.Н. Степанов рассматривает данное явление сквозь призму теории речевых жанров как «комплексное жанровое образование» «в совокупности лингвистических и прагматических факторов, выражающее провокативное намерение (провоцирующего) скорректировать эмоциональное состояние и коммуникативную активность провоцируемого, вызвав в нем интенциональное состояние, аналогичное демонстрируемому и не соответствующее актуальному эмоциональному состоянию реципиента» [21]. Ученый отмечает, что провокация в речи проявляется как провокативная стратегия – комплекс интенций говорящего, составляющий программный блок, и «последовательно реализуется в процессе репрезентации речевых жанров (провокационных жанров) до того момента, пока не будет достигнут ожидаемый провокативный эффект» [там же]. По мнению В.Н. Степанова, можно говорить о существовании провокативной деятельности как особого вида речевой деятельности [22].

Е.Н. Зарецкая определяет речевую провокацию в риторическом аспекте – как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на (1) получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо (2) дестабилизацию его эмоционального состояния» [23, с. 48]. Она рассматривает провокационную речь как подчиняющее прямое воздействие: «человека вынуждают помимо

его воли передать некоторую информацию» [24].

По мнению О.С. Иссерс, провокация представляет собой провокационную речевую стратегию, определяемую как «конфликтотенную технологию речевого воздействия, поскольку она побуждает партнера к речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [25]. Провокация как речевая стратегия реализуется посредством речевых тактик. Например, провокационная речевая стратегия, направленная на выведение информации, выполняется через следующие речевые тактики: «игра по правилам», «частичный запрос», «установление связей и отношений», «наведение темы», «принуждение через обвинение, или игра без правил», «апелляция к слухам», «комплимент» [там же].

Как коммуникативную стратегию определяет провокацию и О.С. Волкова: «коммуникативная провокация – это стратегия деструктивного поведения, нацеленная на вовлечение партнера по коммуникации в конфликтное взаимодействие или создание условий для его возникновения» [26].

Аль Губури (Basim Y. Jasim Al Guburi) рассматривает речевую провокацию как речевой акт. Вслед за Дж. Остином [27] ученый выделяет в речевом акте три уровня: локутивный акт, иллокутивную силу и перлокутивный эффект: «Провокацию следует рассматривать как словесное действие (локутивный акт), имеющее специфическую функцию (иллокутивная сила) оскорбления или гнева и приводящее к специфическому эффекту (перлокутивная сила) провоцирования, заставляющему кипеть кровь и, возможно, побуждающему провоцируемого к совершению преступления» [28]. Он отмечает, что провокация является преднамеренным речевым актом, который может быть прямым или косвенным. В последнем случае провокация реализуется посредством различных форм непрямого общения, наиболее провокативными из которых являются намеки, инсинуации и предложения передать больше того, что сказано. При этом говорящий в большинстве случаев предполагает, что его собеседник поймет его, но он не уверен, каким будет ответ [там же].

Таким образом, приведенные толкования слова «провокация» как элемента повседневного языка, а также определения провокации в качестве лингвистического

феномена свидетельствуют, что провокацию в лингвистическом аспекте можно описать как волеизъявление. Например, в понимании этой категории М.Г. Безяевой волеизъявление связано с желанием одного коммуниканта воздействовать на другого коммуниканта (или третье лицо) в целях изменить ситуацию: «Под волеизъявлением мы понимаем выражение желания говорящего каузировать действие при наличии его (непосредственного) исполнителя либо слушающего, способного довести до сведения третьего лица желание говорящего и тем самым каузировать его действия с целью изменения ситуации» [29, с. 13]. При этом каузация включает два параметра: параметр причины, толчка к изменению ситуации и параметр воздействия [там же].

Существенным для провокации как лингвистического феномена является и то, что она большей частью представляет собой сложное действие, складывающееся из ряда более простых. В этой связи неслучайно, что многие авторы рассматривают провокацию как речевую стратегию – «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [30, с. 54].

Понятие «провокация»: экспертный лингвистический аспект

Возможность решения в рамках судебной лингвистической экспертизы вопроса о наличии/отсутствии в разговоре признаков провокации в настоящее время не определена. Так, авторы монографии «Судебная лингвистика» считают, что этот вопрос пока что не может быть решен путем использования специальных лингвистических знаний, поскольку, во-первых, понятие «провокация» имеет правовой и психологический характер, во-вторых, провокация рассматривается авторами как перлокутивная составляющая коммуникации, которая относится к результату речевого общения и является ненаблюдаемым и не восстанавливаемым категорично значением, и в-третьих, в настоящее время отсутствуют апробированные лингвистические методы для выявления в рамках экспертизы феномена провокации [31, с. 275]. В то же время Т.В. Варлакова рассматривает провокацию как юридико-лингвистическую категорию, выявление которой в рамках судебной лингвистической экспертизы возможно. По ее мнению, на разрешение эксперта могут быть поставлены следующие вопросы:

«Имеются ли высказывания побудительного характера или фразы в форме директивно-го предписания к действиям в пользу кого-либо из участников разговора, высказанные в адрес другого(-их) участника(-ов) и свидетельствующие о возможной провокации? Если да, то какие именно, в какой форме, от кого исходят и кому адресованы?»; «Имеются ли признаки речевой провокации в высказываниях побудительного характера в адрес собеседника со стороны кого-либо из участников разговоров к совершению каких-либо действий? Если да, то какие именно провокационные высказывания выявлены и в какой форме (прямого побуждения, констатации необходимости или иной)?» [32].

Рассмотрение провокации как юриди-ко-лингвистической категории, т. е. в меж-дисциплинарном аспекте, близко к ее по-ниманию в качестве экспертного понятия. Как указывалось выше, для выработки экс-пертного понятия «провокация» необходим экспертологический анализ, предполагаю-щий установление соотношения правовой нормы и лингвистического феномена.

Повторим, что правовое понимание про-вокации преступления раскрывается в ФЗ «Об ОРД»: провокация – это подстрекатель-ство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противо-правных действий. То есть провокация в праве определяется через синонимиче-ский ряд «подстрекательство, склонение, побуждение». При этом одно из этих поня-тий – «побуждение» – является собственно лингвистическим, а два других – «подстре-кательство» и «склонение» – таковыми не являются, но при этом раскрываются через побуждение, выступая в качестве его раз-новидностей.

Как было установлено, лингвистическая категория «провокация» представляет со-бой волеизъявление одного коммуниканта, направленное на совершение другим ком-муникантом нежелательных для него дей-ствий. Указанное понимание провокации в лингвистическом аспекте не несет инфор-мации о его юридическом значении, а также о правовых последствиях установления это-го феномена в рамках экспертизы, возмож-ности правовой квалификации действий провоцирующего. Данное лингвистическое понятие достаточно широкое и охватыва-ет большое количество сфер и ситуаций (провокативный дискурс). Для его приме-нения в экспертной практике оно должно

быть трансформировано, адаптировано. Такая адаптация возможна путем выделе-ния из всех ситуаций, охватываемых про-вокативным дискурсом, более узкого круга значимых для уголовно-правовой квали-фикации ситуаций, например ситуации дачи/получения взятки, коммерческого подкупа. Для данной ситуации значимыми являются такие действия, к которым провоцируется коммуникант, как дача взятки, предложение взятки.

Исходя из установленного соотношения правового понятия «провокация» и одно-именной лингвистической категории можно сделать вывод, что в качестве экспертного лингвистического понятия в экспертизах по делам о коррупции выступает понятие «ре-чевая провокация предложения/дачи взят-ки». В данном случае речевая провокация понимается как речевое действие – побуж-дение одним коммуникантом другого ком-муниканта к совершению противоправного действия – предложить или дать взятку. Это является лингвистическим наполнением того явления, которое в праве именуется как «провокация преступления (дачи взят-ки)».

Проведенный экспертологический ана-лиз можно представить в виде схемы (см. рис.).

Установление речевой провокации: методический аспект

В настоящее время в рамках судебной лингвистической экспертизы не существу-ет утвержденных, апробированных методик установления речевой провокации. Вме-сте с тем имеется ряд работ научно-методи-ческого характера (например, [32–38]), где авторы предлагают методические подходы к установлению данного явления. Они сводятся к установлению побуждения одним собеседником другого собеседника к при-нятию, получению взятки или ее предложе-нию: «При производстве лингвистической экспертизы по делам о получении взятки <...> языковед определяет наличие или от-сутствие в представленных словесных ма-териалах побудительных высказываний, имеющих провокационный характер в от-ношении лица, получившего взятку. Цель речевой провокации – побуждение собе-седника к действиям и высказываниям, ко-торые могут нанести ущерб его интересам. <...> Побудительное высказывание, имею-щее провокационную направленность, мо-жет выступить в качестве способа прово-

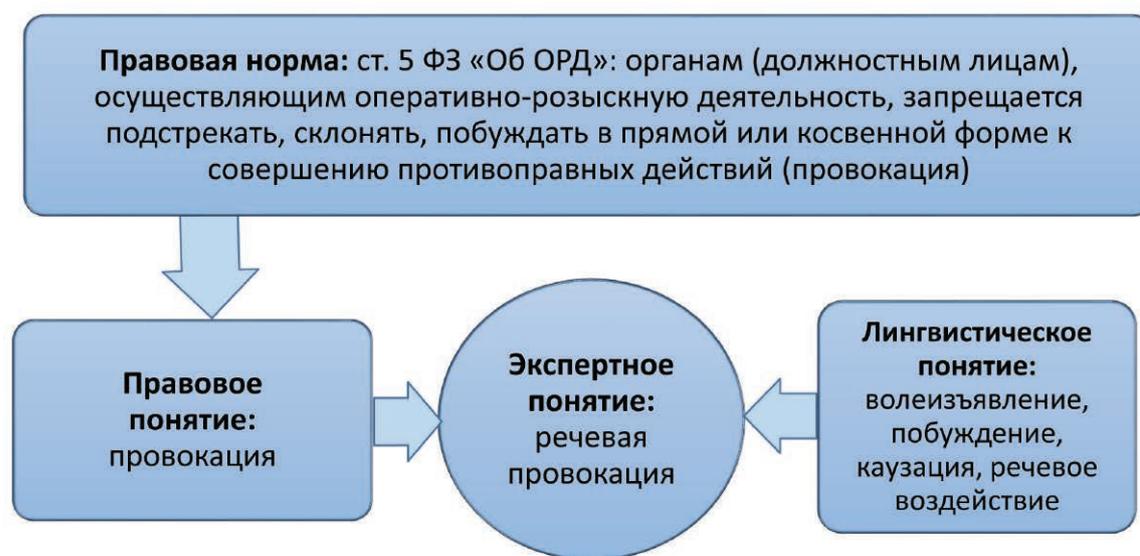

Рис. Экспертологический анализ понятия «провокация»
Fig. Expert analysis of the concept “provocation”

кации взятки» [32]. При этом во всех работах отмечается, что речевая провокация, в отличие от простого, прямого побуждения, представляет сложное явление, связанное с речевым воздействием: «Провокация предполагает манипулятивное воздействие, в том числе и на сферу эмоций; она ориентирована на вызов у собеседника желаемого говорящему психологического состояния; являет собой комплексное образование» [35]; «Провокация представляет собой коммуникативное событие, в структуру которого включены такие элементы, как прямое, косвенное или скрытое побуждение, разного рода тактики прямого и скрытого суггестивного воздействия» [38].

Указанная специфика речевой провокации определяет выбор методов исследования. А.Н. Баранов предлагает в данном случае использовать методы анализа коммуникативной, содержательной и количественной активности участника диалога и дополнить их методами семантического анализа: «Следует отметить, что сам по себе анализ активности участника в рамках той или иной темы общения недостаточен и должен быть дополнен исследованием эксплицитной (пропозициональной) составляющей диалога, а также изучением скрытых, косвенных и неявных способов передачи семантики» [34]. Е.И. Галяшина предлагает применять различные методы лингвистического анализа: «семантические, грамматические, стилистические, коммуникативно-прагматические и дискурсивные» [35].

Опираясь на существующий опыт разработки методических подходов к выявлению речевой провокации и положения теории экспертных понятий, рассмотрим методический аспект установления речевой провокации как судебно-лингвистического экспертного понятия.

При провокации в речи говорящего (провоцирующего) имеет место непрякая коммуникация: предмет речи (т. е. негативные для адресата действия, которые ему необходимо совершить в сложившейся ситуации) явно не назван⁷, речевая цель также выражена неявно, а путем реализации различных речевых целей, «работающих» на общую цель – побуждение собеседника к даче или предложению со стороны последнего взятки. В связи с этим в методическом аспекте важным является установление комплекса речевых тактик, реализующих стратегию речевой провокации.

Обобщение практики производства судебных лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз, в которых решались вопросы о наличии/отсутствии в речи коммуникантов речевой провокации, а также анализ литературы ([32–34, 37]) показали, что набор тактик, реализующих провокативную стратегию, в целом однообразен. Это по большей части объясняется типичностью коммуникативной ситуации провокации взятки: в разговоре, как правило, участвуют два собеседника, один из которых (X) имеет проблему,

⁷ При отсутствии коммуникативной неудачи действия называются адресантом.

но не имеет возможности решить ее законным путем, а второй (Y), по мнению X, имеет возможность (полномочия) эту проблему решить. При этом Y фиксирует разговор посредством аудио- или видеозаписи. При намерении спровоцировать X речевое поведение Y направлено на подведение X к единственному способу решения проблемы последнего – незаконному – путем дачи или предложения им взятки.

Исходя из описанных особенностей данной коммуникативной ситуации можно выделить следующие речевые ходы.

– Инициирование провоцирующим темы способа решения проблемы провоцируемого, поддержание этой темы, возвращение к ней. Эта тактика в основном выражается посредством вопросов о способе решения проблемы: *Как мы определимся? Что вы предлагаете? Как решать будем?* В большинстве случаев повторяется один и тот же вопрос. Т. е. имеет место содержательная активность провоцирующего.

– Негативная оценка провоцирующей ситуации, сложившейся у провоцируемого. Как правило, провоцирующий либо дает оценку перспектив в деле провоцируемого, сообщает о негативном прогнозе (имеют место оценочные суждения типа *Плохи ваши дела*), либо говорит о сложности решения проблемы, зависимости ее решения от многих людей (*Вопрос решить трудно, но можно*).

– Предложения со стороны провоцирующего по решению проблемы, которые заведомо не устраивают провоцируемого в сложившейся ситуации.

– Упреки со стороны провоцирующего в связи с тем, что провоцируемый отказывается принять его предложения по решению проблемы: *Я уже вам все предложил, а вы отказываетесь*.

– Намеки провоцирующего на необходимость предложения провоцируемым денег (*Спасибо в карман не положишь и на хлеб не намажешь; Договоримся; Нужны более веские аргументы*).

Кроме того, провоцирующий в случае коммуникативной неудачи может отступать от ситуации официально-делового общения, что проявляется в изменении тональности общения, проявлении фамильярности, переходе на «ты» и т. п.

Вместе с тем выявление данных тактик должно проводиться с учетом особенностей коммуникативного взаимодействия собеседников, содержания реплик второ-

го коммуниканта. Необходимо обращать внимание на коммуникативную и содержательную активность провоцируемого в отношении темы денег, взятки: для ситуации речевой провокации данная тема не должна быть изначально инициирована провоцируемым лицом, а должна появиться вследствие действий провоцирующего.

Проиллюстрируем реализацию речевой провокации и установление ее как судебно-лингвистического экспертного понятия на следующем примере.

Обстоятельства дела: коммуникант X (руководитель фирмы, выполнившей работы по договору) приходит к коммуниканту Y (должностное лицо) с целью добиться принятия работ, несмотря на выявленные недостатки.

Основной коммуникативной целью коммуниканта X в разговоре является убеждение коммуниканта Y в необходимости согласования актов выполненных работ по указанному договору в кратчайшие сроки, о чем свидетельствует его коммуникативная активность при обсуждении темы недостатков, выявленных в работе его фирмы, их незначительности, легкой устранимости; акцентирование внимания на личном участии в урегулировании ситуации (приехал лично на автомобиле), обещание устранить недостатки, аргументация.

Коммуникативные параметры речи Y по большей части обусловлены особенностями коммуникативной ситуации: Y знал, что к нему должен прийти X со своей проблемой, вел скрытую запись их беседы. В речи Y реализуются следующие коммуникативные цели:

– информирование о замечаниях, выявленных в работах, выполненных фирмой X;

– информирование о негативных последствиях в случае неподписания актов выполненных работ по договору – возврат денежных средств в бюджет;

– предложение невыгодных для X решений его проблемы путем заключения дополнительного соглашения или предоставления заказчику банковской гарантии на сумму контракта;

– информирование о негативных последствиях для коммуниканта X – направлении претензии в контролирующий орган, решении проблемы в судебном порядке, в результате чего фирма коммуниканта X проиграет в суде;

– побуждение коммуниканта X предложить свой вариант (*Так предложите свой вариант!*) после перечисления и обсуждения

возможных вариантов, которые не устраивают коммуниканта X.

Указанные коммуникативные цели, выраженные в речи коммуниканта Y, исходя из содержания и композиции разговора в целом, представляют речевые тактики, с помощью которых реализуется речевая стратегия побуждения (речевой провокации) к действию коммуниканта X, а именно предложения со стороны последнего передать деньги (часть от суммы договора) с целью ускорения коммуникантом Y согласования актов выполненных работ по договору. Данное побуждение выражено в форме предложения (*Так предложите свой вариант!*).

О реализации данной стратегии в речи коммуниканта Y также свидетельствует его коммуникативная активность при обсуждении обстоятельств передачи денег ему от X: он инициирует эту тему, выдвигает свои условия передачи денег, при этом настаивает на принятии своих условий, соглашается на получение денег от X. Его требования характеризуются категоричностью (о чем свидетельствует использование интонационной конструкции ИК-2⁸ модальной реализации).

⁸ В соответствии с типологией интонационных конструкций Е.А. Брызгуновой [39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 220–239. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
2. Сафуанов Ф.С. Принципы клинично-психологической судебной экспертологии // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45. <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 736 с.
4. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / Сост. А.А. Герцензон; Под ред. И.Т. Голякова. М.: Госюриздат, 1953. 464 с.
5. Garner B.A. (ed). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. St. Paul: Thomson/West, 2004. 1810 p.
6. Ashworth A.J. The Doctrine of Provocation // *The Cambridge Law Journal*. 1976. Vol. 35. Issue 2. P. 292–320. <https://doi.org/10.1017/S0008197300012046>
7. Virgo G. Defining Provocation // *The Cambridge Law Journal*. 1999. Vol. 58. Issue 1. P. 7–10. <https://doi.org/10.1017/S0008197399231017>

Заключение

Путем проведения экспертологического анализа нами выработано экспертное понятие «речевая провокация», которое понимается как речевое действие – побуждение одним коммуникантом другого коммуниканта к совершению противоправного действия – предложить или дать взятку. Это является лингвистическим наполнением того явления, которое в праве именуется как «провокация преступления (дачи взятки)».

Методически важным при выявлении речевой провокации является учет того, что данное явление представляет собой сложное речевое действие – коммуникативную стратегию, реализующуюся посредством комплекса речевых тактик.

Представляется, что с учетом характера феномена провокации как сложного комплексного явления, связанного с речевым воздействием, в экспертном плане его целесообразно рассматривать не столько как судебно-лингвистическое, а как психолого-лингвистическое экспертное понятие. Психологический аспект этой категории рассмотрен в работе Т.Н. Секе-раж [40].

REFERENCES

1. Safuanov F.S. How to Build Substantive Judicial-Psychological Examination. *Psychology and Law*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 220–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118> (In Russ.)
2. Safuanov F.S. Principles of Clinical-Psychological Forensic Expert Science. *Russian Journal of Psychiatry*. 2020. No. 2. P. 39–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1560-957X-2020-10205>
3. Esakov G.A. (ed). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. 7th ed. Moscow: Prospekt, 2017. 736 p. (In Russ.)
4. Gertsenzon A.A. *Collection of Documents on the History of Criminal Legislation of the USSR and RSFSR in 1917–1952* / I.T. Golyakov (ed). Moscow: Gosyurizdat, 1953. 464 p. (In Russ.)
5. Garner B.A. (ed). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. St. Paul: Thomson/West, 2004. 1810 p.
6. Ashworth A.J. The Doctrine of Provocation. *The Cambridge Law Journal*. 1976. Vol. 35. Issue 2. P. 292–320. <https://doi.org/10.1017/S0008197300012046>
7. Virgo G. Defining Provocation. *The Cambridge Law Journal*. 1999. Vol. 58. Issue 1. P. 7–10. <https://doi.org/10.1017/S0008197399231017>

8. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 1997. 525 с.
9. Иванов В.Д., Черепакхин В.А. Провокация преступления // Российский следователь. 2013. № 14. С. 29–32.
10. Дубоносов Е.С. Провокация взятки либо коммерческого подкупа. Лекция. М.: Кн. мир, 2002. 35 с.
11. Вагин О.А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности (научный доклад) / Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности. Сб. материалов Всерос. круглого стола (3 ноября 2011 г.) / Сост. К.Б. Калиновский. СПб.: Петрополис, 2012. С. 7–68.
12. Демчук С.Д. И вновь о провокации преступления // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). С. 103–110.
13. Назаров А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2010. 150 с.
14. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 3: П – Ряшка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов слов., 1939. 1424 стб.
15. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 11: Пра – Пятью / Под ред. В.И. Чернышева. М., Л.: АН СССР, 1961. 1842 стб.
16. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 3. П – Р / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИНФОРТЕХ, 2010. 874 с.
18. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
19. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. руководством Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. Москва, Вена: Языки славян. культуры, 2004. 1417 с.
20. Дзялошинский И.М., Жолудь Р.В. Провокация в системе коммуникационных технологий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 2. С. 62–81.
21. Степанов В.Н. Провокативные речевые жанры как инструменты непрямой коммуникации: лингвистические признаки и анализ // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 89–99.
22. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
23. Зарецкая Е.Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1998. 480 с.
24. Зарецкая Е.Н. Провокационная речь / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Меж-
8. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. *Legal Encyclopedia*. Moscow: Yurinformsentr, 1997. 525 p. (In Russ.)
9. Ivanov V.D., Cherepakhin V.A. Provocation of a Crime. *Russian Investigator*. 2013. No. 14. P. 29–32. (In Russ.)
10. Dubonosov E.S. *Provocation to Bribery or Commercial Bribery. Lecture*. Moscow: Kn. mir, 2002. 35 p. (In Russ.)
11. Vagin O.A. Constitutional Issues of the Police Work (Scientific Report). *Constitutional and Legal Issues of the Police Work. Collection of Materials of the All-Russian Roundtable (November 3, 2011)* / K.B. Kalinovskii (contributor). Saint Petersburg: Petropolis, 2012. P. 7–68. (In Russ.)
12. Demchuk S.D. To the Question of Provocation of Crimes. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2015. No. 2 (32). P. 103–110. (In Russ.)
13. Nazarov A.D. *Entrapment in Police Work*. Moscow: Yurlitinform, 2010. 150 p. (In Russ.)
14. Ushakov D.N. (ed). *Russian Language Dictionary. In 4 Volumes. Vol. 3: P – Ryashka*. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov, 1939. 1424 stb. (In Russ.)
15. Chernyshev V.I. (ed). *Dictionary of the Modern Russian Literary Language. In 17 Volumes. Vol. 11: Pra – Pyat'yu*. Moscow, Leningrad: AN SSSR, 1961. 1842 stb. (In Russ.)
16. Evgen'eva A.P. (ed). *Russian Language Dictionary. In 4 Volumes. Vol. 3: P – R*. 4th ed., Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999. 750 p. (In Russ.)
17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Glossary of the Russian Language*. 4th ed. Moscow: INFOTEKH, 2010. 874 p. (In Russ.)
18. Kuznetsov S.A. (ed). *The Big Glossary of the Russian Language*. Saint Petersburg: Norint, 1998. 1534 p. (In Russ.)
19. Apresyan Yu.D. (ed). *The New Defining Dictionary of Synonyms of the Russian Language*. 2nd ed. Moscow, Vena: Yazyki slavyan. kul'tury, 2004. 1417 p. (In Russ.)
20. Dzyaloshinskii I.M., Zholid' R.V. Provocation in the System of Communicative Technologies. *Communications. Media. Design*. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 62–81. (In Russ.)
21. Stepanov V.N. Provocative Speech Genres as a Means of Indirect Communication, Its Linguistic Entity and Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 4 (36). P. 89–99. (In Russ.)
22. Stepanov V.N. *Provocation in Social and Mass Communication*. Saint Petersburg: Roza mira, 2008. 268 p. (In Russ.)
23. Zaretskaya E.N. *Rhetoric. Theory and Practice of Verbal Communication*. Moscow: Delo, 1998. 480 p. (In Russ.)
24. Zaretskaya E.N. Provocative Speech. *Digital Linguistics and Intelligent Technology. On the Materials of the Annual International Conference "Dialogue"*. 2000. (In Russ.)

- дународной конференции «Диалог». 2000. <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/zaretskaya/>
25. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104.
 26. Волкова О.С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 49–55. <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>
 27. Остин Дж.Л. Слово как действие / Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
 28. Al Guburi B.J. Provocation: A Legi-Pragmatic Approach // Contemporary Readings in Law and Social Justice. 2013. Vol. 5 (2). P. 858–878.
 29. Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 751 с.
 30. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
 31. Судебная лингвистика. Монография / Под ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт, 2015. 310 с.
 32. Варлакова Т.В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4. С. 33–36.
 33. Вязигина Н.В. Методологические основы выявления провокации в лингвистической экспертизе по делам о коррупции / Функционирование русского языка как государственного в современных условиях. Всероссийская научно-практическая конференция (Москва, 7 декабря 2012 г.). Сб. статей. М.: РПА Минюста России, 2013. С. 60–64.
 34. Баранов А.Н. Активность участника коммуникации: методы лингвистического анализа / Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). М.: РГГУ, 2014. Вып. 13 (20). С. 43–52.
 35. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза коррупционного дискурса: предмет, задачи и компетенции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2. С. 6–14.
 36. Галяшина Е.И., Галяшин Н.В. Использование специальных знаний для разграничения взятки и ее провокации / Специальный выпуск для участников курса очно-дистанционного обучения «Провокация и другие незаконные методы оперативно-розыскной деятельности». Пятигорск – Ставрополь (26 мая 2016 г. – 24 июля 2016 г.). Пятигорск, 2016. <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/zaretskaya/>
 25. Issers O.S. The Strategy of Speech Provocation in a Public Dialogue. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2009. No. 2 (18). P. 92–104. (In Russ.)
 26. Volkova O.S. Communicative Provocation as a Strategy of Destructive Behaviour in Every-Day Conflict. *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2014. No. 5 (24). P. 49–55. (In Russ.). <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>
 27. Austin J.L. A Word as an Action. *New in Foreign Linguistics* / Trans. from English. B.Yu. Gorodetsky (ed). Moscow: Progress, 1986. P. 22–129. (In Russ.)
 28. Al Guburi B.J. Provocation: A Legi-Pragmatic Approach. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2013. Vol. 5 (2). P. 858–878.
 29. Bezyaeva M.G. *Semantics of the Communicative Level of the Sounding Language. The Expression of Speaker's Will and Desire in a Russian Dialogue*. Moscow: Moscow State University, 2002. 751 p. (In Russ.)
 30. Issers O.S. *Communicative Strategies and Tactics of the Russian Speech*. 5th ed. Moscow: LKI, 2008. 288 p. (In Russ.)
 31. Matveeva O.N. (ed). *Forensic Linguistics. Monograph*. Barnaul: Kontsept, 2015. 310 p. (In Russ.)
 32. Varlakova T.V. Speech Provocation as the Object of Forensic Linguistic Expertise. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2013. No. 4. P. 33–36. (In Russ.)
 33. Vyazigina N.V. Methodological Framework for Detecting Provocation in Linguistic Expertise in Cases on Corruption. *Functioning of the Russian Language as a State Language in the Current Context. The All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, December 7, 2012). Collection of Articles*. Moscow: RPA Minyusta Rossii, 2013. P. 60–64. (In Russ.)
 34. Baranov A.N. Activity of Participants in a Conversation: Methods of Linguistic Analysis. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, June 4–8, 2014)*. Moscow: RPGU, 2014. Issue 13. (20). P. 43–52. (In Russ.)
 35. Galyashina E.I. Forensic Linguistic Expertise of Corruption Discours: The Subject, Tasks and Competences. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2016. No. 2. P. 6–14. (In Russ.)
 36. Galyashina E.I., Galyashin N.V. The Use of Specialized Knowledge to Distinguish a Bribe and Its Provocation. *Special Issue for the Course Participants of Classroom and Online Learning "Entrapment and Other Unlawful Methods in Police Work"*. Pyatigorsk – Stavropol. (May 26, 2016 – July 24, 2016). Pyatigorsk, 2016. (In Russ.)

37. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 3 (53). С. 245–249.
38. Штеба А.А. Лингвистические признаки провокации // *Litera*. 2017. № 1. С. 120–128. <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580>
39. Брызгунова Е.А. Интонация / Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. С. 96–122.
40. Секераж Т.Н. Судебно-психологические аспекты понятия «провокация» в уголовном процессе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. от–до. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>
37. Doronina S.V. “Let’s Agree, Commander!”: The Methods of Discourse Analysis in the Linguistic Examination of Corruption Speech Crimes. *Politicheskaya lingvistika*. 2015. Issue 3 (53). P. 245–249. (In Russ.)
38. Shteba A.A. Linguistic Features of Provocation. *Litera*. 2017. No. 1. P. 120–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580>
39. Bryzgunova E.A. Intonation. In: Shvedova N.Yu. (ed). *Russian Grammar. In two volumes. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow: Nauka, 1980. P. 96–122. (In Russ.)
40. Sekerazh T.N. Forensic Psychological Aspects of the Concept “Provocation” in Criminal Proceedings. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. ot–do. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виталий Олегович – к. филол. н., заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Vitaly Olegovich – Candidate of Philology, Head of the Laboratory of Forensics Linguistics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

Статья поступила: 20.06.2020
После доработки: 15.07.2020
Принята к печати: 23.08.2020

Received: June 20, 2020
Revised: July 15, 2020
Accepted: August 23, 2020

Судбно-психологические аспекты понятия «провокация» в уголовном процессе

 Т.Н. Секераж

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. На основе экспертологического анализа правовых норм, использующих понятие провокации, предпринята попытка выработки экспертного понятия провокации, которое может применяться в судебной психологической и комплексной психолого-лингвистической экспертизе. Показано, что таким понятием является психологическая направленность коммуникативной деятельности субъекта на побуждение адресата к совершению определенных действий (предложению, даче, получению вознаграждения либо согласию на таковое), повлекших для него негативные последствия в виде привлечения к уголовной ответственности. Эта направленность выражается в формировании у адресата определенной психологической установки, а формирование готовности выразить согласие, предложить либо совершить определенное действие представляются психологическими признаками того явления, которое в праве именуется как «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)». Предложены вопросы, которые могут быть поставлены перед экспертом при назначении соответствующей судебной экспертизы, и диагностический комплекс «провоцирование взятки». Обоснована целесообразность проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в случаях подозрения, что противоправные действия были спровоцированы.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза, комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза, судебная экспертология, экспертные понятия, коррупционные преступления, провокация, психологическое воздействие

Для цитирования: Секераж Т.Н. Судбно-психологические аспекты понятия «провокация» в уголовном процессе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 19–33. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>

Forensic Psychological Aspects of the Term “Provocation” in Criminal Proceedings

 Tat'yana N. Sekerazh

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. Based on the expert analysis of legal norms, using the term “provocation”, the author of the paper is trying to develop an expert concept of “provocation”, which can be used in forensic psychological and comprehensive psychological and linguistic examination. It is demonstrated that the focus of a subject’s communicative activity on incitement to commit particular actions (offer, giving or getting a reward, or readiness to do so) leading to negative consequences in the form of prosecution, is such a concept. This focus expresses as a formation of a particular mental set. The development of consent or offer to commit a specific action seem to be the psychological features of the phenomenon described in law as “to incite, incline, induce, directly or indirectly, to commit unlawful acts (provocation)”. The author proposes the questions which may be put to experts when assigning an examination or a “provocation to bribe” diagnostic complex. The expediency to conduct a comprehensive psychological and linguistic expertise when investigating crimes under articles 290, 291, 291.1 of the Russian Federation’s Criminal code in cases of suspicion that illegal actions resulted from entrapment is justified.

Keywords: forensic psychological examination, comprehensive forensic psychological and linguistic examination, forensic expertology, expert concepts, corruption crimes, provocation, mental pressure

For citation: Sekerazh T.N. Forensic Psychological Aspects of the Term "Provocation" in Criminal Proceedings. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 19–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-19-33>

Введение

Противодействие коррупции является одним из актуальных направлений деятельности государства и постоянным источником общественного интереса. Правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации и Федеральный закон «О противодействии коррупции». Для борьбы с этим явлением на государственном уровне сделаны следующие шаги: создана законодательная база противодействия коррупции и активизирована деятельность правоохранительных органов¹, осуществляются научные разработки проблемы, в частности исследуются социальные и психологические предпосылки коррупционного поведения (см., например, [1–3]), личность коррупционера [4]. Активность правоохранительных органов в части противодействия взяточничеству как наиболее опасному из коррупционных преступлений² нашла отражение в судебно-экспертной практике. Это проявляется в росте числа экспертиз, назначаемых по делам о преступлениях коррупционной направленности, предусмотренных следующими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки» и ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве». Перед экспертами обычно ставятся задачи установления такого предмета разговора, как денежные средства, их передача и предназначение, а также установления наличия побуждения к передаче или принятию денежных средств. Они решаются в рамках судебной лингвистиче-

ской экспертизы. Вместе с тем в последнее время все чаще ставятся задачи, связанные с необходимостью установления наличия/отсутствия в действиях участников разговора провокации. Их юридическое значение может определяться уголовно-правовой нормой, содержащейся в ст. 304 УК РФ, которая предусматривает ответственность за провокацию взятки. Такая провокация всегда совершается в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа, когда должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, заведомо для виновного не только не давало согласия, но и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее³. Провокация взятки всегда совершается без ведома или заведомо вопреки желанию должностного лица.

От преступления, предусмотренного статьей 304 УК РФ, Верховный Суд Российской Федерации предлагает отграничивать действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа, которые совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») и «состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица <...>, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено»⁴. При наличии такой провокации лицо не подлежит уголовной

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». <https://base.garant.ru/12164203/>; Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы». <https://base.garant.ru/12174916/>; Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71877694/>

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/

³ П. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/

⁴ Там же, п. 34.

ответственности за получение взятки либо за коммерческий подкуп в связи с отсутствием события преступления⁵.

При производстве судебной лингвистической экспертизы с целью установления наличия или отсутствия в действиях коммуниканта-«взятополучателя» *провокации* к передаче ему денежных средств возникают определенные методологические трудности. Они связаны как со сложностью феномена провокации, выявление которого часто выходит за пределы возможностей лингвиста и требует применения иных, в том числе психологических, методов исследования (психологическое исследование информационных материалов является новым направлением судебной экспертизы), так и с отсутствием экспертного понятия «провокация».

В связи с этим цель настоящего исследования – проведение экспертологического анализа правовых норм, использующих понятие провокации, и выработка соответствующего экспертного понятия, которое может применяться в судебной психологической либо комплексной психолого-лингвистической экспертизе.

Экспертологическое исследование: соотношение психологического и уголовно-правового понятий провокации

Экспертологический анализ является неотъемлемой частью судебной экспертологии и этапом становления любого вида судебной психологической экспертизы [5]. Экспертологический анализ важен для выявления юридического значения конкретного вида судебной психологической экспертизы⁶ и определения по сути предмета этого вида – того психологического феномена, который подлежит установлению в процессе экспертизы и который составляет психологическое содержание правового понятия, описывающего поведение человека, его состояние и др. [6, с. 7–10]. Экспертные судебно-психологические понятия выработаны во всех традиционных видах судебной психологической экспертизы и закреплены в ГОСТ Р 57344-2016 «Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения». От того, с какой точностью будет определено экспертное понятие – насколько оно будет со-

ответствовать правовому конструкту (юридическому понятию), зависит валидность судебно-экспертной оценки [7, 8]. Поскольку общепсихологические представления и понятия не могут быть перенесены в неизменном виде из базовой науки в сферу судебной экспертизы, так как психологические явления не содержат никакой информации об их юридическом значении, то необходима выработка экспертных понятий как промежуточных между общепсихологическими и правовыми [5]. Эта выработка осуществляется путем определенной трансформации общепсихологических теоретических представлений, которая всегда зависит от содержания правовой нормы.

Первым этапом экспертологического анализа является уяснение содержания правового понятия, установление лежащих в его основе психологических феноменов и их соотношения. Правовая норма может представлять собой «юридические критерии, которые, как правило, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности как отражения окружающего мира, так и регуляции поведения («способность понимать значение своих действий или руководить ими» и т. п.), но могут быть сформулированы и на языке житейских понятий (например, как «нравственные страдания», «заблуждение», «привязанность ребенка к родителю» и т. п.)» [9]. Профессор Ф.С. Сафуанов отмечает, что «при первом варианте экспертологический анализ сводится к трансформации юридического критерия в критерий психологический», и приводит пример *возрастной невменяемости* (ч. 3 ст. 20 УК РФ), психологическим содержанием которой является личностная незрелость несовершеннолетнего лица, обусловленная непсихопатологическими факторами и ограничивающая его способность к осознанной регуляции действий [там же]. Когда же правовая норма сформулирована без юридического критерия, процесс выделения судебно-психологического экспертного понятия является более сложным и опосредованным. В качестве примера можно привести выработку экспертного понятия «аффект», процесс которой подробно описан в работах Ф.С. Сафуанова (см., например, [8]).

Правовое понятие провокации. Для анализа правовой нормы прежде всего сле-

⁵ Там же, п. 33.

⁶ Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 1991. 44 с.

дует понять, как трактуется «провокация» в источниках права.

В российской правовой системе отсутствует институт провокации, нет общей нормы, регулирующей уголовную ответственность за провокацию преступления. Провокация как умышленное преступление предусмотрена только в ст. 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», где провокация трактуется как *попытка передачи должностному лицу без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа*⁷.

Основным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Статья 304 УК РФ рассматривается в качестве специальной нормы по отношению к ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности». Для объективной стороны данного преступления характерны активные действия, выражающиеся в попытке передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг или иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера [10].

От провокации взятки судам предлагается отличать оперативный эксперимент – оперативно-разыскное мероприятие⁸, имеющее своей целью изобличение в совершении преступления лица, инициировавшего дачу взятки или коммерческий подкуп. В отличие от оперативного эксперимента при провокации взятки инициатива в передаче денег или оказании имущественной услуги исходит от лица, передающего деньги или оказывающего услугу [там же].

Таким образом, важными свойствами провокации являются предметность, активность, инициативность и целенаправленность действий субъекта, их осуществление

без согласия лица, т. е. помимо или против его воли, а также с помощью обмана.

Понятие провокации используется в ФЗ «Об ОРД», в статье 5 которого указано, что органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, запрещается *подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)*⁹. Из данного определения следует, что осуществлять провокацию – значит подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Аналогичное определение провокации содержится и в других разъяснениях высшего судебного органа страны по вопросам судебной практики¹⁰.

Используемое при определении провокации понятие *подстрекательства* – один из общеупотребительных терминов в источниках права и правовой литературе: подстрекатель является соучастником преступления, это – *лицо, склонившее* другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (ст. 33 УК РФ). Склонить – значит убедить кого-либо в необходимости чего-либо, добиться согласия на что-либо [11, с. 1196]. Из этого следует, что подстрекательство является открытым (явным) для объекта воздействия, т. е. тому известно, к каким действиям его побуждают, при нем используются различные способы убеждения (при сохраняющейся возможности применения скрытых, манипулятивных приемов мотивирующего воздействия). В отношении же провокации авторы преимущественно подчеркивают именно ее скрытность, хотя в русском языке провокация и подстрекательство являются синонимами. Так, В.О. Кузнецов при лингвистическом анализе слова «провокация» установил, что оно понимается как определенное действие или поведение одного лица, вызывающее совершение действия другим лицом, и толкуется через слова «действие», «побуждение», «подстре-

⁹ В редакции Федерального закона от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» (ред. от 22.02.2014). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52146/

¹⁰ Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом ВС РФ 27.06.2012). <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70097832/>

кательство», «вызов», «поведение». Кроме того, юристы определяют провокацию через понятия *склонения* к совершению преступления, причем «любым способом, направленным на формирование и реализацию конкретного (определенного) умысла»; *вовлечения* в совершение преступления, а в качестве цели провокативной деятельности рассматривается наступление вредных для этого лица последствий, возбуждение против него уголовного преследования; «моделирование такого поведения, которое имело бы все внешние признаки преступления» [12].

Рассмотрим некоторые определения провокации, содержащиеся в иных источниках права и правовой доктрине. Несмотря на отсутствие однозначного определения термина и определенное разнообразие его трактовок, во взглядах на него правоприменителей и ученых имеются важные общие составляющие (как в России, так и за рубежом).

В юридическом словаре Блэка – наиболее авторитетном издании, которое американское правосудие использует как вторичный источник права – *провокация* определяется через *подстрекательство* одним человеком другого к совершению преступления [13, с. 124]. В американской уголовно-правовой системе провокация (*entrapment*) делится на правомерную (наиболее популярный метод правоохранительной деятельности) и неправомерную. Первая имеет место при отсутствии применения методов убеждения или побуждения лица к совершению преступления, соответственно вторая – при наличии таких методов. Факт провокации признается, если будет установлено, что без давления сотрудников правоохранительных органов лицо не совершило бы преступления. При этом провокация как состав преступления имеет два критерия – объективный (исходящая от сотрудника полиции инициатива совершения преступления) и субъективный (осознанность выбора человеком негативного и морально порицаемого варианта поведения), которые рассматриваются с точки зрения влияния действий сотрудников полиции на среднестатистического невиновного человека [14, 15]. Анализ уголовно-правовых норм, закрепляющих особенности провокационной деятельности в различных европейских странах, странах СНГ, дан в ряде работ. Так, А.Е. Аюсинов пришел к выводу, что российское уголовно-правовое зна-

чение деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 304 УК РФ, соответствует пониманию сущности провокации в США и некоторых европейских государствах и заключается главным образом в частном случае фальсификации доказательств. В свою очередь в странах постсоветского пространства несмотря на то, что там в уголовных законах в наименовании статей используется термин «провокация», в него вкладывается иной правовой смысл, аналогичный его определению в ФЗ «Об ОРД» [16]. Другие авторы отмечают, что разница в трактовке провокации нормами права разных стран состоит в субъекте преступления: так, например, в законодательстве Великобритании, США, Азербайджана и Украины субъектом провокации признается сотрудник правоохранительных органов либо лицо, содействующее ему [17].

Таким образом, наше исследование показало, что важными компонентами правового понятия «провокация» являются следующие.

1. Это действие или ряд действий (преимущественно речевых), совершаемых одним из коммуникантов (субъектом провокации).

2. Эти действия направлены на побуждение другого коммуниканта (объекта провокации) к выражению согласия либо предложению получения или дачи взятки (либо совершению иных незаконных действий).

3. Без провокативных действий субъекта провокации лицо (объект провокации) не давало согласия и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее.

4. Наличие у субъекта провокации иной цели, нежели решение какого-либо вопроса, связанного с получением или передачей незаконного вознаграждения; цели такого лица заключаются в наступлении вредных для партнера по коммуникации последствий, возбуждении против него уголовного преследования, создании искусственных доказательств обвинения, а также в его дискредитации, шантаже.

Ввиду того что провокация понимается в праве и правовой доктрине чаще всего как речевое действие или речевая деятельность, направленная на побуждение лица к совершению выгодных провокатору поступков, наиболее очевидным и обоснованным, на первый взгляд, является применение

лингвистических знаний в случае необходимости экспертной оценки речи провокатора. Вместе с тем провокация всегда осуществляется в коммуникации и представляет собой не только и не столько речевое, сколько коммуникативное действие, «включена в коммуникативную цепочку: субъект провокации – сообщение – объект провокации, и вне этого не имеет смысла» [18], представляет собой *социальное взаимодействие* с определенной структурой межличностного восприятия (включающей субъекта и объект межличностного восприятия и сам процесс межличностного восприятия) [19]. Провокация осуществляется не только с помощью языковых (речевых) средств, но и невербально. Более того, чаще всего речевое воздействие является частью более сложной деятельности и имеет статус психологического действия [20]. Коммуникантом-провокатором обычно используются различные средства психологического воздействия на партнера по коммуникации с целью склонения или побуждения его к нужным действиям, в том числе введение в определенное эмоциональное состояние. Все эти особенности провокации, ее условий, средств и целей отражены в представлениях о провокации как правовом понятии. И это обуславливает целесообразность применения психологических знаний для установления криминалистически значимой провокации.

Помимо права, провокация, провокационное и провокативное поведение или действия используются и изучаются во многих других науках и отраслях знания. Исследования, посвященные определению и дифференциации понятий, включающих слова «провокативный» и «провокационный», показывают, что оба прилагательных могут применяться к действиям, направленным на осуществление провокации (см., например, [21]). А.С. Солодухо и А.В. Лозовский проанализировали психологические публикации, содержащие понятие «провокативность», и установили разные значения в связи с контекстом употребления: 1) провокативность как полный синоним «провокационности» в нейтральной коннотации; 2) провокативность как психологическое стимулирующее воздействие (антоним «провокационности» в негативной коннотации); 3) провокативность как гипоним по отношению к термину «манипулятивность» в нейтральной коннотации [22].

Явление провокации – достаточно распространенный объект современных научных и социальных исследований, в том числе с позиции разных дисциплин, поскольку оно присутствует во многих сферах нашей жизни. Так, термин «провокация» активно используется в политологии (где определяется преимущественно как метод ведения политической борьбы с применением акций подрывного характера (см., например, [23]) или как побуждение политического оппонента к заведомо проигрышным действиям [24]), откуда он перекочевал в иные сферы общественной жизни; используется он и в конфликтологии, маркетинге и рекламе, журналистике, искусстве, литературе, психологии, психотерапии, педагогике. Однако ни в одной из перечисленных областей нет однозначного общего, универсального определения провокации.

Психологическое понятие провокации. Обратимся к психологии и смежным отраслям знаний и приведем определения провокации как психологического феномена и позиции исследователей, чтобы выявить и обобщить основные характеристики явления. В философской науке провокация видится, например, как искусство воздействия на человека и инструмент социального обновления [25]. Интересное кроссдисциплинарное изыскание предпринято С.В. Тумским; в итоге он сформулировал претендующее на универсальность определение провокации *как социального действия*: «рискогенная, как правило, комплексная деятельность субъекта, направленная на ведение противоборства с объектом, с целью реализации скрытного намерения субъекта отстоять собственные интересы за счет нарушения интересов объекта или причинения ему ущерба путем навязывания объекту (индивиду, социальной группе или социальному институту) новых социальных условий» [26]. В конфликтологии используется понятие *провокация конфликта*, определяемое как «создание, конструирование и реализация повода для конфликта, которое создается стороной, желающей развязать конфликт или через него реализовать свои интересы» [27, с. 340]. Конфликт двух (нескольких) субъектов, имеющих противоположные цели и задачи, рассматривается как одна из основных характеристик провокации в системе коммуникации, ее ключевая характеристика [18, 28]. Таким образом, участники провокативной коммуникации

находятся в состоянии межперсонального конфликта интересов. При этом объект провокации (провоцируемый субъект) может не осмысливать коммуникацию как конфликт.

В психологических словарях понятие провокации нами не обнаружено. При этом явление активно обсуждается на различных интернет-ресурсах. Так, в Интернете можно найти следующие определения провокации в контексте психологии поведения и психологии влияния:

– действие или ряд действий с целью вызвать ответное действие/бездействие провоцируемого, как правило, с целью искусственного создания таким образом тяжелых обстоятельств или последствий для провоцируемого¹¹;

– словесное или физическое воздействие на оппонента, в первую очередь побуждение, чтобы тот сделал что-то нужное провокатору (обычно это то, что поставит человека в невыгодное положение или представит в невыгодном свете перед окружающими)¹²;

– действие, определенный (специально продуманный) стимул, который с большой вероятностью вызовет у человека, на которого направлено воздействие, определенную реакцию¹³;

– эффективный метод психологического влияния, используемый для достижения своих целей; с помощью провокации можно вызвать у человека необдуманную, спонтанную реакцию, из-за которой он начнет совершать ошибки; провокация бывает явной («открытый вызов») и (неявной по сути манипуляцией) [29].

Разновидностью провокации является интернет-троллинг – вид виртуальной коммуникации с нарушением этики сетевого взаимодействия, выражающейся в виде проявления различных форм агрессивного, издевательского и оскорбительного поведения [30].

Виды провоцирования по его предмету различны – от провоцирования защитных реакций, интереса к партнеру, чувств, переживаний и состояний до определенных (заведомо избранных субъектом провокации – актором воздействия) действий. Дестабилизация состояния объекта влияния или провоцирование (вызывание, ини-

цирование) у него нужного эмоционального состояния видится как цель (отражает намерение субъекта), так и средство осуществления провокации при ее направленности на выгодное провокатору поведение объекта. Иницируемое состояние не соответствует актуальному эмоциональному состоянию объекта и не возникло бы у него без действий провокатора. В.Н. Степанов под *провоцированием* понимает «символическое представление («показывание») реально испытываемых или имитируемых эмоций, чувств, состояний с целью заразить ими собеседника и вызвать у него аналогичное внутреннее состояние, которое не соответствует его актуальному состоянию» [31].

Еще одно важное свойство провокации связано с характером волевой регуляции поведения: она может быть преднамеренной, произвольной и непреднамеренной (например, таковым является провоцирующее, виктимное поведение жертвы преступления, в котором выделяют как провоцирующий тип, так и псевдопровоцирующий) [32, с. 174–180], т. е. провоцирующие действия могут быть умышленными и неумышленными. Некоторые элементы провокации в обыденной жизни могут осознаваться, некоторые могут быть недоступны рефлексии. Это связано с тем, что обычно в дискурсе высказывания полиинтенциональны, одни интенции выступают в качестве ведущих, другие имеют подчиненный характер [33, с. 56].

В психологических работах провокация рассматривается в основном как вид, способ, метод психологического влияния. Она может использоваться в позитивном контексте – так, метод провокации активно применяется различными школами психотерапии (Милтон Эриксон, Эрик Берн, Фрэнк Фарелли) [34] и в педагогике [35]. В этих сферах провокативные действия осуществляются для достижения позитивного результата для объекта влияния (пациента, клиента, воспитанника), благоприятные и полезные для него и нейтральные, не приносящие выгоду субъекту провокации. Е.А. Морозова наиболее важным считает именно акмеологический тип провокации, понимаемой как специфический социально-психологический метод позитивного воздействия, один из древнейших механизмов, выработанных культурой для решения наиболее сложных проблем управления

¹¹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/158351> (дата обращения: 21.06.2020).

¹² <https://psy-zoom.ru> (дата обращения: 20.06.2020).

¹³ https://nrpsy.ru/vliyanie_provokacia.html (дата обращения: 21.06.2020).

развитием человеческой личности и социума [36].

В негативном, деструктивном контексте провокация является частным случаем манипуляции [37–41]. Манипуляция – это вид психологического воздействия, который характеризуется преднамеренностью, скрытостью намерений, стремлением получить выигрывать за счет объекта манипуляции (т. е. преследует односторонние цели субъекта), оказывает разрушительное воздействие на личность. Е.В. Сидоренко обращает внимание на такие основные цели манипулятора, как «скрытое побуждение другого человека к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей» [41, с. 49]. Рассматривая манипуляцию как метафору, Е.Л. Доценко дает наиболее системное описание феномена и более емкое определение целей манипулятора, которые заключаются в «скрытом возбуждении у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [37, с. 52]. В этом состоит *интенциональный* аспект манипуляции в целом и провокации в частности. Данный аспект, наряду с операциональным (техническим) аспектом, используется Е.Л. Доценко для разведения понятий воздействие и взаимодействие (поскольку манипулятивное воздействие осуществляется в процессе коммуникации, который всегда есть взаимодействие субъектов). Технологический (операциональный) и целевой (интенциональный) аспекты дополняют друг друга: «один человек решает, что с другим человеком (как с объектом) он намерен сделать, а вот как это нечто сделать, – находится (узнается) в процессе их взаимодействия (на операциональном уровне)» [там же, с. 54–55].

Операциональная сторона провокации заключается в тех действиях и их системе (системе операций), посредством которых она осуществляется, а также средствах воздействия (как речевых, так и неречевых). Операциональная сторона провокации отражена в представлениях филологов и лингвистов. Так, например, О.А. Иссерс и О.С. Волкова описывают провокацию как стратегию (речевую или коммуникативную), технологию воздействия, побуждающую партнера к речевым реакциям, которые могут иметь для него негативные последствия. Такая стратегия реализуется с помощью набора речевых тактик, ком-

плекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [28, 42]. Процесс провокации имеет кольцевой характер, замкнутый на субъекте провокации [43]. А.А. Штеба определяет провокацию как «коммуникативное событие, в структуру которого включены такие элементы, как прямое, косвенное или скрытое побуждение, разного рода тактики прямого и скрытого суггестивного воздействия» [44]. В.Н. Степанов рассматривает провоцирование как особый тип интенционального дискурса – провокативного дискурса [45], который осуществляется посредством провокативных жанров – элементарных и комплексных (например, жанров провокативного вопроса, признания, заботы, жалобы) и провокативных стратегий (например, стратегии обличения)¹⁴.

Т.В. Шеметова среди условий провокации выделяет два значимых для нашего исследования операциональных момента: 1) объекту провокации не столько сообщается какая-либо информация, сколько транслируется определенная ценностно-нормативная установка (картина мира); 2) конечным коммуникативным актом в провокации является сообщение о результате провокации, воспринятое субъектом провокации [18, с. 13].

В контексте негативного провокативного воздействия существенное значение имеют уязвимые структуры объекта воздействия – «слабые точки» по А.А. Леонтьеву или «мишени воздействия» по Е.Л. Доценко [37, с. 101, 107–109]. Так, А.А. Леонтьев пишет: «Воздействуя на реципиента, мы стремимся «спровоцировать» его поведение в нужном нам направлении, найти в системе его деятельности «слабые точки», выделить управляющие ею факторы и избирательно воздействовать на них» [20, с. 273].

Итак, провоцирование (провокация как процесс и результат общения) является видом психологического воздействия, оно включено в коммуникацию, вне которой не существует, и представляет собой коммуникативное воздействие. С этой точки зрения оно всегда имеет свое контекстуальное оформление – физические условия, культурный фон, социальный контекст разных уровней (макроуровень, мезауровень и микроуровень) [37, с. 103–104; 46, с. 38–39]. Микросоциальный уровень образуют стан-

¹⁴ Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 380 с.

дартные социальные ситуации, задающие готовые рамки развития событий (например, деловые переговоры, официальная встреча). Структура таких социальных ситуаций включает: распределение ролей их участников; стандартные социально-ролевые предписания (и взаимные ожидания); сценарии (как универсальные (ритуал, времяпрепровождение, деятельность), так и предметные, например «на приеме у врача» – жалобы, расспросы, процедуры, рекомендации); правила и нормы [37, с. 104–105]. Встречающиеся в судебно-экспертной практике ситуации тоже представляют собой довольно типичные социальные ситуации (например, на приеме у чиновника, беседа с инспектором ГИБДД, полицейская проверка соблюдения миграционного законодательства, прокурорская проверка и др.).

Особым видом коммуникативного воздействия является дискурсивное воздействие [33], которое неотделимо от дискурсивной практики и не может быть сведено к директивным речевым актам, выстраиванию рациональных доводов или использованию классических риторических при-

емов. В дискурсивном воздействии особую значимость имеют все те же факторы – ситуационные, психологические и социокультурные.

Проведенное исследование позволило нам установить основные свойства провокации (провоцирования) как психологического феномена. Наиболее важными из них являются следующие: это вид психологического (коммуникативного, дискурсивного) воздействия, которое осуществляется системно в процессе коммуникации на ее различных уровнях и имеет как негативную, так и позитивную направленность (акмеологический и деструктивный аспекты), может выполнять различные функции (актуализация, мобилизация, дезорганизация). Предмет и цели провоцирования различны: инициирование определенного эмоционального состояния, формирование представлений, влияние на установки объекта, инициирование активности (побуждение к совершению действий). Более подробно соотношение понятий провокации в психологии и праве иллюстрирует таблица 1.

Таблица 1. Соотношение психологического и правового понятий провокации
Table 1. The relationship between psychological and legal notions of provocation

Сравнительные характеристики	Провокация (в психологии)	Провокация (в праве)
Вид коммуникации	Интерперсональная (межличностная), межгрупповая	Интерперсональная (межличностная)
Уровень коммуникации	Микро-, меза-, макроуровень	Микроуровень
Уровень опосредованности контакта	Непосредственное и опосредованное	Непосредственное
Объектная направленность	Индивидуальное, социально-психологическое (направленность на группу)	Индивидуальное
Характер воздействия	Позитивное, нейтральное, негативное	Только негативное
Степень открытости	Скрытое, явное	Скрытое
Форма воздействия	Непрямая, косвенная	Непрямая, косвенная
Регуляция	Непроизвольность/произвольность (непреднамеренность/преднамеренность)	Сознательность, произвольность, преднамеренность
Отношение	Отношение к другому как к субъекту взаимодействия. Альтруистическое отношение. Отношение к другому как к средству достижения собственных целей	Отношение к другому как к средству достижения собственных целей
Цель	Причинение вреда / пользы объекту; получение выгоды субъектом / отсутствие выгоды как цели	Причинение вреда объекту
Средства коммуникации	Вербальные и невербальные. Система различных инструментов воздействия	Преимущественно языковые (речевые), но предполагаются и иные
Функции	Актуализация, мобилизация, дезорганизация	Дезорганизация
Направленность влияния	Инициирование определенного эмоционального состояния, формирование представлений, формирование намерений, влияние на установки, инициирование активности, формирование готовности – совершение действий	Побуждение к определенным действиям (в том числе речевым), предложению или выражению согласия

Как видно, в праве используется более узкое понимание провокации (прежде всего как факта, события), которое вместе с тем отражает психологическую феноменологию провокации как *скрытого намеренного коммуникативного воздействия негативной направленности с целью побуждения объекта воздействия к совершению определенных (незаконных) действий (речевых либо физических), выгодных субъекту воздействия и невыгодных его объекту (влекущих для него негативные последствия в виде ответственности за совершенные действия)*. Важность применения психологических знаний о провокации (провокативной коммуникации, провокативном дискурсе) заключается в возможности выявления психологических механизмов и инструментов воздействия на основе принципов исследования коммуникативного и дискурсивного воздействия.

В широком психологическом понимании провокация как вид или форма психологического воздействия не имеет юридического значения. Важным является направленность этого провокативного воздействия и его результат. Именно по ее результату коммуникация может являться либо не являться провокативной, действия условного провокатора провоцирующими, а действия объекта – спровоцированными (т. е. их регуляция не является произвольной). По делам рассматриваемой категории результатом действий условного провокатора является совершение провоцируемым лицом (объектом провокации) каких-либо незаконных действий (дача/предложение, получение незаконного вознаграждения или согласие на таковое). Это определяется кругом ситуаций, имеющих юридическую значимость.

Возможности судебной психологической и комплексной экспертизы

Юридически значимая ситуация возникает при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 304 УК РФ и статьями 290, 291, 291.1 УК РФ, когда имеется предположение (версия) о провоцирующем характере действий сотрудников правоохранительных органов либо взяткодателя/взяткополучателя, без которых незаконные действия не были бы совершены. Уголовно-правовое значение имеет категория «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)» – право-

вое понятие, имеющее лингвистическую и психологическую составляющие, установление которых требует применения специальных знаний в психологии и лингвистике. Установление направленности коммуникативной деятельности субъекта является достаточно разработанным видом комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы [47–49].

Экспертным психологическим понятием нам видится психологическая направленность коммуникативной деятельности субъекта на побуждение адресата к совершению действий, повлекших для него негативные последствия в виде привлечения к уголовной ответственности (предложению, даче, получению вознаграждения либо согласию на таковое). Такая направленность выражается в формировании у адресата определенной психологической установки, когнитивным компонентом которой является представление о негативных (по их последствиям) действиях как единственно возможном способе решения проблемы; аффективным – позитивное эмоциональное отношение к негативным действиям как приемлемому, либо безопасному способу поведения, а также доверительное отношение к субъекту провокации; на поведенческом – готовность к совершению действий (в том числе речевых – выражению предложения, согласия) и их совершение. Формирование готовности выразить согласие, предложить либо совершить определенное действие (получить или дать вознаграждение) представляются нам психологическими признаками того явления, которое в праве именуется как «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)».

Целесообразность именно комплексного психолого-лингвистического исследования коммуникации по делам о провокации взятки либо провоцирующих действиях сотрудников, проводящих оперативный эксперимент, представляется несомненной. Различные стратегии, тактики, инструменты межличностного взаимодействия осуществляются с помощью речи, но имеют психологическую природу, базируются на психологических закономерностях и должны исследоваться в рамках системно-динамического подхода.

Вопрос к эксперту может формулироваться разными способами.

Таблица 2. Диагностический комплекс «провоцирование взятки»
Table 2. Diagnostic complex “provocation (to bribe)”

Компонент значения	Лингвистические признаки значения	Психологические признаки значения
Тематика	Предмет речи: негативные для адресата неназванные говорящим (адресантом) действия, которые необходимо совершить адресату в сложившейся ситуации. При отсутствии коммуникативной неудачи действия называются адресантом (предложение со стороны адресата взятки или дача взятки)	Конфликт между потребностями адресанта и адресата. Проблемная ситуация взаимодействия. Ожидаемое поведение адресата
Отношение	Негативные действия адресата желательны, необходимы говорящему	Предполагаемые незаконные действия преподносятся адресантом как выгодные для адресата (объекта провокации), единственно возможный способ решения проблемы либо как безопасные (в том числе законные)
Цель	Выражено побуждение адресата к совершению негативного для него действия. При этом побуждение выражено неявно: могут использоваться разные явные речевые цели (вопрос, сообщение о событии, оценка этого события, убеждение и др.), представляющие собой речевые тактики, реализующие речевую стратегию побуждения	Формирование готовности выразить согласие, предложить либо совершить определенное действие (получить или дать незаконное вознаграждение). Осуществляется в структуре взаимодействия поэтапно, посредством различных приемов воздействия и их совокупности – манипулятивных стратегий

Первый вариант: «Направлен ли материал на формирование психологической установки к совершению определенных действий? Носит ли коммуникация со стороны кого-либо из ее участников провокативный характер? Если да, то на что направлена коммуникация?»

Общепринятым в психолого-лингвистической экспертизе стало формулирование вопроса таким образом, что в нем отражаются лингвистические и психологические аспекты тех феноменов, которые в праве именуется определенным образом (например, возбуждение вражды, пропаганда насилия и жестокости и др.). Поэтому второй вариант вопроса: «Содержатся ли в материале психологические и лингвистические признаки побуждения к совершению определенных действий (предложению, согласию, получению или передаче вознаграждения [взятки])?»

Диагностический комплекс «провоцирование взятки» может быть описан традиционным способом в виде трехкомпонентной структуры. С лингвистической позиции экспертное понятие «речевая провокация» раскрывается через побуждение одним коммуникантом другого коммуниканта к совершению противоправного действия – предложить или дать незаконное вознаграждение,

ее диагностический комплекс включает несколько измененные (конкретизированные) признаки из комплекса «побуждение» [12], описанного в «Семантических исследованиях» [49]. Психологические признаки провокации описаны выше. Таким образом, диагностический комплекс «провоцирование взятки» будет иметь следующий вид (табл. 2).

Заключение

Актуальность проблемы коррупции и борьбы с нею в современном российском обществе высока. Противодействие коррупции осуществляется в том числе с использованием различных оперативных средств, при применении которых довольно тонка грань между предоставлением субъекту возможности совершения преступления и побуждением к нему, созданием риска незаконных действий лицом, не имевшим к этому склонности (т. е. спровоцированных действий). При большом интересе исследователей (со стороны права, лингвистики, психологии) к понятию и феномену провокации, имеющему юридическое значение, его универсальное определение отсутствует, вероятно, вследствие многогранности и сложности этого явления, вариативности используемых при этом речевых и психологических средств воздействия. Задачи,

содержащие понятия провокации, провокативных действий, провокативной коммуникации, стали все чаще ставиться при назначении судебной экспертизы.

Наше исследование показало, что при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 290, 291, 291.1 УК РФ, помимо уже традиционной судебной лингвистической экспертизы с типовыми вопросами о предмете речи и побуждении к передаче денег, целесообразной является назначение комплексной психолого-лингвистической экспертизы с постановкой вопросов о провокативном характере действий

участников разговора (встречи и т. п.) или признаков провокации определенных действий. В данном случае провокация («провоцирование взятки») рассматривается как судебно-лингвистическое и судебно-психологическое экспертное понятие. Важность применения психологических знаний о провокации (провокативной коммуникации, провокативном дискурсе) заключается в возможности выявления психологических механизмов и инструментов воздействия на основе научных принципов исследования коммуникативного и дискурсивного воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции в современной России // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 43–52.
2. Гаврина Е.Е. Социально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование коррупционного поведения // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 47–55.
3. Решетников М.М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия. Монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 101 с.
4. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ценностные ориентации коррупционных преступников // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. С. 5. <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1623-kroz61.html>
5. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 220–239. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
6. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коcheнов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. Справочное пособие. М.: Юрлитинформ, 2000. 160 с.
7. Grisso T., Borum R. (eds). Evaluating Competencies. Forensic Assessments and Instruments. 2nd ed. New York: Kluwer, 2003. 553 p.
8. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
9. Сафуанов Ф.С. Принципы клинико-психологической судебной экспертологии // Российский психиатрический журнал. 2020. № 2. С. 39–45. <http://rpj.serbsky.ru/index.php/rpj/article/view/0205>
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 4 т. Т. 1. Общая часть / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. 316 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

REFERENCES

1. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Psychological Factors of Corruption in Present-Day Russia. *Psikhologicheskii Zhurnal*. 2012. Vol. 33. No. 3. P. 43–52. (In Russ.)
2. Gavrina E.E. Socio-Psychological Determinants Effecting Formation of Corrupt Behavior. *Applied Legal Psychology*. 2016. No. 3. P. 47–55. (In Russ.)
3. Reshetnikov M.M. *Psychology of Corruption. Utopia and Dystopia. Monograph*. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2019. 101 p. (In Russ.)
4. Kroz M.V., Ratinova N.A. Value Orientations of Corrupt Criminals. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 2018. Vol. 11. No. 61. P. 5. (In Russ.). <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1623-kroz61.html>
5. Safuanov F.S. How to Build Substantive Judicial-Psychological Examination. *Psychology and Law*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 220–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070118>
6. Sitkovskaya O.D., Konysheva L.P., Kochenov M.M. *New Areas of Forensic Psychology. Guidebook*. Moscow: YurLitinform, 2000. 160 p. (In Russ.)
7. Grisso T., Borum R. (eds). Evaluating Competencies. Forensic Assessments and Instruments. 2nd ed. New York: Kluwer, 2003. 553 p.
8. Safuanov F.S. *Forensic Psychology. Textbook for Academic Bachelor Program*. Moscow: Yurait, 2014. 421 p. (In Russ.)
9. Safuanov F.S. Principles of Clinical-Psychological Forensic Expert Science. *Russian Journal of Psychiatry*. 2020. No. 2. P. 39–45. (In Russ.). <http://rpj.serbsky.ru/index.php/rpj/article/view/0205>
10. Lebedev V.M. (ed). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 volumes. Vol. 1. General Part*. Moscow: Yurait, 2017. 316 p. (In Russ.)
11. Kuznetsov S.A. (ed). *Big Glossary of the Russian Language*. Saint Petersburg: Norint, 1998. 1534 p. (In Russ.)

12. Кузнецов В.О. «Провокация» как экспертное понятие в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>
13. Garner B.A. (ed). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. St. Paul: Thomson/West, 2004. 1810 p.
14. LaFave W.R. The Objections to the Subjective Approach / LaFave W.R. *Criminal Law*. 4th ed. 2003. P. 508–512.
15. Баранчиков М.Н. Провокация преступления в сравнительно-правовом аспекте по российскому и американскому уголовному законодательству // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1 (39). С. 224–226.
16. Аюсинов А.Е. Особенности регламентации уголовной ответственности за провокацию преступления по зарубежному законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 148–153.
17. Шмонин А.В., Семькина О.И. Провокация преступлений со стороны правоохранительных органов: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 71–81.
18. Шеметова Т.Н. Искусство провокации и идеальный провокатор // Обсервация культуры. 2014. № 1. С. 11–17. <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/3/141>
19. Андреева Г.М., Донцов А.И. Место межличностного восприятия в системе перцептивных процессов и особенности его содержания. Исследования феномена каузальной атрибуции / Хрестоматия по социальной психологии / Сост. Т.В. Кутасова. М.: Смысл, Академия, 1994. С. 106–120.
20. Леонтьев А.А. Психология общения. Учебное пособие. 4-е изд. М.: Смысл: Академия, 2007. 368 с.
21. Лозовский А.В. Семантика понятия «провокация» и его производных в русскоязычной и англоязычной психологической литературе // Право. Экономика. Психология. 2018. № 4 (12). С. 55–59.
22. Солодуха А.С., Лозовский А.В. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 104–109. <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/2021>
23. Глухова А.В. К вопросу о роли провокации в политике // Власть. 2016. Т. 24. № 3. С. 92–96. https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4038
24. Загладин Н. Событие политическое / Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. Н–Я / Под ред Г.Ю. Семигина. М.: Мысль, 1999. С. 419–420.
12. Kuznetsov V.O. "Provocation" as an Expert Term in Forensic Linguistics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 6–18. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-6-18>
13. Garner B.A. (ed). *Black's Law Dictionary*. 8th ed. St. Paul: Thomson/West, 2004. 1810 p.
14. LaFave W.R. The Objections to the Subjective Approach. In: LaFave W.R. *Criminal Law*. 4th ed. 2003. P. 508–512.
15. Baranchikov M.N. Provocation in a Relatively Crime – the Legal Aspect of Russian and American Criminal Law. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Human and Social Sciences*. 2011. No. 1 (39). P. 224–226. (In Russ.)
16. Ayusinov A.E. The Features of the Regulating the Criminal Responsibility for the Crime Provocation in Foreign Legislation. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2015. No. 6 (107). P. 148–153. (In Russ.)
17. Shmonin A.V., Semykina O.I. Provocation of Crimes by Law Enforcement Agencies: Comparative-Legal Analysis of the Russian and Foreign Legislation. *Journal of Russian Law*. 2013. No. 7. P. 71–81. (In Russ.)
18. Shemetova T.N. Art of Provocation and Perfect Provocateur. *Observatory of Culture*. 2014. No. 1. P. 11–17. (In Russ.). <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/3/141>
19. Andreeva G.M., Dontsov A.I. The Place of Interpersonal Perception in the System of Perceptive Processes and the Characteristics of Its Content. The Study of the Phenomenon of Causal Attribution. In: Kutasova T.V. (ed). *Anthology of Social Psychology*. Moscow: Smysl, Akademiya, 1994. P. 106–120. (In Russ.)
20. Leont'ev A.A. *The Psychology of Communication. Textbook*. 4th ed. Moscow: Smysl: Akademiya, 2007. 368 p. (In Russ.)
21. Lozovskii A.V. The Semantic of the Concept of Provocation and its Derivatives in the Russian Language and English Language Psychological Literature. *Law. Economy. Psychology*. 2018. No. 4 (12). P. 55–59. (In Russ.)
22. Saladukho A.S., Lazouskii A.V. Provocativeness in Internet Communication: The Problem of Concept Defining. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019. No. 1. P. 104–109. (In Russ.). <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/2021>
23. Glukhova A.V. The Role of Provocation in Politics. *Vlast'*. 2016. Vol. 24. No. 3. P. 92–96. (In Russ.). https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4038
24. Zagladin N. A Political Event. In: Semigin G. Yu. (ed). *Political Encyclopedia. In 2 Volumes. Vol. 2. N–Ya*. Moscow: Mysl', 2000. P. 419–420. (In Russ.)

25. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Провокация: социофилософские очерки. Монография. М.: ЦСПиМ, 2017. 336 с.
26. Тумский С.В. Провокация как социальное действие: определение феномена в контексте кроссдисциплинарного анализа // Социодинамика. 2017. № 8. С. 1–11. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2017.8.23349>
27. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 4-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2020. 536 с.
28. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104. <http://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2009-2/92-104>
29. Власов М. Психология человека / Провокация. 19.12.2017. <https://psichel.ru/provokatsiya/>
30. Donath J.S. Identity and Deception in the Virtual Community / Smith M.A., Kollock P. (eds). *Communities in Cyberspace*. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 29–59.
31. Степанов В.Н. Провокативные речевые жанры как инструменты непрямого общения: лингвистические признаки и анализ // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 89–99.
32. Васкэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. 312 с.
33. Павлова Н.Д. Механизмы и средства оказания субъектом дискурсивного воздействия / Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. С. 53–73.
34. Farrelly F., Brandsma J.M. *Provocative Therapy*. 5th ed. Meta Publications, 1989. 195 p.
35. Енин А.В. Психология «провокативной педагогики»: некоторые аспекты теории и методики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 252–255.
36. Морозова Е.А. Психотерапевтический потенциал провокативных методов и форм социально-психологического воздействия (на примере авангардного искусства) // Консультативная психология и психотерапия. 2005. Т. 13. № 4 (47). С. 137–153. <https://psyjournals.ru/mpj/2005/n4/1763.shtml>
37. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. СПб.: Речь, 2003. 304 с.
38. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. Практическое руководство. М.: Ин-т психотерапии, 2001. 208 с.
39. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования). М.: АСТ, 2001. 848 с.
40. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Алгоритм, 2002. 288 с.
25. Dmitriev A.V., Sychev A.A. *Provocation: Socio-Philosophical Essays. Monograph*. Moscow: TsSPiM, 2017. 336 p. (In Russ.)
26. Tumskii S.V. Provocation as Social Action: Its Definition in the Context of Cross-Disciplinary Analysis. *Sociodynamics* 2017. No. 8. P. 1–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2017.8.23349>
27. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. *A Conflictologist's Dictionary*. 4th ed. Moscow: Prospekt, 2020. 536 p. (In Russ.)
28. Issers O.S. The Strategy of Speech Provocation in a Public Dialogue. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2009. No. 2 (18). P. 92–104. (In Russ.). <http://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2009-2/92-104>
29. Vlasov M. *Man's Psychology. Provocation*. 19.12.2017. <https://psichel.ru/provokatsiya/>
30. Donath J.S. Identity and Deception in the Virtual Community. Smith M.A., Kollock P. (eds). *Communities in Cyberspace*. L., N.Y.: Routledge, 1999. P. 29–59.
31. Stepanov V. Provocative Speech Genres as a Means of Indirect Communication, Its Linguistic Entity and Analysis. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 4 (36). P. 89–99. (In Russ.)
32. Vaske E.V. *The Psychology of Interrogation of Minor Offenders and Victims of Sexual Abuse*. Moscow: Genезis, 2014. 312 p. (In Russ.)
33. Pavlova N.D. The Mechanisms and Means of a Subject's Discursive Influence. In: Zhuravlev A.L., Pavlova N.D. (eds). *Mental Pressure: Mechanisms, Strategies, Means of Counteracting*. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2012. P. 53–73. (In Russ.)
34. Farrelly F., Brandsma J.M. *Provocative Therapy*. 5th ed. Meta Publications, 1989. 195 p.
35. Enin A.V. Psychology of Provocative Pedagogy: Some Aspects of Theory and Methodology. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2009. No. 2 (70). P. 252–255. (In Russ.)
36. Morozova E.A. Psychotherapeutic Potential of Provocative Methods and Forms of Social and Psychological Influence (on the Example of Avant-garde Art). *Consulting Psychology and Psychotherapy*. 2005. Vol. 13. No. 4 (47). P. 137–153. (In Russ.). <https://psyjournals.ru/mpj/2005/n4/1763.shtml>
37. Dotsenko E.L. *The Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, Protection*. Saint Petersburg: Rech', 2003. 304 p. (In Russ.)
38. Pankratov V.N. *Manipulations in Communication and Their Neutralizing. Practical Guide*. Moscow: In-t Psikhoterapii, 2001. 208 p. (In Russ.)
39. Sheinov V.P. *Concealed Manipulation of a Person (Psychology of Manipulation)*. Moscow: AST, 2001. 848 p. (In Russ.)
40. Grachev G.V., Mel'nik I.K. *Manipulation of a Person: Organization, Ways and Technologies of Informational and Psychological Influence*. 2nd ed. Moscow: Algoritm, 2002. 288 p. (In Russ.)

41. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2004. 256 с.
42. Волкова О.С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 49–55. <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>
43. Гриненко Г.В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. М.: Новый век, 2000. 448 с.
44. Штеба А.А. Лингвистические признаки провокации // *Litera*. 2017. № 1. С. 120–128. <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580>
45. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. Монография. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
46. Латынов В.В. Психология коммуникативного воздействия. М.: Институт психологии РАН, 2013. 368 с.
47. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 92–98. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-92-98>
48. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
49. Плотникова А.М., Кузнецов В.О., Саженин И.И., Акуленко Е.В. Бойцов А.А., Губаренкова Е.О., Крюк Е.К., Кумкова Т.Н., Портнова В.Б., Чумакова Е.Н. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе. Метод. пособие / Под ред. С.А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
41. Sidorenko E.V. *Training of Influence and Resistance to It*. Saint Petersburg: Rech', 2004. 256 p. (In Russ.)
42. Volkova O.S. Communicative Provocation as a Strategy of Destructive Behaviour in Every-Day Conflict. *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2014. No. 5 (24). P. 49–55. (In Russ.). <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>
43. Grinenko G.V. *Sacred Texts and Sacred Communication. Logic-Semiotic Analysis of Verbal Magic*. Moscow: Novyi vek, 2000. 448 p. (In Russ.)
44. Shteba A.A. Linguistic Features of Provocation. *Litera*. 2017. No. 1. P. 120–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2017.1.19580>
45. Stepanov V.N. *Confrontation in Social and Mass Communication. Monograph*. Saint Petersburg: Roza mira, 2008. 268 p. (In Russ.)
46. Latynov V.V. *Psychology of Communicative Influence*. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2013. 368 p. (In Russ.)
47. Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. Methodology of Forensic Linguistic Analysis in Criminal Insult Investigations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 1 (41). P. 92–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-1-92-98>
48. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Methodology of Conducting a Forensic Psychological and Linguistic Examination of Materials in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014. 98 p. (In Russ.)
49. Plotnikova A.M., Kuznetsov V.O., Sazhenin I.I., Akulenko E.V. Boitsov A.A., Gubarenkova E.O., Kryuk E.K., Kumkova T.N., Portnova V.B., Chumakova E.N. *Semantic Analysis in Forensic Linguistics. Handbook* / S.A. Smirnova (ed). Moscow: RFCFS, 2018. 136 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Секераж Татьяна Николаевна – к. юр. н., доцент, заведующий лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Статья поступила: 22.06.2020
После доработки: 28.07.2020
Принята к печати: 15.08.2020

ABOUT THE AUTHOR

Sekerazh Tat'yana Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Received: June 22, 2020
Revised: July 28, 2020
Accepted: August 15, 2020

О некоторых вопросах выявления следов рук и механизма слеодообразования на пористых поверхностях

 В.А. Васильев¹, Т.А. Ермакова², Ю.А. Дружинин³, И.Б. Афанасьев⁴, Т.Ю. Юдина³,
 Е.Ю. Русанов⁵

¹ ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», Волгоград 400089, Россия

² ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Волгоград 400062, Россия

³ Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва 125130, Россия

⁴ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

⁵ Межмуниципальное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации «Нижнетагильское», Свердловская область, Нижний Тагил 622001, Россия

Аннотация. Вопросы выявления потожировых следов на пористых поверхностях в экспертно-криминалистической практике встречаются часто, и во многих случаях они успешно решаются с использованием химических методов. При этом процесс взаимодействия в системе «пористая поверхность – след – химический реактив» (в части уточнения и выявления закономерностей механизма химической реакции) в литературе рассмотрен недостаточно подробно. Для более полного раскрытия этого процесса авторами выполнены многочисленные эксперименты по реакции нингидрина с потожировым веществом следа, проведен анализ взаимодействия химических веществ с составом потожировых следов, исследованы с использованием электронной микроскопии свойства пористых (бумажных) материалов, рассмотрены особенности отображения поро- и эджеоскопических признаков в следах при различных условиях хранения.

В результате проведенных исследований показано, что на качество выявления на пористых поверхностях потожировых следов существенное влияние оказывают пористость и гидрофильность поверхностей объектов-следоносителей (бумаг), а также условия хранения объектов: влажность окружающей среды и время их хранения.

Ключевые слова: дактилоскопия, папиллярные узоры, потожировые следы, химические методы выявления, нингидрин, поро- и эджеоскопические признаки, пористые поверхности, бумага

Для цитирования: Васильев В.А., Ермакова Т.А., Дружинин Ю.А., Афанасьев И.Б., Юдина Т.Ю., Русанов Е.Ю. О некоторых вопросах выявления следов рук и механизма слеодообразования на пористых поверхностях // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 34–43. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-34-43>

On Some Issues of Handprints Detection and the Mechanism of Trace Formation on Porous Surfaces

 Vasilii A. Vasil'ev¹, Tat'yana A. Ermakova², Yurii A. Druzhinin³, Il'ya B. Afanas'ev⁴,
 Tat'yana Yu. Yudina³, Evgenii Yu. Rusanov⁵

¹ Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Volgograd 400089, Russia

² Volgograd State University, Volgograd 400062, Russia

³ Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow 125130, Russia

⁴ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

⁵ Intermunicipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia "Nizhnetagilskoe", Sverdlovsk region, Nizhniy Tagil 622001, Russia

Abstract. Problems of detecting sweat and grease deposits on porous surfaces are common for forensic practice, and usually, they are successfully resolved with the help of chemical methods. Meanwhile, the

interaction process in the system "porous surface – deposit – chemical agent" concerning clarification and identification of the trends within chemical reaction is not reviewed in literature sufficiently. For more comprehensive research of this process, the authors of the article have conducted multiple experiments on the ninhydrin reaction with the sweat and grease of the deposits, analyzed the interaction of the chemical agent with the sweat and grease, with the properties of porous (paper) materials using electron microscopy, and also looked into the display features of pore and edgeoscopic signs in the deposits under different storage conditions.

As a result of the research, it is shown that such parameters of deposits carriers (paper) as porosity and hydrophilic properties and ambient humidity as well as the time of storage have a significant influence on the process of detecting the sweat and grease deposits on porous surfaces and their quality.

Keywords: *dactyloscopy, papillary patterns, sweat and grease deposits, chemical methods of detection, ninhydrin, pore and edgeoscopic signs, porous surfaces, paper*

For citation: Vasil'ev V.A., Ermakova T.A., Druzhinin Yu.A., Afanas'ev I.B., Yudina T.Yu., Rusanov E.Yu. On Some Issues of Handprints Detection and the Mechanism of Trace Formation on Porous Surfaces. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 34–43. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-34-43>

Введение

Для выявления латентных следов рук на пористых поверхностях, таких как бумага, картон, ткань, дерево и т. п., эксперты-криминалисты уже около 50 лет используют методы так называемых цветных реакций, основанные на взаимодействии химических реагентов с потожировым веществом следа. Несмотря на накопленный эмпирический и теоретический материал по использованию химических методов выявления следов рук, вопрос качества их выявления остается весьма актуальным для экспертной практики и в наше время. Особый интерес при этом вызывает проблематика выявления следов с поро- и эджеоскопическими признаками, наличие которых позволяет использовать при расследовании преступлений часть «непригодных» следов, при том что их доля в экспертных подразделениях доходит до 20 % от количества всех изъятых следов рук [1].

Как известно, на механизм слеодообразования в основном влияют слеодообразующее вещество (потожировое), объект-следоноситель и следовоспринимающая поверхность. Многокомпонентность и непостоянство химического состава потожирового вещества, рельефность (шероховатость), пористость, смачиваемость следовоспринимающей поверхности потожировым веществом следа являются взаимозависимыми факторами [2]. Подобной многофакторностью, возможно, можно объяснить встречающиеся в криминалистической литера-

туре противоречия по вопросу выявления латентных следов рук с отобразившимися микропризнаками [1, 3]. Вызывает интерес и вопрос выявления на пористых поверхностях следов с поро- и эджеоскопическими признаками в зависимости от сроков их хранения и влажности окружающей среды.

Многочисленные эксперименты в совокупности с изучением характеристик некоторых пористых материалов, анализом теоретических аспектов взаимодействия средств выявления с компонентами потожирового вещества позволили получить, на наш взгляд, дополнительную объективную информацию о возможности выявления на пористых (бумажных) поверхностях следов рук с качественными микропризнаками.

Материалы и методы

С целью изучения влияния внешних условий и свойств следовоспринимающей поверхности на отображение микропризнаков были выбраны наиболее часто используемые сорта бумаг: писчая (ГОСТ 18510-87), офсетная (ГОСТ 9094-89) и мелованная глянцевая (ГОСТ 21444-2016).

При подготовке экспериментальных следов в качестве «доноров» были отобраны 25 человек в возрасте от 20 до 45 лет, на руках которых имелись хорошо выраженные папиллярные узоры и линии (папиллярные линии – четкие, достаточной ширины, с хорошо просматриваемыми порами), а на коже рук было достаточное количество потожиро-

рового вещества (руки «доноров» не сухие, но без избытка потожирового вещества).

В качестве следовоспринимающих поверхностей использовали листы разлинованной в клетку (сторона квадрата 3 см) бумаги формата А4. В каждой такой клетке «донор» оставлял потожировые следы рук с различной степенью нажима. Объекты со следами помещали в бумажные конверты и выдерживали при повышенной, естественной и пониженной влажности в течение 1 дня, 1 недели, 2 недель, 1 месяца, 6 месяцев, 1 года, 2 лет.

Условия хранения объектов:

– повышенная влажность: объекты помещали в климатическую камеру «Тепло-Влага» серии КТВ; влажность задавали циклично, в интервале от 75 до 85 % (без конденсации), температура 18–35 °С (имитация условий в помещениях с повышенной влажностью – ванной комнаты);

– естественная влажность: бумажные конверты с объектами находились в ящике письменного стола в офисном помещении; влажность изменялась от 40 до 70 %, температура 18–35 °С;

– пониженная влажность: объекты упаковывали в герметичный пластиковый контейнер, в который предварительно помещали прокаленный при температуре 120 °С силикагель (ГОСТ 3956-76), влажность изменялась от 20 до 30 %, температура 18–35 °С.

Влажность контролировали с помощью гигрометра (ГОСТ Р 8.708-2010).

По истечении заданного срока хранения объекты обрабатывали предназначенными для выявления следов рук растворами реактивов производства компании Sirchie¹ (США), имеющих, согласно MSDS, следующие составы:

– нингидрин спрей No. 201C: нингидрин 0,01 %, этилацетат 10–15 %, этанол 10–15 %, петролейный эфир 20–25 %, ксилол, смесь изомеров 20–25 %;

– нингидрин No. NSI609: этилацетат < 1 %, этанол < 1 %, нингидрин < 1 %, уксусная кислота < 1 %, перфторбутилметилловый эфир 30–50 %, перфторизобутилметилловый эфир 50–70 %;

– ДФО No. DFS200P: 1,8-диазофлуорен-9-он < 1 %, уксусная кислота > 5 %, бутан

< 1,125 %, этилмеркаптан 0–50 ppm, этилацетат 25 %, метанол 25 %, пропан > 40,5 %, пропилен < 2,25 %.

Обработанные объекты выдерживали при комнатной температуре до проявления следов. Качество следов оценивали по наличию групп признаков, исходя из следующих критериев:

«5» – следы (либо фрагменты в следах) отличного качества с отобразившимися поро- и эджеоскопическими признаками;

«4» – следы хорошего качества, в которых хорошо различимы тип и вид папиллярного узора, а также присутствует достаточное количество частных признаков, позволяющих признать их пригодными для идентификации личности;

«3» – следы удовлетворительного качества, в которых плохо различимы тип и вид папиллярного узора, или фрагменты следов (папиллярные линии смазанные, отобразились нечетко), однако можно выделить достаточное количество частных признаков, позволяющих признать их пригодными для идентификации личности;

«2» – следы, непригодные для идентификации личности;

«1» – следы выявлены не были.

Выявленные следы оценивали в два этапа. Первоначально учитывали следы наилучшего качества от каждого из «доноров», хранившиеся в одинаковых условиях. В дальнейшем анализировали сформированную выборку следов, в которой также учитывался наилучший результат, но полученный не менее чем от 3 «доноров» при условии неоднократного воспроизведения результатов эксперимента.

Выявленные следы рук фиксировали при помощи растворов различных реактивов на видеоспектральном компараторе (Projectina Docucenter Nirvis) в видимой зоне спектра (в случае нингидрина спрея No. 201C, нингидрина No. NSI609), а также в режиме настраиваемой люминесценции (ДФО No. DFS200P).

Структуру поверхности бумаги исследовали методом сканирующей электронной микроскопии (микроскоп Tescan Vega II XMU с вольфрамовым катодом с термоэмиссией, оснащенный детектором вторичных и детектором отраженных электронов, с системой рентгеновского энергодисперсионного микроанализа с безазотным детектором фирмы Oxford Nanoanalysis, INCA Energy 450).

¹ Ninhydrin Spray Safety Data Sheet. http://www.waproducts.co.uk/pdf/S201C_Ninhydrin_Spray.pdf; Ninhydrin Spray, Special Formula Safety Data Sheet. <http://www.waproducts.co.uk/pdf/SNS1609.pdf>; MSDS – Material Safety Data Sheet; Product Name: DFO Spray. <http://www.waproducts.co.uk/pdf/DFO%20Spray.pdf>

Результаты исследований и их обсуждение

Для получения более точных представлений о механизме взаимодействия потожирового вещества следа с пористыми поверхностями (поверхностью бумаги) [4] необходимо учитывать как физические свойства бумаг (смачиваемость, пористость и капиллярность), так и влияние внешних условий (влажность окружающей среды).

Как известно, технология получения писчих и газетных бумаг не предусматривает применение проклейки, что приводит к получению гидрофильных материалов [5, 6], поверхность и внутренняя структура которых неограниченно смачивается водой. При гидрофобизации в процессе поверхностной проклейки офсетных и мелованных бумаг получают ограниченно смачиваемые водой материалы с регулируемыми гидрофобными свойствами.

Пористые поверхности бумаг относят к губчатым набухающим разнороднопористым структурам, в которых системы пустот и каналов образуются сплошной сеткой твердой фазы – волокном (в отсутствие наполнителя). На рисунке 1 показаны увеличенные изображения поверхности различных сортов бумаги, полученные с использованием сканирующего микроскопа. Общий объем пор для различных видов бумаги различается в широких пределах – от 30 до 70 %. В частности, в писчей бумаге (ГОСТ 18510-87) (рис. 1 а) преобладают макропоры или просто поры размером 0,15–0,17 мкм (объем которых достигает 60–70 %) и заметно выделяются волокна. У материалов, подвергающихся гидрофобизации – мелованная (ГОСТ 21444-2016) и офсетная (ГОСТ 9094-89) бумаги, – объем пор находится в пределах 30–60 %, средний радиус пор 0,02–

0,3 мкм и 0,07–0,09 мкм соответственно (рис. 1 b, c).

Результаты экспериментов по выявлению следов рук на различных пористых (бумажных) поверхностях с использованием растворов нингидрина (спрея No. 201С, нингидрина No. NSI609 и ДФО No. DFS200P) при различных условиях хранения объектов сведены в таблицу 1.

Результаты исследований показывают, что на отображение микропризнаков в выявленных следах рук в значительной мере оказывают влияние характер следовоспринимающей поверхности и условия хранения объектов со следами.

В массивах выявленных следов, оставленных практически всеми «донорами» на самом гидрофобном объекте (мелованной бумаге), можно выделить следы (фрагменты следов), в которых хорошо различимы поро- и эджеоскопические признаки. При увеличении срока хранения и влажности воздуха качество отображения микропризнаков в таких следах изменяется незначительно. Так, в ходе эксперимента нами были выявлены следы с хорошо просматриваемыми поро- и эджеоскопическими признаками и после двух лет хранения образцов (рис. 2).

При увеличении срока хранения объектов на офсетной и писчей бумагах наблюдается ухудшение качества выявленных следов: становятся плохо различимы тип и вид папиллярного узора, не просматриваются крутизна и потоки папиллярных линий, детали строения папиллярного узора, не отображаются микропризнаки. Отметим, что изменение качества отображения деталей папиллярных линий в следах на разных видах объектов-следоносителей происходит с разной скоростью. Так, на офсетной бумаге микропризнаки неразличимы при сро-

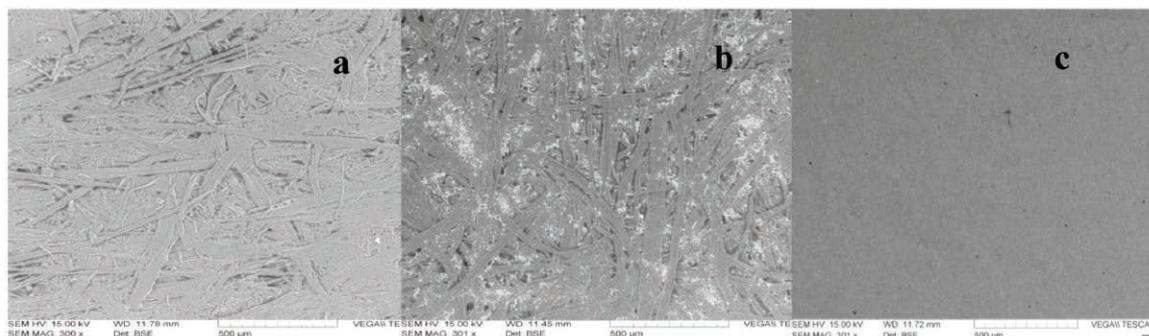

Рис. 1. Увеличенное изображение поверхности бумаги, полученное на растровом микроскопе (а – писчая; б – офсетная; с – мелованная бумага)

Fig. 1. Magnified image of the paper surface obtained by scanning microscopy (a – letter paper; b – offset paper; c – chalk-coated paper)

Таблица 1. Оценки качества выявления следов рук, оставленных на различных видах пористых (бумажных) поверхностей
Table 1. Quality evaluation of the detection of hands deposits left on different types of porous (paper) surfaces

Условия хранения		Нингидрин спрей No. 201C			Нингидрин No. NSI609			ДФО No. DFS200P		
		Мелованная	Офсетная	Писчая	Мелованная	Офсетная	Писчая	Мелованная	Офсетная	Писчая
1 день	Повышенная влажность	5	5	4	5	5	4	5	5	4
1 неделя		5	4	4	5	4	4	5	4	4
1 месяц		5	4	3	5	4	3	5	4	3
6 месяцев		5	3	2	5	3	2	5	3	2
1 год		5	3	2	5	3	2	5	3	2
2 года		5	2	1	5	2	1	5	2	1
1 день	Естественная влажность	5	5	4	5	5	4	5	5	4
1 неделя		5	4	4	5	4	4	5	4	4
1 месяц		5	4	3	5	4	3	5	4	3
6 месяцев		5	4	3	5	4	2	5	4	3
1 год		5	3	2	5	3	2	5	3	2
2 года		5	3	1	5	3	1	5	3	1
1 день	Пониженная влажность	5	5	4	5	5	4	5	5	4
1 неделя		5	4	4	5	4	4	5	4	4
1 месяц		5	4	3	5	4	3	5	4	3
6 месяцев		5	4	2	5	4	2	5	4	2
1 год		5	3	2	5	4	2	5	3	2
2 года		5	2	1	5	2	1	5	2	1

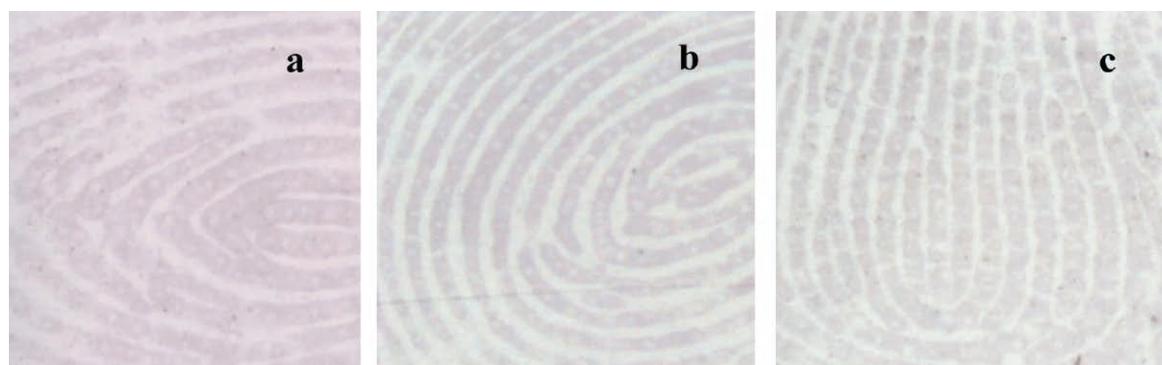

Рис. 2. Фрагменты следов рук, выявленные раствором нингидрина No. 201C на мелованной бумаге после двухгодичного хранения (a – при естественной влажности; b – в условиях пониженной влажности; c – в условиях повышенной влажности)

Fig. 2. Fragments of hands deposits, detected with ninhydrin solution No. 201C on the chalk-coated paper after a two-year storage period (a – natural humidity; b – low humidity; c – high humidity)

ке хранения свыше двух суток. На писчей бумаге, имеющей высокую пористость поверхности, поро- и эджеоскопические признаки в следах обнаружены не были.

Влияние окружающей среды на отображение микропризнаков в следах проиллюстрировано на рисунке 2. После длительного хранения образцов при пониженной влажности (рис. 2 а) поро- и эджеоскопические признаки различимы четко, без значительных изменений конфигурационных характеристик. С изменением влажности качество следов начинает изменяться. Так, при хранении следов в условиях естественной влажности наблюдается незначительное изменение конфигурации пор и искажение части эджеоскопических признаков (рис. 2 б). В условиях повышенной влажности утрачивается конфигурация некоторых пор, а края папиллярных линий размываются (рис. 2 с).

По-видимому, увеличение влажности воздуха приводит к ускорению диффузии водорастворимых компонентов пота (аминокислот, солей и др.) в поверхностном слое бумаги. С уменьшением гидрофобных свойств бумаги (и ростом гидрофильности)

утрата микропризнаков убыстряется, что в свою очередь приводит к ухудшению качества выявляемого следа.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли химического состава средств выявления. К основным рассматриваемым приемам модификации этих средств относят следующие:

- оптимизацию состава растворителя;
- синтез химических аналогов нингидрина;
- введение добавок, изменяющих люминесцентные свойства [7–9].

Как показали проведенные исследования, при выявлении следов рук растворами реактивов влияние растворителя и химического состава средств выявления (растворов нингидрина: спрея No. 201С, нингидрина No. NSI609 и ДФО No. DFS200P) на отображение поро- и эджеоскопических признаков незначительно, что не всегда сопоставимо с результатами, получаемыми другими экспертами. Описанный результат [10] позволяет предположить возникновение ошибок как при подготовке объектов (отборе следов), так и оценке получаемых результатов.

Приведем предполагаемую схему механизма реакции нингидрина с аминокисло-

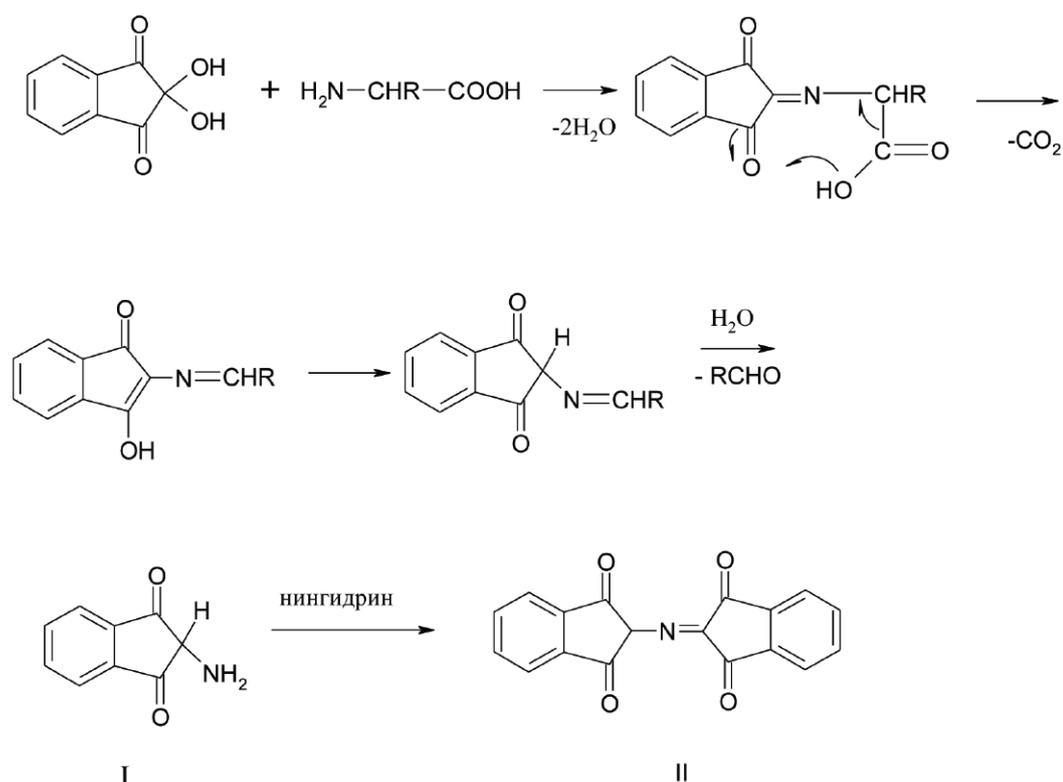

Рис. 3. Схема взаимодействия нингидрина с α -аминокислотами [11, 12]

Fig. 3. The layout of ninhydrin and α -amino acids reaction [11, 12]

тами (рис. 3). Данная схема актуальна и для других структурных аналогов нингидрина.

На первой стадии реакции α -аминокислот с нингидрином образуются диоксид углерода, альдегид и устойчивое промежуточное соединение 2-аминоиндандион (I), которое в дальнейшем, конденсируясь с молекулой нингидрина, образует дикетогидринденкетогидринамин (II). Показано [11, 12], что характерная для большинства α -аминокислот пурпурная окраска обусловлена образованием дикетогидринденкетогидринамина.

Поскольку данная реакция проходит на поверхности бумаги (в отсутствие растворителя), а окрашенный продукт образуется через достаточно длительный промежуток времени, все это позволяет предположить, что лимитирующей стадией является взаимодействие 2-иминоиндандиона со второй молекулой нингидрина [13–15].

Как известно [11], аминокислоты и их производные, присутствующие в потожировом веществе, в полярных и слабополярных растворителях, применяющихся при разработке средств выявления (например, метаноле, этаноле, ацетоне), растворяются незначительно, что позволяет исключить массоперенос при воздействии растворителя. То есть химическая реакция с нингидрином и его производными будет происходить на месте следа.

Таким образом, механизм взаимодействия потожирового вещества и пористых поверхностей [15] проходит через ряд промежуточных стадий.

1 стадия. Непосредственно после контакта пальцев с поверхностью потожировое вещество, представляющее собой эмульсию из водорастворимых и водонерастворимых соединений, проникает в приповерхностный слой (рис. 4 а). На данном этапе наибольшее влияние на отображения микропризнаков следов рук оказывают сила нажима в момент контакта со следовоспринимающим объектом, шероховатость поверхности, ее капиллярность и смачиваемость.

2 стадия. В случае успешного следообразования, спустя небольшой промежуток времени (минуты, часы), за счет капиллярного эффекта на объектах в процессе сорбции (и десорбции) происходит разделение потожирового вещества следа. На поверхности бумаги остаются водонерастворимые компоненты (жировая часть), а водо-

растворимые проникают в приповерхностный слой (рис. 4 б).

3 стадия. В дальнейшем (спустя недели, месяцы) на поверхности так и остается водонерастворимая (жировая) компонента следа. Однако в приповерхностном слое происходит распределение компонентов смеси веществ, содержащихся в водорастворимой части потожирового следа, внутри объекта, имеющего развитую поверхность (рис. 4 с).

Бумага с адсорбированным в поверхностном слое потожировым веществом проявляет свойства, характерные для абсорбционной бумажной хроматографии. Носителем неподвижной фазы является целлюлоза в виде листов бумаги, которая даже в высушенном виде содержит значительное количество связанной воды [6, 15]. В то же время вода является хорошим растворителем аминокислот, содержащихся в потожировом веществе следов, оставленных на бумажных носителях, и перемещается с растворенным веществом по волокнам вглубь бумаги под действием капиллярных сил (рис. 4 с).

На поверхности гидрофобных материалов аминокислоты с течением времени распределяются не так широко, что позволяет выявлять следы хорошего качества, пригодные для поро- и эджеоскопического исследования.

Таким образом, чем выше влажность окружающей среды и гидрофильность бумаги, на которой находится потожировое вещество, тем быстрее будет происходить массоперенос водорастворимых компонент потожирового вещества вглубь бумаги, что негативно сказывается на качестве отображения микропризнаков.

Заключение

1. По результатам экспериментальных и аналитических исследований процессов выявления латентных потожировых следов на бумажных поверхностях с использованием химических методов на основе нингидриновых реактивов установлено следующее:

– на мелованной бумаге возможно отображение поро- и эджеоскопических признаков следов в количестве, достаточном для их идентификации при сроке хранения объекта до двух лет.

– на офсетной и писчей бумаге сохранение микропризнаков следов рук возможно лишь при хранении объектов до двух суток;

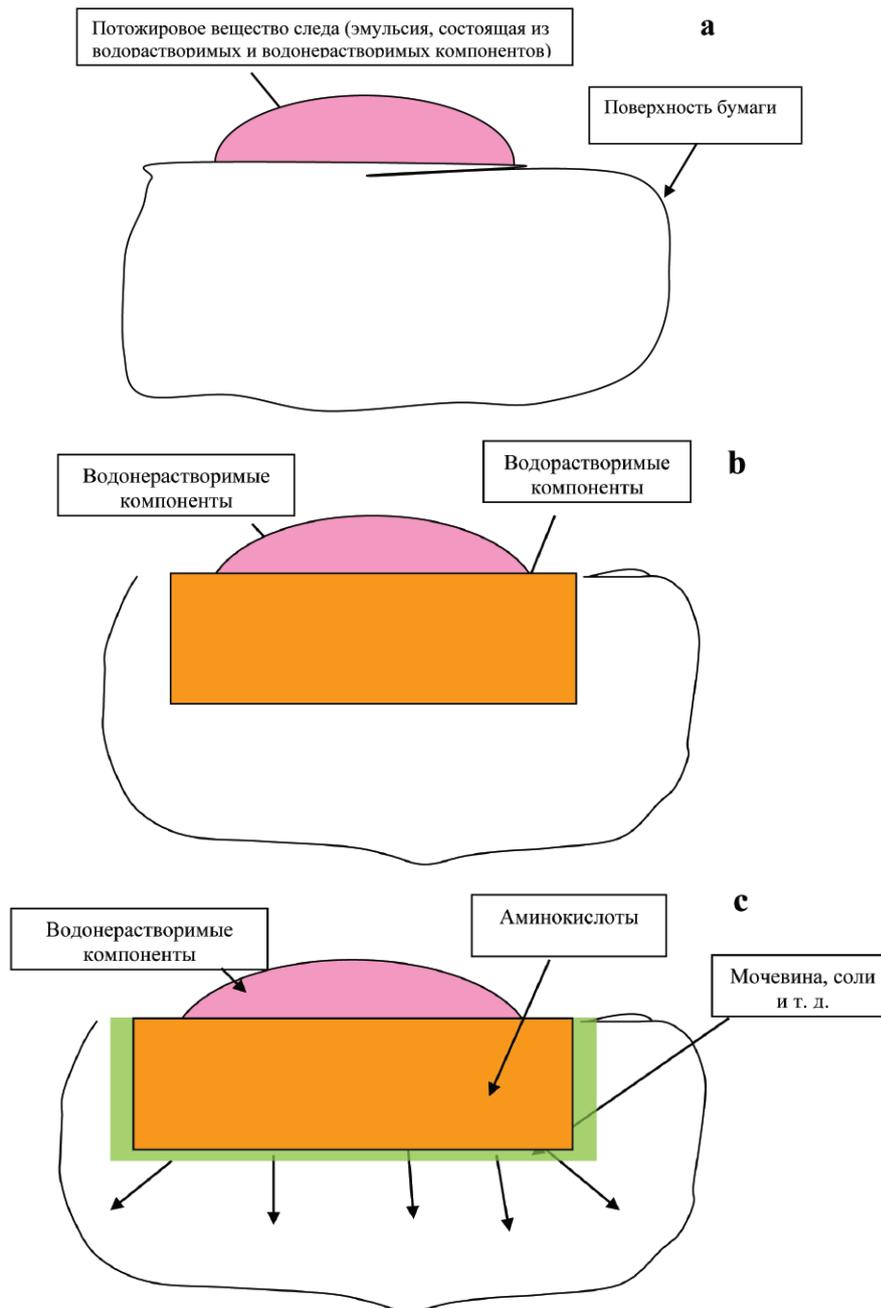

Рис. 4. Распределение потожирового вещества на пористой поверхности: а – непосредственно после контакта; б – спустя небольшой промежуток времени после контакта (минуты, часы); с – спустя продолжительное время (дни, месяцы)

Fig. 4. The distribution of sweat and grease substance on a porous surface: a – immediately after contact. b – a short period of time after the contact (minutes, hours), c – after a long time (days, months)

при более длительном хранении объектов идентификация человека по данным признакам становится невозможной;

– влияние растворителя и химического состава растворов средств выявления, применяемых в ходе исследования, на отображение признаков в следах, образованных на различных видах пористых (бумажных) поверхностей, незначительно;

– повышенная влажность окружающей среды негативно сказывается на качестве отображения поро- и эджеоскопических признаков.

2. Показан механизм взаимодействия потожирового вещества и пористых поверхностей, позволяющий уточнить механизм следообразования латентных следов рук на пористых поверхностях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дружинин Ю.А., Матов О.Р. Возможности проведения поро- и эджеоскопических исследований при использовании современных средств выявления следов рук. Метод. рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 40 с.
2. Моисеева Т.Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека. Монография / Под ред. Н.П. Майлис. М.: Городец, 2000. 223 с.
3. Донцова Ю.А., Ивашкова А.В., Рыжова Т.М., Черницын Л.А. Современные методы и средства выявления, изъятия и исследования следов рук. Учеб. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 176 с.
4. Афанасьев И.Б., Дружинин Ю.А., Юдина Т.Ю., Васильев В.А., Ермакова Т.А., Запороцкова И.В., Русанов Е.Ю. О некоторых вопросах механизма слеодообразования латентных следов рук на пористых поверхностях / «Судебная экспертиза: российский и международный опыт». Мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 27–28 апреля 2016 г.). Волгоград: ВА МВД России, 2016. С. 117–122.
5. Грег С., Синг К. Адсорбция, удельная поверхность, пористость / Пер. с англ. В.А. Эльтекова и Ю.А. Эльтекова; под ред. К.В. Чмута. М.: Мир, 1970. 407 с.
6. Иванов С.Н. Технология бумаги. 3-е изд. М.: Школа бумаги, 2006. 696 с.
7. Menzel E.R. Recent Advances in Photoluminescence Detection of Fingerprints // *The Scientific World Journal*. 2001. Vol. 1. P. 498–509. <https://doi.org/10.1100/tsw.2001.76>
8. Liang S., Cui S., Wang G., Zhou Y. Synthesis of Benzimidazole Sweat Fingerprint Fluorescent Developer and Fluorescent Effect // *Chemical Engineering Transactions*. 2018. Vol. 66. P. 157–162. <https://doi.org/10.3303/CET1866027>
9. Almog J., Levinton-Shamuilov G., Cohen Y., Azoury M. Fingerprint Reagents with Dual Action: Color and Fluorescence // *Journal of Forensic Sciences*. 2007. Vol. 52. No. 2. P. 330–334. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2007.00383.x>
10. Jelly R., Patton E.L., Lennard C., Lewis S.W., Lim K.F. The Detection of Latent Fingermarks on Porous Surfaces Using Amino Acid Sensitive Reagents: A Review // *Analitica Chimica Acta*. 2009. Vol. 652. No. 1–2. P. 128–142. <https://doi.org/10.1016/j.aca.2009.06.023>
11. Якубке Х.-Д., Ешкайт Х. Аминокислоты. Пептиды. Белки / Пер. с нем. Н.П. Запечаловой и Е.Е. Максимова; под ред. Ю.В. Митина. М.: Мир, 1985. 455 с.
12. Симонян А.В., Саламатов А.А., Покровская Ю.С., Аванесян А.А. Использование нингидриновой реакции для количественного определения α-аминокислот в различных объектах. Метод. рекомендации. Волгоград: ВолгГМУ. 2007. 106 с.
13. Hansen D.B., Joullie M.M. The Development of Novel Ninhydrin Analogues // *Chemical Society*

REFERENCES

1. Druzhinin Yu.A., Matov O.R. *The Capacity of the Poro- and Edgeoscopic Research When Using the Modern Means of Handprints Detection. Methodological Recommendations*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2010. 40 p. (In Russ.)
2. Moiseeva T.F. *A Comprehensive Forensic Investigation of a Person's Sweat and Grease Deposits* / N.P. Mailis (ed). Moscow: Gorodets, 2000. 223 p. (In Russ.)
3. Dontsova Yu.A., Ivashkova A.V., Ryzhova T.M., Chernitsyn L.A. *Modern Methods and Means for Detection, Seizure and Investigation of Hands Deposits. Textbook*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2010. 176 p. (In Russ.)
4. Afanas'ev I.B., Druzhinin Yu.A., Yudina T.Yu., Vasil'ev V.A., Ermakova T.A., Zaporotzkova I.V., Rusanov E.Yu. On Some Issues of the Mechanism of Deposits Formation for Latent Hands Deposits on Porous Surfaces. "Forensic Expertise: Russian and International Experience". *Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference (Volgograd, April 27–28, 2016)*. Volgograd: VA MVD Rossii, 2016. P. 117–122. (In Russ.)
5. Greg S., Sing K. *Adsorption, Specific Surface, Porosity* / Translation from English by V.A. El'tekov and Yu.A. El'tekov; K.V. Chmutov (ed). Moscow: Mir, 1970. 407 p. (In Russ.)
6. Ivanov S.N. *Technology of Paper*. 3rd ed. Moscow: Shkola bumagi, 2006. 696 p. (In Russ.)
7. Menzel E.R. Recent Advances in Photoluminescence Detection of Fingerprints. *The Scientific World Journal*. 2001. Vol. 1. P. 498–509. <https://doi.org/10.1100/tsw.2001.76>
8. Liang S., Cui S., Wang G., Zhou Y. Synthesis of Benzimidazole Sweat Fingerprint Fluorescent Developer and Fluorescent Effect. *Chemical Engineering Transactions*. 2018. Vol. 66. P. 157–162. <https://doi.org/10.3303/CET1866027>
9. Almog J., Levinton-Shamuilov G., Cohen Y., Azoury M. Fingerprint Reagents with Dual Action: Color and Fluorescence. *Journal of Forensic Sciences*. 2007. Vol. 52. No. 2. P. 330–334. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2007.00383.x>
10. Jelly R., Patton E.L., Lennard C., Lewis S.W., Lim K.F. The Detection of Latent Fingermarks on Porous Surfaces Using Amino Acid Sensitive Reagents: A Review. *Analitica Chimica Acta*. 2009. Vol. 652. No. 1–2. P. 128–142. <https://doi.org/10.1016/j.aca.2009.06.023>
11. Yakubke Kh.-D., Eshkait Kh. *Amino Acids. Peptides. Proteins* / Translation from German. N.P. Zapevalova and E.E. Maksimov; Yu.V. Mitin (ed). Moscow: Mir, 1985. 455 p. (In Russ.)
12. Simonyan A.V., Salamatov A.A., Pokrovskaya Yu.S., Avanesyan A.A. *Using Ninhydrine Reaction for Quantifying α-Amino Acids in Different Objects. Methodical Recommendations*. Volgograd: VolgGMU. 2007. 106 p. (In Russ.)
13. Hansen D.B., Joullie M.M. The Development of Novel Ninhydrin Analogues. *Chemical Society*

- Reviews. 2005. Vol. 34. No. 5. P. 408–417. <https://doi.org/10.1039/b315496n>
14. Petraco N.D.K., Proni G., Jackiw J.J., Sapse A.-M. Amino Acid Alanine Reactivity with the Fingerprint Reagent Ninhydrin. A Detailed *Ab Initio* Computational Study // *Journal of Forensic Sciences*. 2006. Vol. 51. No. 6. P. 1267–1275. <https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2006.00271.x>
 15. Almog J., Azoury M., Elmaliyah Y., Berenstein L., Zaban A. Fingerprint's Third Dimension: The Depth and Shape of Fingerprints Penetration into Paper – Cross Section Examination by Fluorescence Microscopy // *Journal of Forensic Sciences*. 2004. Vol. 49. No. 5. P. 1–5. <https://doi.org/10.1520/JFS2004009>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Василий Алексеевич – к. х. н., доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности, Волгоградская академия МВД России; e-mail: v-vasiliev@inbox.ru

Ермакова Татьяна Александровна – к. х. н., доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета; e-mail: taermakova09@mail.ru

Дружинин Юрий Алексеевич – инженер отдела почерковедческих экспертиз и технико-криминалистического исследования документов ЭКЦ МВД России; e-mail: eko47@mail.ru

Афанасьев Илья Борисович – главный эксперт ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: ilya_afanasev@pisem.net

Юдина Татьяна Юрьевна – эксперт отдела экспертиз с применением физических методов ЭКЦ МВД России; e-mail: yudinatyana@gmail.com

Русанов Евгений Юрьевич – эксперт экспертно-криминалистического отдела МУ МВД России «Нижнетагильское»; e-mail: mad-rus-faq@mail.ru

*Статья поступила: 03.02.2020
После доработки: 15.04.2020
Принята к печати: 25.05.2020*

ABOUT THE AUTHORS

Vasil'ev Vasilii Alekseevich – Candidate of Chemistry, Associate Professor of the Department of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Forensic Expert Activities. Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia; e-mail: v-vasiliev@inbox.ru

Ermakova Tat'yana Aleksandrovna – Candidate of Chemistry, Associate Professor of the Department of Forensic Expertise and Material Physics. Volgograd State University; e-mail: taermakova09@mail.ru

Druzhinin Yuri Alekseevich – Engineer at the Department of Handwriting Examinations and Technical and Forensic Research of Documents of the Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; e-mail: eko47@mail.ru

Afanas'ev Il'ya Borisovitch – Chief Expert of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation; e-mail: ilya_afanasev@pisem.net

Yudina Tat'yana Yur'evna – Expert of the Department of Investigations with the Use of Physical Methods of the Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; e-mail: yudinatyana@gmail.com

Rusanov Evgenii Yur'evich – Expert of the Forensic Department of the Intermunicipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia “Nizhnetagilskoe”; e-mail: mad-rus-faq@mail.ru

*Received: February 03, 2020
Revised: April 15, 2020
Accepted: May 25, 2020*

Применение метода инфракрасной спектроскопии для определения объемной доли этилового спирта в спиртосодержащих жидкостях

В.М. Буланов, И.Л. Казанцева

Федеральное бюджетное учреждение Саратовская лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, Саратов 410003, Россия

Аннотация. Показана возможность применения инфракрасной спектроскопии для определения крепости спиртосодержащих жидкостей. Предложена методика, основанная на расчете отношения оптических плотностей характеристических полос спирта и воды (D_{1045}/D_{1650}) и определении объемной доли этилового спирта в жидкости по предварительно построенному градуировочному графику. Методика не требует пробоподготовки и позволяет работать с малым количеством исследуемой жидкости, когда применение стандартных методов определения объемной доли этилового спирта (пикнометрического, ареометрического) невозможно. Инфракрасные спектры регистрируются на типичном для судебно-экспертных учреждений Минюста России оборудовании – ИК-Фурье-спектрометре с использованием приставки для жидких проб или ИК-спектрометре с приставкой нарушенного полного внутреннего отражения. Рассматриваемая методика определения крепости спиртосодержащих жидкостей пригодна и для жидкостей, содержащих вкусоароматические добавки и красители, и не требует проведения предварительной пробоподготовки в виде перегонки. Погрешность определения объемной доли этилового спирта в жидкости предлагаемым методом составляет $\pm 5\%$ отн.

Ключевые слова: спиртосодержащие жидкости, объемная доля этилового спирта, метод инфракрасной спектроскопии

Для цитирования: Буланов В.М., Казанцева И.Л. Применение метода инфракрасной спектроскопии для определения объемной доли этилового спирта в спиртосодержащих жидкостях // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 44–49.
<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-44-49>

The Infrared Spectroscopy Applied to Determine the Volume Fraction of Ethyl Alcohol in Alcohol-Containing Liquids

Vladimir M. Bulanov, Irina L. Kazantseva

Saratov Laboratory of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Saratov 410003, Russia

Abstract. The article addresses the capacity of infrared spectroscopy to determine the strength of alcohol-containing liquids. The method is based on calculating the ratio of optical densities of the characteristic bands of alcohol and water (D_{1045}/D_{1650}) and determining the volume fraction of ethyl alcohol in the liquid according to the calibration graph plotted in advance. The proposed method does not require sample preparation. It allows us to work with a small volume of the investigated liquid when it is impossible to use standard methods for determining the volume fraction of ethyl alcohol (pycnometric, areometric). Infrared spectra are registered on the equipment typical for forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia – an IR-Fourier spectrometer using an attachment for liquid samples or an IR-spectrometer with impaired total internal reflection attachment. The proposed method for determining the strength of alcohol-containing liquids is also suitable for liquids containing flavoring agents and coloring substances and does not require preliminary sample preparation such as distillation. The inaccuracy of determination of ethyl alcohol's volume fraction in a liquid by the proposed method is $\pm 5\%$ rel.

Keywords: alcohol-containing liquids, volume fraction of ethyl alcohol, infrared spectroscopy

For citation: Bulanov V.M., Kazantseva I.L. The Infrared Spectroscopy Applied to Determine the Volume Fraction of Ethyl Alcohol in Alcohol-Containing Liquids. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 44–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-44-49>

Введение

В экспертизах спиртосодержащих жидкостей (далее – ССЖ) показатель «объемная доля этилового спирта» является определяющим для отнесения жидкости к спиртосодержащей. Согласно Федеральному закону № 171-ФЗ¹, спиртосодержащей продукцией является пищевая или непищевая продукция, спиртосодержащие лекарственные препараты, медицинские изделия с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции.

Наиболее просты и доступны такие общепринятые стандартные методы определения крепости ССЖ, как ареометрический метод, основанный на определении объемной доли этилового спирта в продукте ареометром для спирта в дистилляте после предварительной перегонки (ГОСТ 32035-2013², ГОСТ 32095-2013³), и пикнометрический метод (ГОСТ 3639-79⁴). Данные методы являются референтными [1].

В ряде случаев применяют альтернативные методы в связи с необходимостью решения таких задач, как проведение оперативного экспресс-контроля неразрушающими методами, выполнение анализа при ограниченном количестве представленной на исследование жидкости, сокращение длительности анализа и др. Для количественного определения этанола используются газовая хроматография с использованием детектора по теплопроводности [2], рефрактометрия [3–6], спектроскопия комбинационного рассеяния [7], инфракрасная спектроскопия [8–11].

Цель работы

Цель работы – апробация методики определения крепости ССЖ с применением ИК-спектроскопии, позволяющей определять крепость жидкости в ограниченном объеме. Потребность в разработке методики обусловлена тем, что эксперты Саратовской лаборатории судебной экспертизы

(ФБУ Саратовская ЛСЭ Минюста России) часто сталкиваются с необходимостью проведения исследования ССЖ, предоставляемых в малом объеме, иногда всего 1-2 мл.

Материалы и методы

Регистрацию инфракрасных спектров жидкостей проводили с применением ИК-Фурье спектрометра Nicolet iS5 с приставкой нарушенного полного внутреннего отражения (НПВО) с алмазной призмой и ИК-Фурье спектрометра Infracum 801-FT.

Результаты и обсуждение

Возможность определения крепости (концентрации этанола в водно-спиртовом растворе) методом ИК-спектроскопии подтверждается литературными данными [11]. Для этого измеряют оптическую плотность полосы поглощения валентных колебаний связи углерод-кислород этилового спирта – 1045 см⁻¹.

Согласно закону Бугера-Ламберта-Бера, оптическая плотность полосы поглощения (D) пропорциональна показателю поглощения (χ), толщине слоя жидкости (l) и концентрации (C) [12, 13]:

$$D = \chi \times l \times C.$$

Поэтому, зная показатель поглощения и толщину слоя, по оптической плотности полосы поглощения возможно рассчитать концентрацию спирта.

На практике для измерения концентрации необходимо предварительно построить градуировочный график зависимости оптической плотности от концентрации спирта. Градуировку проводят для определенной толщины слоя на характеристической полосе для серии растворов с известной концентрацией. Затем по градуировочному графику рассчитывают концентрацию спирта по оптической плотности полосы раствора с неизвестной концентрацией. Так как оптическая плотность зависит от толщины слоя, то при изменении толщины кюветы необходимо строить новый график.

В спектре водно-спиртовой смеси кроме полосы поглощения валентных колебаний связи С-О (углерод-кислород) этилового спирта (1045 см⁻¹) присутствует и полоса поглощения деформационных колебаний связи ОН жидкой воды (1650 см⁻¹) [14, 15]. В ФБУ Саратовская ЛСЭ Минюста России апробирована и внедрена методика определения крепости ССЖ, которая исключает влияние толщины слоя жидко-

¹ Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» / КонсультантПлюс.
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/

² ГОСТ 32035-2013 «Водки и водки особые. Правила приемки и методы анализа». М: Стандартинформ, 2013.

³ ГОСТ 32095-2013 «Продукция алкогольная и сырье для ее производства. Метод определения объемной доли этилового спирта». М: Стандартинформ, 2013.

⁴ ГОСТ 3639-79 «Растворы водно-спиртовые. Методы определения концентрации этилового спирта» / Кодекс.
<http://docs.cntd.ru/document/1200023051>

сти на измерения. Эта методика позволяет проводить измерения и методом НПВО. Для исключения влияния толщины предлагается проводить измерение содержания спирта в водно-спиртовой смеси не по оптической плотности полосы поглощения спирта, а по отношению оптических плотностей полосы поглощения спирта и полосы поглощения воды с использованием отношения $D_{\text{спирт}}/D_{\text{вода}}$. Это отношение не зависит от толщины слоя жидкости, а зависит только от соотношения содержания спирта и воды в исследуемой жидкости:

$$\frac{D_{\text{спирт}}}{D_{\text{вода}}} = \frac{\chi_{\text{спирт}} \times l \times C_{\text{спирт}}}{\chi_{\text{вода}} \times l \times C_{\text{вода}}} = \frac{\chi_{\text{спирт}} \times C_{\text{спирт}}}{\chi_{\text{вода}} \times C_{\text{вода}}}$$

При использовании данной методики можно регистрировать ИК-спектры жидкости просто в капиллярном слое, раздавливая каплю жидкости между пластинами из селенида цинка без учета толщины слоя. Эта методика применима также и при регистрации спектров жидкости на ИК-спектрометрах с приставками НПВО.

Таким образом, для практического применения предлагаемой методики определения крепости ССЖ методом ИК-спектроскопии по отношению оптических плотностей полосы поглощения спирта и полосы поглощения воды (D_{1045}/D_{1650}) необходимо предварительно построить калибровочный график на конкретном ИК-спектрофотометре, имеющемся в лаборатории.

Для построения градуировочного графика нами была приготовлена серия модельных водно-спиртовых растворов в диапазоне 10–60 % об. этилового спирта. Содер-

жание этилового спирта в калибровочных растворах контролировали ареометрами типа АСП-2 при температуре $20,0 \pm 0,1$ °С. Типичный ИК-спектр градуировочного водно-спиртового раствора, зарегистрированный на ИК-Фурье спектрометре Nicolet iS5 с приставкой НПВО, представлен на рисунке 1.

По результатам исследования зависимости отношения плотностей D_{1045}/D_{1650} от объемной доли этилового спирта строили графическую зависимость с применением стандартного пакета Excel. На рисунке 2 представлен полученный график зависимости отношения плотностей D_{1045}/D_{1650} от объемной доли этилового спирта с нанесенными вариантами линии тренда ($y = f(x)$), описываемой линейной и полиномиальной (полином 2-й и 3-й степени) зависимостями, а также величиной достоверности аппроксимации данных (R^2). Исходные данные получены на ИК-Фурье спектрометре Nicolet iS5.

Анализ полученных уравнений позволил установить, что зависимость отношения D_{1045}/D_{1650} от объемной доли этилового спирта в исследованном интервале с достаточной точностью описывается полиномиальным уравнением 2-го порядка. Для практического применения данного метода целесообразно использовать график «обратной задачи», т. е. в координатах зависимости крепости от отношения плотностей (рис. 3).

Аналогичные результаты были получены на ИК-Фурье спектрометре Infracum 801-FT: график зависимости отношения плотностей D_{1045}/D_{1650} для градуировочных растворов от объемной доли этилового спирта с 99,4-процентной достоверностью аппрок-

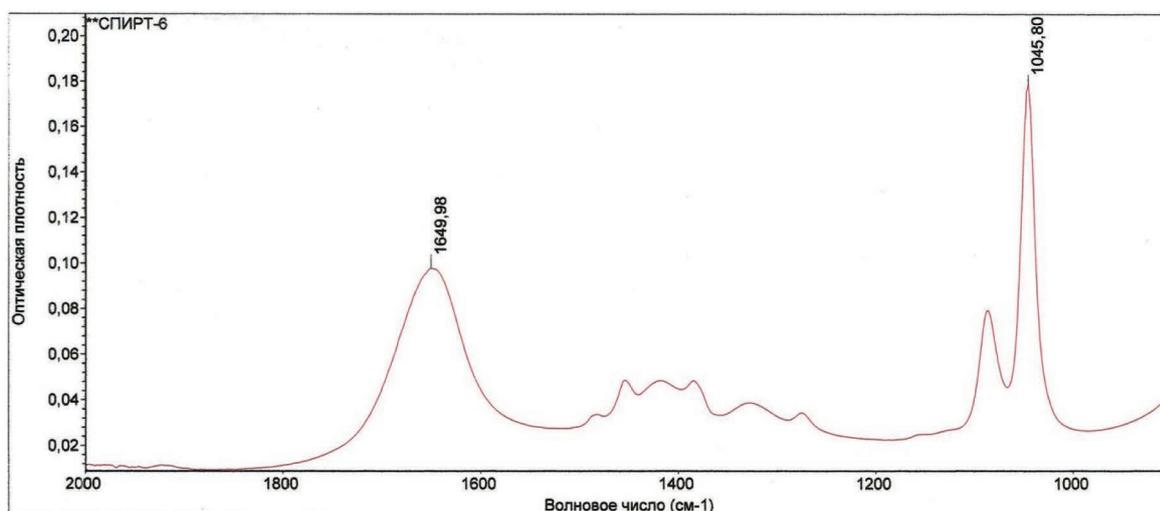

Рис. 1. Инфракрасный спектр водно-спиртового раствора
 Fig. 1. Infrared spectrum of a water-alcohol solution

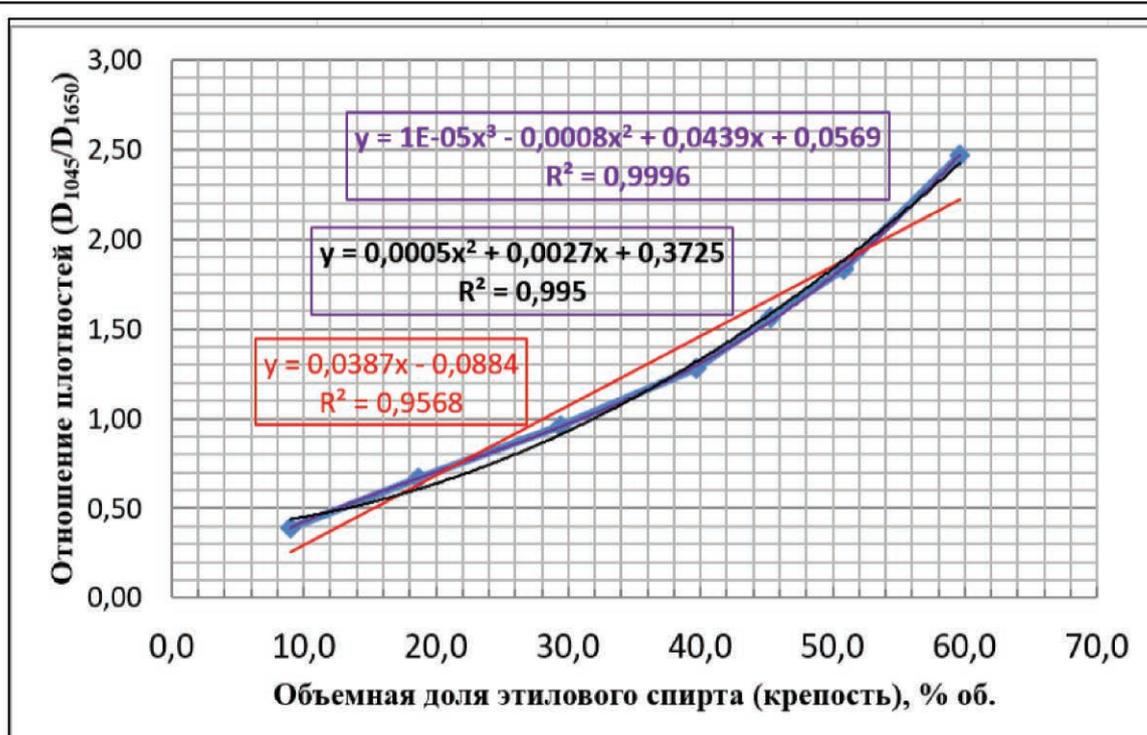

Рис. 2. Зависимость отношения плотностей D_{1045}/D_{1650} от объемной доли этилового спирта с линиями тренда, описываемыми линейной функцией (красный цвет), полиномиальной функцией второй степени (черный цвет), полиномиальной функцией третьей степени (фиолетовый цвет)
Fig. 2. Graph of the relationship between the density ratio D_{1045}/D_{1650} and the volume fraction of ethanol with trend lines described by a linear function (indicated in red), a polynomial function of the second degree (indicated in black), and a polynomial function of the third degree (indicated in purple)

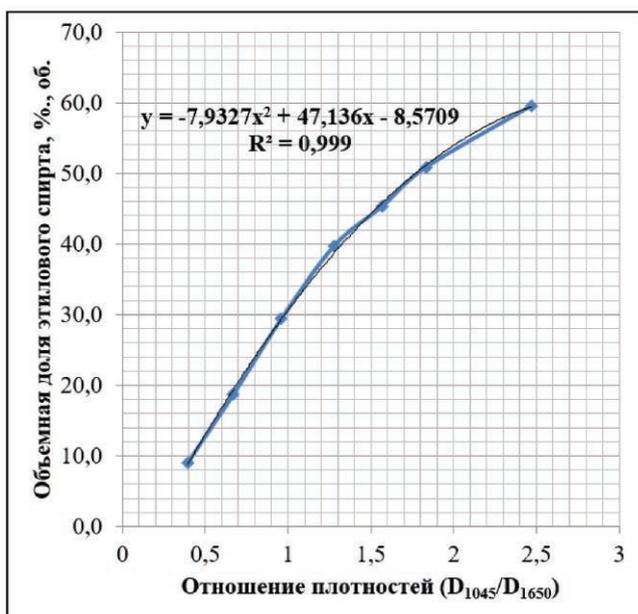

Рис. 3. Зависимость объемной доли этилового спирта от отношения плотностей D_{1045}/D_{1650}
Fig. 3. Graph of the volume fraction of ethyl alcohol as a function of the density ratio D_{1045}/D_{1650}

Проверку полученных на двух приборах градуировочных характеристик проводили с использованием образцов крепких спиртных напитков (водки, самогона, коньяка) и винодельческих продуктов (винных напитков, вин), в которых крепость предварительно определялась ареометрическим методом в дистилляте.

Установлено, что расхождение значения объемной доли этилового спирта в жидкости, определенное методом ИК-спектрии и ареометрическим методом, составило до $\pm 5\%$ отн. При этом разработанная методика пригодна даже для окрашенных жидкостей, например коньяков, камуфлированных под коньяк жидкостей, самогонов, окрашенных жидкостей, содержащих чай, кофе, сахарный колер и другие добавки, без проведения предварительной пробоподготовки в виде перегонки.

симации описывается полиномиальным уравнением второго порядка:

$$(y = 0,0004 x^2 + 0,0117 x + 0,1187).$$

Заключение

При проведении исследования образцов ССЖ ограниченного объема актуальны методики, не требующие проведения пробо-

подготовки, реализуемые на типовом оборудовании и отличающиеся достаточной экспрессностью. Предложенная методика количественного определения крепости ССЖ с применением метода инфракрасной спектроскопии, основанная на расчете отношения оптических плотностей характери-

стических полос спирта и воды (D_{1045}/D_{1650}) с последующим определением объемной доли этилового спирта в жидкости по предварительно построенному градуировочному графику, обладает указанными преимуществами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Л.Д., Козинер Е.Д. Криминалистическое исследование спиртосодержащих жидкостей. Науч.-метод. пособие для экспертов, следователей и судей. М.: РФЦСЭ, 2008. 241 с.
2. Leary J.J. A Quantitative Gas Chromatographic Ethanol Determination: A Contemporary Analytical Experiment // *Journal of Chemical Education*. 1983. Vol. 60. No. 8. P. 675. <https://doi.org/10.1021/ed060p675>
3. Березина Е.С., Киселева А.А., Филиппова В.В. Рефрактометрическое определение концентрации спирта в лекарственных формах // *Вестник Пермской государственной фармацевтической академии*. 2007. № 2. С. 123–125.
4. Методы теххимического контроля в виноделии / Под ред. В.Г. Гержиковой. Симферополь: Таврида, 2002. 260 с.
5. Тимофеев Р.Г. Совершенствование рефрактоденситометрического метода определения спирта и общего экстракта вин и напитков // «Магарач». Виноградарство и виноделие. 2016. № 1. С. 41–44. http://magarach-institut.ru/wp-content/uploads/2018/12/2016_1.pdf
6. Owuama C.I., Ododo J.C. Refractometric Determination of Ethanol Concentration // *Food Chemistry*. 1993. Vol. 48. Issue 4. P. 415–417. [https://doi.org/10.1016/0308-8146\(93\)90327-C](https://doi.org/10.1016/0308-8146(93)90327-C)
7. Буриков С.А., Доленко Т.А., Пацаева С.В., Южаков В.И. Диагностика водно-этанольных растворов методом спектроскопии комбинационного рассеяния света // *Оптика атмосферы и океана*. 2009. Т. 11. № 11. С. 1082–1088.
8. Коршунова Н.А., Романов В.А., Евлеева В.В. Применение спектроскопии для оценки качества виноградных вин // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Процессы и аппараты пищевых производств»*. 2019. № 3. С. 42–51. <https://doi.org/10.17586/2310-1164-2019-12-3-42-51>
9. Lachenmeier D.W., Godelmann R., Steiner M., Ansay B., Weigel J., Krieg G. Rapid and Mobile Determination of Alcoholic Strength in Wine, Beer and Spirits Using a Flow-Through Infrared Sensor // *Chemistry Central Journal*. 2010. Vol. 4. No. 1. <http://doi.org/10.1186/1752-153x-4-5>
10. Сидоренко М.Ю. Перспективы применения ИК-Фурье-спектрофотометрии в пищевой промышленности // *Пищевая промышленность*. 2010. № 4. С. 46–48.

REFERENCES

1. Belyaeva L.D., Koziner E.D. *Forensic Analysis of Alcohol-Containing Liquids. Scientific and Methodological Manual for Experts, Investigators and Judges*. Moscow: RFCFS, 2008. 241 p. (In Russ.)
2. Leary J.J. A Quantitative Gas Chromatographic Ethanol Determination: A Contemporary Analytical Experiment. *Journal of Chemical Education*. 1983. Vol. 60. No. 8. P. 675. <https://doi.org/10.1021/ed060p675>
3. Berezina E.S., Kiseleva A.A., Filippova V.V. Refractometric Detection of Alcohol Concentration in Medical Forms. *Journal of the Permian State Pharmaceutical Academy*. 2007. No. 2. P. 123–125. (In Russ.)
4. Gerzhikova V.G. (ed). *The Techniques of Technological and Chemical Control in Winemaking*. Simferopol: Tavrida, 2002. 260 p. (In Russ.)
5. Timofeev R.G. The Perfection of Refraktodensitometric Method for Concentration Measurement of the Ethyl Alcohol and Total Extract of Wines and Beverages. *Magarach. Viticulture and winemaking*. 2016. No. 1. P. 41–44. (In Russ.). http://magarach-institut.ru/wp-content/uploads/2018/12/2016_1.pdf
6. Owuama C.I., Ododo J.C. Refractometric Determination of Ethanol Concentration. *Food Chemistry*. 1993. Vol. 48. Issue 4. P. 415–417. [https://doi.org/10.1016/0308-8146\(93\)90327-C](https://doi.org/10.1016/0308-8146(93)90327-C)
7. Burikov S.A., Dolenko T.A., Patsaeva S.V., Yuzhakov V.I. Diagnostics of Aqueous Ethanol Solutions Using Raman Spectroscopy. *Atmospheric and Oceanic Optics*. 2009. Vol. 11. No. 11. P. 1082–1088. (In Russ.)
8. Korshunova N.A., Romanov V.A., Evleeva V.V. The Application of Spectroscopy to Assess the Quality of Grape Wines. *Scientific journal NRU ITMO. Series "Processes and Food Production Equipment"*. 2019. No. 3. P. 42–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.17586/2310-1164-2019-12-3-42-51>
9. Lachenmeier D.W., Godelmann R., Steiner M., Ansay B., Weigel J., Krieg G. Rapid and Mobile Determination of Alcoholic Strength in Wine, Beer and Spirits Using a Flow-Through Infrared Sensor. *Chemistry Central Journal*. 2010. Vol. 4. No. 1. <http://doi.org/10.1186/1752-153x-4-5>
10. Sidorenko M.Yu. Prospects of Application IR-Fourier-Spectrometry in the Food-Processing Industry. *Food Industry*. 2010. No. 4. P. 46–48. (In Russ.)

11. Нехорошева Д.С. Определение этанола в водных растворах методом ИК-спектроскопии / Мат-лы Международ. молодежного науч. форума «Ломоносов-2014» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2014.
https://conf.spbstu.ru/archive/Lomonosov_2014/section_30_2738_doc_name.htm
12. Основы аналитической химии. В двух книгах. Книга 2. Методы химического анализа / Под ред. Ю.А. Золотова. 2-е изд. переб. и доп. М.: Высшая школа. 2002. 461 с.
13. Геккелер К.Е., Экштайн Х. Аналитические и препаративные лабораторные методы / Пер. с немецкого. М.: Химия, 1994. 416 с.
14. Тарасевич Б.Н. ИК спектры основных классов органических материалов. Справочные материалы. М.: МГУ, 2012. 55 с.
http://www.chem.msu.ru/rus/teaching/tarasevich/Tarasevich_IR_tables_29-02-2012.pdf
15. Наканиси К. Инфракрасные спектры и строение органических соединений. Практ. руководство / Пер. с англ. Н.Б. Куплетской и Л.М. Эпштейн. М.: Мир, 1965. 216 с.
11. Nekhorosheva D.S. The Detection of Ethanol in Water Solutions by IR-Spectroscopy / Andreev A.I., Andriyanov A.V., Antipov E.A. (eds). *The Materials of the International Youth Science Forum "LOMONOSOV-2014"*. Moscow: MAKS Press, 2014. (In Russ.). https://conf.spbstu.ru/archive/Lomonosov_2014/section_30_2738_doc_name.htm
12. Zolotov Yu.A. (ed). *The Basics of Analytical Chemistry. In Two Books. Book 2. The Methods of Chemical Analysis. 2nd ed.* Moscow: Vysshaya shkola. 2002. 461 p. (In Russ.)
13. Gekkeler K.E., Ekshtain Kh. *Analytical and Preparative Lab Methods* / Translation from German. Moscow: Khimiya, 1994. 416 p. (In Russ.)
14. Tarasevich B.N. *IR Spectra of the Main Classes of Organic Materials. Reference material.* Moscow: MSU, 2012. 55 p. (In Russ.).
http://www.chem.msu.ru/rus/teaching/tarasevich/Tarasevich_IR_tables_29-02-2012.pdf
15. Nakanisi K. *IR Spectra and Structure of Organic Compounds. Practical Guide* / Translation from English by N.B. Kupletskaya and L.M. Epshtein. Moscow: Mir, 1965. 216 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Буланов Владимир Михайлович – ведущий государственный судебный эксперт Саратовской лаборатории судебной экспертизы Минюста России, e-mail: info@sudexp64.ru

Казанцева Ирина Леонидовна – д. т. н., заместитель начальника по основной деятельности Саратовской лаборатории судебной экспертизы Минюста России, государственный судебный эксперт; e-mail: kazantsevalL@rambler.ru

Статья поступила: 28.03.2020

После доработки: 23.04.2020

Принята к печати: 25.06.2020

ABOUT THE AUTHORS

Bulanov Vladimir Michailovich – Leading State Forensic Expert, Saratov Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: info@sudexp64.ru

Kazantseva Irina Leonidovna – Doctor of Engineering, Deputy Chief Operating Officer, State Forensic Expert, Saratov Laboratory of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: kazantsevalL@rambler.ru

Received: March 28, 2020

Revised: April 23, 2020

Accepted: June 25, 2020

Судебно-экспертное исследование предметов фалеристики с целью определения их стоимости

 А.Я. Аснис^{1,2}, Г.Г. Бочаров¹, А.А. Селиванов¹, Ш.Н. Хазиев²

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² Московская городская коллегия адвокатов, Адвокатская контора «Аснис и партнеры», Москва 121099, Россия

Аннотация. Коллекционирование предметов фалеристики – достаточно распространенное увлечение во всех странах. Стоимость орденов, медалей и других предметов фалеристики определяется в том числе их редкостью, состоянием, сложностью изготовления, были ли использованы при их производстве драгоценные металлы и камни.

Судебно-экспертное исследование предметов фалеристики с целью определения стоимости отличается от их оценки самими коллекционерами, оценщиками антикварных торговых организаций, ломбардов, аукционистов юридической значимостью результатов определения стоимости для заинтересованных лиц. Оно осуществляется согласно методике судебно-товароведческого исследования, проводимого с целью определения рыночной стоимости объектов различных товарных групп, при этом для некоторых видов изделий необходимо предварительно установить их подлинность.

В статье предложен алгоритм судебно-экспертного определения стоимости объектов фалеристики. Показано, что государственные награды СССР, РСФСР и Российской Федерации, являясь предметами, изъятыми из гражданского оборота, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации рыночной стоимости не имеют. В отношении этих объектов может быть установлена лишь стоимость использованных при изготовлении драгоценных металлов, определяемая в соответствии с методикой, утвержденной Министерством финансов Российской Федерации.

Ключевые слова: медали, ордена, значки, стоимость, судебная экспертиза, судебное товароведение, фалеристика

Для цитирования: Аснис А.Я., Бочаров Г.Г., Селиванов А.А., Хазиев Ш.Н. Судебно-экспертное исследование предметов фалеристики с целью определения их стоимости // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 50–59. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-50-59>

Forensic Research of Phaleristic Items for Their Estimation

 Alexandr Ya. Asnis^{1,2}, Gennadii G. Bocharov¹, Alexandr A. Selivanov¹, Shamil N. Khaziev²

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² “Asnis & Partners” Law Office, Moscow 121099, Russia

Abstract. Collecting phaleristics is quite a common hobby in all countries. The cost of awards, medals, and other items of phaleristics is determined by their rarity, condition, manufacturing complexity, presence of precious metals and stones.

Forensic research of phaleristics for estimation differs from their appraisal by collectors themselves, appraisers of antique trade organizations, pawnshops, and auctioneers in the legal significance of the costing for interested parties. It is conducted according to the methodology of forensic commodity research to determine the market value of objects of various product groups; besides, there is a need to establish authenticity for certain types of products.

The article presents an algorithm for forensic appraisal of phaleristic objects. It is shown that state awards of the USSR, RSFSR, and the Russian Federation do not have market cost according to the current Russian legislation as they are removed from the civil circulation. For these items, only the cost of the precious metals used in their production can be established. This cost is determined according to the methodology

approved by the Russian Ministry of Finance.

Keywords: *medals, awards, badges, cost, forensic expertise, commodity forensics, phaleristics*

For citation: Asnis A.Ya., Bocharov G.G., Selivanov A.A., Khaziev Sh.N. Forensic Research of Phaleristic Items for Their Estimation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 50–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-50-59>

Введение

Фалеристика – это вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю развития наградного дела и историю наградных знаков отличия¹. Фалеристика включает также коллекционирование наградных знаков. Объектами изучения фалеристики и предметами коллекционирования являются ордена, медали, наградные знаки, наградные жетоны, наградные значки [2, с. 6]. Предметы фалеристики приобретаются преимущественно в специализированных антикварных магазинах, на аукционах антиквариата, в том числе на интернет-аукционах. Имеет место и непосредственный обмен между коллекционерами. Причем ордена и медали – наиболее популярные объекты коллекционирования.

Нередко предметы фалеристики становятся объектами судебной экспертизы по гражданским, таможенным, уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Наиболее часто перед судебными экспертами ставится вопрос о стоимости предметов фалеристики.

Основные методические положения

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» в случае, «если в нормативном правовом акте, содержащем требование обязательного проведения оценки какого-либо объекта оценки, либо в договоре об оценке объекта оценки не определен конкретный вид стоимости объекта оценки, установлению подлежит рыночная стоимость данного объекта.

Указанное правило подлежит применению и в случае использования в нормативном правовом акте не предусмотренных настоящим Федеральным законом или стандартами оценки терминов, определяющих вид стоимости объекта оценки, в том числе терминов “действительная стоимость”,

“разумная стоимость”, “эквивалентная стоимость”, “реальная стоимость” и других».

Таким образом, в случаях, когда специально не оговаривается вид стоимости либо в вопросе, поставленном на разрешение эксперта, указано о необходимости определить действительную, разумную, эквивалентную, реальную, коллекционную и др. стоимость, следует определять именно рыночную стоимость. Это положение действует как в оценочной деятельности, так и во всех видах судопроизводства. При этом под рыночной стоимостью, согласно ст. 3 указанного закона, подразумевается наиболее вероятная цена, по которой товар или услуга могут быть проданы «на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства, то есть когда:

- одна из сторон сделки не обязана отчуждать объект оценки, а другая сторона не обязана принимать исполнение;
- стороны сделки хорошо осведомлены о предмете сделки и действуют в своих интересах;
- объект оценки представлен на открытом рынке посредством публичной оферты, типичной для аналогичных объектов оценки;
- цена сделки представляет собой разумное вознаграждение за объект оценки и принуждения к совершению сделки в отношении сторон сделки с чьей-либо стороны не было;
- платеж за объект оценки выражен в денежной форме».

В ФБУ РФЦСЭ и других судебно-экспертных учреждениях Минюста России определение стоимости непродовольственных товаров для целей судопроизводства и по гражданско-правовым договорным отношениям с физическими и юридическими лицами осуществляется в рамках судебной товароведческой экспертизы по методикам судебно-товароведческого исследо-

¹ Слово «фалеристика» произошло от лат. *falerae* (фалера). Так в Древнем Риме называли знак отличия римского воина в виде металлической бляхи [1].

вания, проводимого с целью определения рыночной стоимости объектов различных товарных групп, которые на протяжении нескольких десятилетий разрабатываются и используются в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России [3].

Вопросы судебно-экспертного исследования орденов и медалей уже были предметом рассмотрения в ряде научных публикаций [4–6], однако полноценной, разработанной и апробированной методики исследования таких объектов с целью определения их рыночной стоимости (в том числе с описанием методических основ комплексных исследований с привлечением экспертов различных областей специальных знаний) до сих пор не имеется. Представляется, что в основу методики целесообразно положить разработанную в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России частную методику судебно-товароведческой экспертизы, предназначенную для определения рыночной стоимости предметов старины и искусства [7].

Рыночная стоимость объектов фалеристики, как и любых других объектов товароведческого исследования, устанавливается с использованием данных о предложении их продаж на открытом рынке в условиях конкуренции. Такое положение установлено, как было отмечено ранее, в самом понятии рыночной стоимости объектов, представленных эксперту.

Таким образом, исходя из закрепленного законодательно определения понятия рыночной стоимости применительно к судебно-экспертной деятельности, следует, что рыночная стоимость – это наиболее вероятная цена на определенную дату, указанную в поставленном на разрешение эксперта вопросе, по которой объект фалеристики может быть отчужден на открытом легальном рынке в условиях конкуренции, будучи представлен посредством публичной оферты, типичной для аналогичных объектов. При этом дата, на которую необходимо определить стоимость объекта фалеристики, в большинстве случаев будет ретроспективной (т. е. отличаться от даты начала производства экспертизы). Это связано с тем, что следствие или суд в первую очередь интересуется рыночной стоимостью объекта на дату совершения противоправного деяния или возникновения спорной гражданско-правовой ситуации.

Данные о предложениях и продажах предметов фалеристики необходимо исследовать прежде всего на официальных

сайтах аукционных домов и антикварных магазинов, а также на интернет-форумах коллекционеров.

В сети Интернет имеется немало сайтов с предложениями оценить предметы фалеристики в режиме онлайн. Однако следует иметь в виду, что судебно-экспертное исследование с целью определения стоимости предметов фалеристики методически существенно отличается от их оценки, осуществляемой или предлагаемой коллекционерами, а также продавцами антиквариата. Данное отличие может в значительной степени повлиять и на окончательный вывод о стоимости объекта исследования.

В случаях, когда данных о продаже конкретного предмета в открытых источниках обнаружить не удастся, эксперт-товаровед в процессуальном порядке ходатайствует о привлечении к проведению экспертизы эксперта-искусствоведа, культуролога или историка, специальные знания которого необходимы для подбора аналогов и установления влияния различия свойств исследуемого объекта и объектов-аналогов на их стоимость.

Зачастую оказывается, что принять за основу данные о продажах аналогичных предметов фалеристики, пусть даже и сходных с исследуемым и изготовленных в тот же период времени, весьма затруднительно в связи с уникальностью объекта и полным отсутствием критериев, позволяющих определить влияние выявленных экспертом отличий объектов-аналогов на стоимость исследуемого объекта.

Определению рыночной стоимости предметов фалеристики предшествует установление их подлинности. Это непростая задача с точки зрения обеспечения требований судебно-экспертной деятельности. Для ее решения необходима техническая информация, требуются образцы для сравнительного исследования, подлинность которых не вызывает сомнений, данные о награждении и последующей судьбе предмета, а в большинстве случаев и материаловедческие исследования. На ордена и медали, являющиеся государственными наградами, и многие почетные знаки в большинстве случаев возможно найти необходимую техническую документацию (технические условия изготовления, описания, чертежи, эскизы и т. п.). Сложнее обстоит дело со значками, изготовленными много лет назад на предприятиях, прекративших свое существование или утративших технические

архивы с информацией о технологии изготовления значков и технических требованиях, которые предъявлялись к конкретным изделиям.

Общий алгоритм действий по определению стоимости объектов исследования применительно к судебно-экспертной деятельности можно определить, руководствуясь нормами Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», с учетом части положений, подходов и определений, содержащихся в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и Федеральных стандартах оценки, утвержденных Министерством экономического развития Российской Федерации [8].

Для соблюдения требований, указанных в ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в части обеспечения объективности, полноты, научной обоснованности исследований по определению стоимости, а также для обеспечения возможности проверки обоснованности этих исследований и установления достоверности сделанных выводов, алгоритм по определению стоимости применительно к объектам фалеристики должен учитывать их специфику. В общем виде он состоит из трех основных этапов.

Алгоритм судебно-экспертного определения стоимости объектов фалеристики

Этап 1. Определение свойств объекта исследования, установление его количественных и качественных характеристик.

Эксперт устанавливает характеристики объекта исследования, влияющие на его стоимость: правовой режим, определяемый на основании правоустанавливающих и правоподтверждающих документов; определяет физические свойства объекта, его товарные характеристики, комплектность, сохранность (фактическое состояние) и т. д. Эксперт решает классификационные (отнесение объекта к определенному разряду, классу, установление родовой (групповой) принадлежности) и диагностические (установление фактического состояния объекта) задачи.

Этап 2. Сбор и анализ информации, необходимой для определения стоимости.

На данном этапе эксперт пользуется подходами и методами, которые исходя из природы и состояния объекта могут быть применены при определении стоимости, в том числе собирает информацию:

- а) о политических, экономических и прочих факторах, оказывающих влияние на стоимость объекта исследования;
- б) о спросе и предложении на рынке, к которому относится объект исследования, включая информацию о факторах, влияющих на спрос и предложение.

Эти два этапа взаимосвязаны и выполняются параллельно, так как результаты одного используются при реализации другого:

- определяются индивидуальные и групповые характеристики объекта исследования (первый этап);
- на основании этих характеристик устанавливается родовая/групповая принадлежность объекта исследования и к какому разряду, классу, виду, подвиду, разновидности объектов он относится (первый этап);
- на основании классификации объекта устанавливается рынок, сегмент рынка, где данный объект обращается, состояние данного рынка (сегмента рынка) (второй этап);
- на основании анализа рынка выявляются характеристики объекта, определяющие его стоимость (ценообразующие факторы) (второй этап);
- определяется значение выявленных при анализе рынка ценообразующих факторов для объекта исследования (первый этап);
- на основании ранее проведенных исследований выявляется степень влияния значений ценообразующих факторов на стоимость объекта;
- производится подбор рыночной информации, в том числе объектов-аналогов, для проведения дальнейших расчетов.

Таким образом, первый и второй этапы судебно-экспертного исследования по определению стоимости объектов фалеристики заключаются в сборе и упорядочивании исходной информации для дальнейшего расчета.

В случае наличия на рынке объектов, идентичных исследуемому по товарным характеристикам, эксперт рассчитывает стоимость, учитывая соответствующие поправки на дату предложений и дату определения стоимости, а также фактическое состояние (сохранность) объекта. При отсутствии на рынке идентичных объектов эксперт по ме-

тоту аналогии проводит исследование в следующей последовательности:

1. Анализирует рынок объектов соответствующей товарной группы.

2. Устанавливает объекты, совпадающие по своим характеристикам исследуемым (аналоги).

3. На основании анализа уровня цен и конъюнктуры рынка на объекты соответствующей товарной группы устанавливает стоимость объектов, аналогичных исследуемому.

4. Устанавливает сходство (различие) товарных характеристик исследуемого объекта и аналогов сравнительным методом.

5. Устанавливает степень сходства исследуемого объекта с аналогами с помощью поправочных коэффициентов.

6. Рассчитывает рыночную стоимость исследуемого объекта, действующую на заданную дату, исходя из стоимости аналогов, с внесением соответствующих корректирующих поправок [7].

Этап 3. Выбор методов определения стоимости, расчет рыночной стоимости объекта, составление синтезирующей части заключения.

На данном этапе эксперт:

– устанавливает, исходя из свойств объекта, состояния рынка, наличия необходимой информации и степени ее полноты и достоверности, возможные методы определения стоимости объекта;

– рассчитывает стоимость выбранным методом;

– при использовании нескольких методов обобщает полученные результаты и определяет итоговую стоимость объекта исследования.

Таким образом, на первом и втором этапах судебно-экспертного исследования, направленного на определение стоимости объекта, эксперт получает промежуточные результаты, на третьем этапе – оценивает их и формулирует окончательные выводы по всем поставленным перед ним вопросам.

Особенности определения стоимости российских государственных наград особого статуса

При определении стоимости таких объектов фалеристики, как государственные награды, имеются существенные исключения. Ордена и медали РСФСР, СССР и Российской Федерации, входящие в национальную государственную наградную си-

стему в соответствии с Указом Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации», имеют особый правовой статус, согласно которому их оборот запрещен уголовным законодательством, и поэтому их рыночная стоимость определению не подлежит. Вместе с тем в соответствии с п. 3 того же указа юбилейные медали Российской Федерации, награды, учреждаемые федеральными органами государственной власти и иными федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов РФ, общественными и религиозными объединениями, не являются государственными наградами особого статуса и, следовательно, их гражданский оборот законом не запрещен и не ограничен.

Запрещен и оборот почетных знаков лауреата Государственной премии, а также фразного знака лауреата Государственной премии. Такой запрет, несмотря на то что знаки лауреатов не являются государственными наградами, прямо предусмотрен Указами Президента Российской Федерации².

В следственной практике нередко встречаются попытки определить рыночную стоимость государственных наград РСФСР, СССР и Российской Федерации по делам о контрабанде или хищениях государственных наград. За основу определения их стоимости неправомерно, с точки зрения ст. 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», берутся данные нелегального («черного») рынка государственных наград, цены, приведенные в зарубежных каталогах³, данные о предложениях государственных наград РСФСР и СССР на иностранных аукционах антиквариата, в электронных аукционах, базирующихся на территории государств, не входящих в ЕАЭС. Такая практика не может быть признана соответствующей действующему наградному законодатель-

² П. 9 Положения о Государственной премии РФ за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности и Государственной премии РФ за выдающиеся достижения в области благотворительной деятельности (утв. Указом Президента РФ от 30.09.2015 № 491); п. 9 Положения о Государственной премии РФ в области науки и технологий и п. 7 Положения о Государственной премии РФ в области литературы и искусства (утв. Указом Президента РФ от 28.09.2015 № 485).

³ В СССР и Российской Федерации никогда не издавались какие-либо каталоги или прайс-листы, содержащие данные о ценах на государственные награды особого статуса.

ству и законодательству о судебно-экспертной деятельности по следующим основаниям.

В связи с тем, что незаконный оборот государственных наград РСФСР, СССР и Российской Федерации запрещен уголовным законодательством⁴, незаконным будет считаться и оборот российских государственных наград за рубежом – в странах, подписавших Конвенцию о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, заключенную в Париже 14.11.1970 (далее – Конвенция). Данный документ ООН вступил в силу в СССР 28.07.1988 (ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР – Указ от 02.02.1988 № 8423-XI). Его приняли или ратифицировали 138 государств.

Учитывая, что в Российской Федерации запрещен свободный вывоз предметов фалеристики более чем 50-летней давности, государственные награды СССР и РСФСР, изготовленные более 50 лет назад, также не могут находиться в свободном обороте в странах, подписавших Конвенцию.

В соответствии со ст. 6 Конвенции государства-участники обязуются учредить соответствующее свидетельство, которым государство-экспортер удостоверяет, что оно дало разрешение на вывоз одной или нескольких культурных ценностей. В России таким документом является заключение (разрешительный документ) на вывоз культурных ценностей, выдаваемое уполномоченными органами Министерства культуры Российской Федерации⁵.

Согласно ст. 7 Конвенции государства-участники «обязуются принимать все необходимые меры, в соответствии с национальным законодательством, направленные на предотвращение приобретения музеями и другими аналогичными учреждениями, расположенными на их территориях, культурных ценностей, происходящих из другого государства – участника Конвенции, которые были незаконно вывезены после вступления в силу Конвенции. Всякий раз, когда

это возможно, необходимо информировать государство, откуда происходит эта культурная ценность и которое является участником Конвенции, о предложении вернуть подобную культурную ценность, незаконно вывезенную из этого государства». Кроме того, в соответствии со статьей 8, государства – участники Конвенции обязуются подвергать уголовному или административному наказанию всех лиц, ответственных за нарушение запрещений, предусмотренных в статьях 6b и 7b.

Пункт d статьи 13 Конвенции гласит, что государства – участники Конвенции обязуются, кроме того, в соответствии с законодательством каждого государства признавать неотъемлемое право каждого государства – участника Конвенции классифицировать и объявлять некоторые культурные ценности неотчуждаемыми, которые ввиду этого не должны вывозиться, и содействовать возвращению заинтересованным государствам таких культурных ценностей в том случае, если они были ранее вывезены.

В связи с вышеизложенным представляется не соответствующим требованиям Конвенции следующее утверждение А.В. Щепотьева – автора ряда публикаций по вопросам определения стоимости объектов фалеристики: «Отметим, что ограничения по обороту наград РСФСР, СССР, Российской Федерации по законодательству других государств, в том числе стран СНГ, отсутствуют, то есть на территории других стран возможна свободная торговля государственными наградами РСФСР, СССР и Российской Федерации» [9, с. 29, 47].

В соответствии с положениями частей 1 и 3 статьи 12 УК РФ российские граждане, постоянно проживающие в Российской Федерации, лица без гражданства, а также иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по УК РФ в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации. Незаконный оборот государственных наград, где бы он ни был осуществлен, является преступлением против установленного в Российской Федерации порядка управления. Поэтому, независимо от места осуществления оборота государственных наград особого статуса, это действие расценивается как уголовно наказуемое, а цена таких сделок или предложений по продаже,

⁴ Ст. 324 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) «Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград».

⁵ См.: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.05.2012 № 45 (ред. от 04.09.2017) «О единой форме заключения (разрешительного документа) на ввоз, вывоз и транзит отдельных товаров, включенных в единый перечень товаров, к которым применяются меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами, и методических указаниях по ее заполнению».

указанная в зарубежных источниках, не может быть положена в основу определения рыночной стоимости государственных наград РСФСР, СССР и Российской Федерации.

А.В. Щепотьев также высказывает предложение о допустимости определения рыночной стоимости предметов фалеристики, свободный оборот которых запрещен, и предлагает ввести в научный оборот и в нормативные правовые акты понятие «рыночная стоимость при ограничении свободного обращения» [10]. Данное предложение представляется недопустимым по следующим основаниям. Во-первых, гражданский оборот государственных наград СССР, РСФСР и Российской Федерации не ограничен, а запрещен, поэтому словосочетание «ограничение свободного оборота» не соответствует действительности. Во-вторых, не может быть установлена рыночная стоимость предметов, отсутствующих на легальном рынке. Принятие указанного предложения может открыть дорогу для определения рыночной стоимости и некоторых иных предметов, гражданский оборот которых в нашей стране запрещен (при наличии стран, в которых имеет место иная, противоположная, ситуация). К таким объектам относят, в частности, человеческие органы, порнографические изделия, сексуальные услуги, наркотические средства («легкие наркотики»).

В обоснование своего предложения А.В. Щепотьев приводит доводы о том, что введение «рыночной стоимости при ограничении свободного обращения» обусловлено целесообразностью определения стоимости государственных наград при их обнаружении вкладах, обнаружении во время поисковых археологических работ, в случаях похищения у награжденных лиц, при обменах между музеями, при конфискации и т. п. [9, с. 29, 68–69].

Реализация этого предложения представляется недопустимой именно в силу назначения государственных наград и обусловленного этим их особого правового статуса. Особый статус и правомерность запрета гражданского оборота государственных наград подтвердил в 2020 году в своем постановлении Конституционный суд Российской Федерации, указав в п. 2 следующее:

«Согласно Конституции Российской Федерации, многонациональный народ Российской Федерации чтит память предков,

передавших ему любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, осознает свою ответственность перед потомками (преамбула), достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления (ст. 21, ч. 1), каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия (ст. 44, ч. 3). В ведении Российской Федерации находятся регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, государственные награды и почетные звания Российской Федерации (ст. 71, пункты «в» и «с»); награждение государственными наградами и присвоение почетных званий Российской Федерации относятся к компетенции Президента Российской Федерации (ст. 89, п. «б»).

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации вытекает необходимость обеспечения государством, исходя из ответственности перед нынешним и будущим поколениями многонационального народа Российской Федерации, защиты чести и достоинства награжденных лиц как при их жизни, так и после смерти, сохранения и передачи доброй памяти о заслугах предков, уважительного отношения к ним и их наградам как особой форме официального признания государством заслуг гражданина перед Отечеством, преследующей цель дать высокую публичную оценку его общественно полезным действиям или деятельности, признания общественной значимости государственных наград в качестве одного из важнейших моральных и правовых стимулов к позитивной гражданской активности.

Соответственно, учитывая общественную значимость заслуг перед Отечеством, признаваемых актом публичного награждения, а также высокую ценность государственных наград как для награжденных, так и для их потомков, в нормативно-правовом регулировании государственной награжденной системы Российской Федерации могут быть предусмотрены меры, направленные на государственную защиту статуса награжденных лиц, сохранение исторического и культурного наследия, охрану чести, достоинства и доброй памяти предков, удостоенных государственных наград, обеспечение прав и законных интересов их потомков в сохранении ими данных наград как семейных реликвий, в передаче из поколения в поколение памяти об умерших и их заслугах. При этом федеральный законода-

тель вправе в соответствии с критериями, которые предопределяются требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ограничить действия с государственными наградами, установить порядок их обращения и юридическую ответственность за несоблюдение гражданами установленных запретов, в том числе и уголовную, за деяния, посягающие на честь и достоинство награжденных лиц, умаляющие их заслуги перед Отечеством, ценность государственных наград как высшей формы государственного поощрения»⁶.

Кроме того, реализация предложения об установлении (разрешении определения) рыночной стоимости государственных наград может вызвать повышение противоправного интереса к ним со стороны криминальных элементов, попыткам коллекционеров предметов фалеристики выкупить на легальной основе у награжденных лиц их награды, используя тяжелое материальное положение или иные обстоятельства.

Использование каталогов

Авторам представляется не совсем корректным использование для судебно-экспертного определения стоимости предметов фалеристики каталогов, издаваемых для коллекционеров (или коллекционерами) и содержащих, помимо описаний и изображений предметов фалеристики, и их ориентировочные цены, не являющиеся ценой предложения на открытом рынке.

Каталог (происходит от др.-греч. κατάλογος «список, перечень») – в общем случае некий список, собрание информации о каких-либо объектах, составленный с целью облегчения поиска этих объектов по интересующему признаку. Как правило, каталоги предметов фалеристики с ценами на них составляются коллекционерами и отражают их субъективные представления о коллекционной ценности предметов.

Для определения стоимости предметов фалеристики могут, как ранее уже отмечалось, использоваться только каталоги, содержащие предложения (оферту). Так, на многочисленных интернет-порталах, через которые осуществляется онлайн-торговля, имеются каталоги предлагаемых товаров с краткими описаниями и указанием

цен (нередко с зачеркнутым изображением предыдущей более высокой цены, что указывает на некую скидку). Некоторые производственные предприятия публикуют в бумажном или электронном варианте каталоги выпускаемой продукции с указанием отпускной (оптовой или розничной) цены.

Весьма распространены каталоги коллекций, в которых никаких цен не указывается. Примером может служить каталог коллекции фалеристики М. Тренихина, размещенный на сайте историко-культурного общества «Московские древности»⁷, или каталог коллекции наград, орденов и медалей Государственного музея-заповедника «Царское Село» [11].

Значительная часть каталогов содержит данные не только о предметах фалеристики, изготовленных в той же стране, где издан каталог, но и в других странах. Нередко в таких каталогах цены иностранных предметов существенно выше, чем отечественных. Указанные обстоятельства требуют сбора и обработки информации о ценах на ордена и медали, а также критического отношения к некоторым видам каталогов предметов фалеристики [12].

Методика определения стоимости Гохраном РФ

В отношении предметов фалеристики, при изготовлении которых были использованы драгоценные металлы и драгоценные камни, может быть применена методика, утвержденная приказом Минфина России⁸. В соответствии с этой методикой цена на предметы фалеристики и медальерного искусства из драгоценных металлов определяется путем сложения цен вставок и цены драгоценного металла.

Цена драгоценного металла в исследуемых предметах определяется путем умножения цены на один грамм драгоценного металла на обозначающее пробу число, выраженное в виде десятичной дроби, и на массу драгоценного металла (в граммах).

Цена вставки в предметах фалеристики определяется:

⁷ <http://www.mosantico.ru/nashi-proekty/katalog-kollektsii-faleristiki-m-trenihina/>

⁸ Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 19.12.2014 № 155н «О порядке определения цен на драгоценные металлы, драгоценные камни и изделия из них, приобретаемые в установленном порядке и поступающие в Госфонд России по иным основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, а также отпускаемые из него».

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2020 № 10-П по делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной // Сборник законодательства Российской Федерации, 09.03.2020. № 10, ст. 1415.

– на вставки из драгоценных камней – путем умножения цен на драгоценные камни, определенных в соответствии с настоящим Порядком, на массу вставки;

– на вставки из других материалов природного или искусственного происхождения – путем умножения цен на материалы природного или искусственного происхождения, определенных экспертной комиссией Гохрана России с учетом цен на аналогичные вставки на мировом рынке, на массу вставки.

Цены на материалы природного или искусственного происхождения определяются экспертной комиссией Гохрана России путем умножения их массы на среднее значение цен за грамм на аналогичные материалы природного или искусственного происхождения и изделия из них на мировом рынке, публикуемых на официальных сайтах компаний и организаций, осуществляющих их производство и реализацию.

Страховая стоимость драгоценных металлов, драгоценных камней, материалов природного или искусственного происхождения и изделий из них в целях их перевозки, экспонирования или научного изучения определяется путем умножения цен на драгоценные металлы, драгоценные камни, материалы природного или искусственного происхождения и изделия из них, определенных в соответствии с настоящим Порядком, на коэффициенты, применяемые для определения страховой стоимости драгоценных металлов, драгоценных камней, материалов природного или искусственного происхождения и изделий из них. Установлены коэффициенты, применя-

емые при перевозке, экспонировании или научном изучении 1) в пределах Москвы, 2) на территории Российской Федерации и 3) за пределами Российской Федерации. При этом для уникальных изделий, изделий, имеющих историческое, культурное и художественное значение, и предметов антиквариата установлены коэффициенты: соответственно 2,0; 2,0–5,0; 3,0–10,0.

Заключение

Судебно-экспертное исследование предметов фалеристики с целью определения их стоимости осуществляется по общим правилам методики судебно-товароведческой экспертизы с учетом имеющейся специфики данной группы предметов. При определении рыночной стоимости предметов фалеристики должны учитываться такие их признаки, как степень сохранности, редкость, состав использованных при изготовлении материалов, история награждения (выдачи), владения, уровень спроса в среде коллекционеров.

Государственные награды СССР, РСФСР и Российской Федерации, являясь предметами, изъятыми из гражданского оборота, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации рыночной стоимости не имеют и не могут иметь ни при каких обстоятельствах. В отношении этих объектов может быть установлена лишь стоимость использованных при их изготовлении драгоценных металлов, определяемая в соответствии с методикой, утвержденной Министерством финансов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурков В.Г. Фалеристика. Учеб. пособие. М.: РГГУ, 1999. 166 с.
2. Данилов А.Ю. Российская фалеристика. Учеб. пособие. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2002. 123 с.
3. Селиванов А.А. Современное состояние и перспективы развития судебно-товароведческой экспертизы в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 85–99. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-85-99>
4. Гущина И.Э. Определение стоимости наград особого статуса // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 2 (38). С. 34–39.
5. Аснис А.Я., Хазиев Ш.Н. Судебно-экспертное исследование орденов и медалей // Теория и практика судебной экспертизы. 2018.

REFERENCES

1. Burkov V.G. *Phaleristics. Handbook*. Moscow: RGGU, 1999. 166 p. (In Russ.)
2. Danilov A.Yu. *The Russian Phaleristics. Handbook*. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2002. 123 p. (In Russ.)
3. Selivanov A.A. Forensic Product Examinations in the System of Forensic Institutions of the Russian Ministry of Justice: Current State and Future Prospects. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 85–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-85-99>
4. Gushchina I.E. Valuation of Special Status Awards. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 2 (38). P. 34–39. (In Russ.)
5. Asnis A.Ya., Khaziev Sh.N. Forensic Examination of Orders and Medals. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 42–

- T. 13. № 4. С. 42–51. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-42-51>
6. Хазиев Ш.Н. Экономическая категория «стоимость» в уголовном праве и судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 13–23. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-13-23>
 7. Селиванов А.А. Частные методики исследования предметов старины и искусства при производстве судебно-товароведческой экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 2 (38). С. 40–50.
 8. Петров К.Л., Бутырин А.Ю., Григорян В.Г., Григорьев И.А., Кошелев Д.М., Лысенко Н.В., Макеев А.В., Нерсисян М.Г., Пшерядовский А.В., Селиванов А.А., Федотов С.В. Основы определения стоимости в рамках судебно-экспертной деятельности. Т. 2. Теоретические основы. Учеб.-метод. пособие / Под ред. С.А. Смирновой. М.: РФЦСЭ, 2019. 455 с.
 9. Щепотьев А.В. Совершенствование инструментария оценочной деятельности. Монография. Ч. 2. Судебная экспертиза и оценка наград. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. 112 с.
 10. Щепотьев А.В. Понятие «рыночная стоимость при ограничении свободного обращения» при оценке наград // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 11 (194). С. 60–65.
 11. Серпинская Т.В., Швиглёва Е.Н. Награды, ордена, медали. Каталог коллекций Государственного музея-заповедника «Царское Село». Т. 4. Кн. 1. СПб., Пушкин: ГМЗ «Царское Село», 2018. 284 с.
 12. Herfurth D. Sowjetische Auszeichnungen. Ein Katalog mit aktuellen Preisen in EURO. Teil 1. Berlin, 2004. 204 S.
 51. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-42-51>
 6. Khaziev Sh.N. Economic Category of “Value” in Criminal Law and Forensic Science. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 13–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-13-23>
 7. Selivanov A.A. Specific Techniques for the Examination of Art and Antiques for the Purposes of Forensic Commodity Evaluation. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2015. No. 2 (38). P. 40–50. (In Russ.)
 8. Petrov K.L., Butyrin A.Yu., Grigoryan V.G., Grigor'ev I.A., Koshelev D.M., Lysenko N.V., Makeev A.V., Nersesyan M.G., Psheradovskii A.V., Selivanov A.A., Fedotov S.V. *Basics of Appraisal in the Framework of Forensic Activities. Vol. 2. Theoretical Foundations: Study Guide* / S.A. Smirnova (ed). Moscow: RFCFS, 2019. 455 p. (In Russ.)
 9. Shchepot'ev A.V. *Improving the Toolkit of Appraisal Activity. Monograph. Part 2. Forensic Examination and Evaluation of Awards*. Cheboksary: ID “Sreda”, 2019. 112 p. (In Russ.)
 10. Shchepot'ev A.V. The Concept of “Market Value When the Restriction of Free Circulation” in Assessing Awards. *Property Relations in the Russian Federation*. 2017. No. 11 (194). P. 60–65. (In Russ.)
 11. Serpinskaya T.V., Shvignleva E.N. *Awards, Orders, Medals. Catalogue of the Collections of the State Museum-Reserve “Tsarskoe Selo”*. Vol. 4. Book 1. Saint-Petersburg, Pushkin: State Museum-Reserve “Tsarskoe Selo”, 2018. 284 p. (In Russ.)
 12. Herfurth D. *Sowjetische Auszeichnungen. Ein Katalog mit aktuellen Preisen in EURO. Teil 1*. Berlin, 2004. 204 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аснис Александр Яковлевич – д. юр. н., главный научный сотрудник ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, директор Адвокатской конторы «Аснис и партнеры» Московской городской коллегии адвокатов; e-mail: asnis@asnis.ru

Бочаров Геннадий Геннадьевич – заместитель директора ФБУ РФЦСЭ Минюста России; e-mail: g.bocharov@sudexpert.ru

Селиванов Александр Александрович – к. э. н., заведующий отделом судебно-товароведческой экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: oste@sudexpert.ru

Хазиев Шамиль Николаевич – д. юр. н., доцент, адвокат адвокатской конторы «Аснис и партнеры» Московской городской коллегии адвокатов; e-mail: khaziev2@rambler.ru

ABOUT THE AUTHORS

Asnis Alexandr Yakovlevich – Doctor of Law, Principal Researcher at the Russian Federal Centre of the Russian Ministry of Justice, Director of Law Office “Asnis & Partners” of the Moscow City Bar Association; e-mail: asnis@asnis.ru

Bocharov Gennadii Gennad'evich – Deputy Director of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: g.bocharov@sudexpert.ru

Selivanov Alexandr Alexandrovich – Candidate of Economics, Head of the Department of Commodity Forensics, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: oste@sudexpert.ru

Khaziev Shamil Nikolaevich – Doctor of Law, Attorney-at-Law, Law Office “Asnis & Partners” of the Moscow City Bar Association; e-mail: khaziev2@rambler.ru

Статья поступила: 14.07.2020
После доработки: 13.08.2020
Принята к печати: 17.09.2020

Received: July 14, 2020
Revised: August 13, 2020
Accepted: September 17, 2020

Типичные ошибки при производстве судебной экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей

 Е.В. Васкэ^{1,2}, **Ф.С. Сафуанов**^{3,4}, **Т.Н. Секераж**⁵

¹ ФГУОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород 603950, Россия

² ООО «Центр юридической психологии и судебно-психологической экспертизы», Нижний Новгород 603006, Россия

³ ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва 119034, Россия

⁴ ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва 127051, Россия

⁵ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу ошибок, возникающих при назначении и производстве судебной экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей. При обобщении экспертной практики по данной категории гражданских дел (на основании изучения 97 заключений эксперта по судебно-психологической экспертизе) выявлены наиболее существенные ошибки: неверное определение вида экспертизы (в том числе назначение не имеющей методологических основ в качестве судебной экспертизы психолого-педагогической экспертизы), несоблюдение квалификационных требований к судебному эксперту и, как следствие, введение в процесс судопроизводства ненадлежащего субъекта судебно-экспертной деятельности, выход эксперта за пределы специальных знаний и процессуальных полномочий, неполнота исследования, применение невалидных методов и методик исследования, иные методологические нарушения, связанные с некорректной оценкой результатов психологической диагностики, неверным феноменологическим анализом важных явлений детско-родительских отношений.

Учитывая, что в силу подлежащих доказыванию фактов, важных для принятия решения по делу, заключение эксперта приобретает особое значение и может существенно повлиять на формирование внутреннего убеждения суда, экспертные ошибки существенно повышают риск ошибки судебной. Обосновывается острая необходимость скорейшего принятия нормативно-правового акта, регламентирующего ответственность эксперта за уровень своей квалификации и регулирующие профессиональные требования к экспертам.

Ключевые слова: споры, связанные с воспитанием детей; судебно-психологическая экспертиза; комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза; психолого-педагогическая экспертиза; гражданское судопроизводство; семейное законодательство; экспертные ошибки; компетенция эксперта

Для цитирования: Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Типичные ошибки при производстве судебной экспертизы по спорам, связанным с воспитанием детей // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 60–75. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-60-75>

Typical Mistakes in Forensic Examinations on Disputes Related to Child-Rearing

 Ekaterina V. Vaske^{1,2}, **Farit S. Safuanov**^{3,4}, **Tat'yana N. Sekerazh**⁵

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University, Nizhny Novgorod 603950, Russia

² Centre of Legal Psychology and Forensic Psychological Expertise, Nizhny Novgorod 603006, Russia

³ V.P. Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow 119034 Russia

⁴ Moscow State University of Psychology & Education, Moscow 127051, Russia

⁵ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article analyses errors when appointing and conducting a forensic examination of disputes related to children's upbringing. When summarizing expert practice in this category of civil cases (based on the study of 97 expert opinions on forensic psychological examination), the most significant errors were identified: incorrect determination of the type of expertise (including the appointment of psychological and pedagogical expertise which does not have a methodological basis as forensic examination), non-compliance with the qualification requirements to a forensic expert and, as a result, the introduction of an improper subject of forensic expert activity into the judicial process, an expert's going beyond the limits of specialized knowledge and procedural powers, the incompleteness of research, the use of invalid research methods and techniques, and other methodological violations, associated with the incorrect assessment of the results of psychological diagnostics, inaccurate phenomenological analysis of essential phenomena of child-parent relations.

Considering that due to the facts to be proved are essential for deciding on a case, the expert's opinion is of particular importance and can significantly affect the formation of the court's inner conviction, which means that expert errors significantly increase the risk of judicial errors. The article substantiates the urgent necessity of the early enactment of a legal act regulating experts' responsibility for the level of their qualifications and setting professional requirements to experts.

Keywords: *disputes concerning child-rearing; forensic psychological examination; comprehensive forensic psychological and psychiatric examination; psychological and pedagogical examination; civil proceedings; family law; expert errors; expert competence*

For citation: Vaske E.K., Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Typical Mistakes in Forensic Examinations on Disputes Related to Child-Rearing. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 60–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-60-75>

Введение

Согласно процессуальным нормам гражданского судопроизводства, заключение эксперта является одним из видов доказательств и не имеет заранее установленной силы. Вместе с тем заключение эксперта при рассмотрении гражданских споров, связанных с воспитанием детей, а также исков о лишении, ограничении, восстановлении родительских прав имеет важное доказательственное значение. Это обусловлено рядом причин. Так, согласно ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации¹ (далее – СК РФ), при отсутствии соглашения о месте жительства детей при раздельном проживании родителей спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. При этом суд учитывает различные обстоятельства: привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между родителем и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род деятельности и режим работы родителей, материальное и семейное положение и другое). При отсутствии со-

глашения о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, спор также решается судом (ч. 2 ст. 66 СК РФ). В законе закреплено, что общение с отдельно проживающим родителем не должно причинять вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию (ч. 1 ст. 66 СК РФ). Ряд обстоятельств и факторов, которые суд должен учесть при принятии решения, имеют психологическую природу, и потому при их установлении необходимы специальные знания в области психологии, что обуславливает назначение судебной психологической экспертизы (СПЭ) или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). Верховным судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, прямо рекомендуется назначение судебных экспертиз с участием психолога².

В силу подлежащих доказыванию фактов, важных для принятия решения по делу, заключение эксперта приобретает особое значение и может существенно повлиять на формирование внутреннего убеждения

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп.). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 30.06.2020).

² Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2015) (утв. Президиумом ВС РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192264/ (дата обращения: 30.06.2020).

суда. Обоснование в решении суда причин, по которым заключение эксперта отвергнуто в качестве средства обоснования выводов суда либо отдано предпочтение другим доказательствам, требует грамотной всесторонней и глубокой оценки заключения эксперта.

Формально любое заключение эксперта для суда необязательно и оценивается по определенным правилам, установленным ст. 67 ГПК РФ³. К числу таких правил относятся (1) оценка судом заключения эксперта по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, и (2) оценка относимости, допустимости, достоверности заключения как самостоятельного доказательства. Заключение эксперта должно основываться на положениях, позволяющих проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных (ст. 8 ФЗ о ГСЭД⁴).

Требование строгой научной и практической основы проводимых судебным экспертом исследований ставит заключение эксперта в ряд доказательств особой природы – основанных на данных науки, что повышает доверие к нему со стороны суда. Тем самым, будучи одним из доказательств по делу, заключение эксперта все же обладает такими особенностями, которых лишены некоторые иные доказательства.

Экспертные ошибки могут приводить к ошибкам судебным. Эксперт как лицо, обладающее специальными научными знаниями, которые он применяет при производстве судебной экспертизы, несет особую ответственность за проведенные исследования и сделанные на основе полученных результатов выводы. Экспертным ошибкам в рассматриваемой области уже посвящен ряд работ [1–4], полезных для участников процесса при оценке заключения эксперта, а также экспертам при профессиональной подготовке.

Предмет данного исследования – ошибки при производстве судебной экспертизы по гражданским делам, связанным со спо-

рами о воспитании детей. Задача состоит в выявлении и обобщении наиболее существенных ошибок (как процессуальных, так и гносеологических), обусловленных субъективными факторами, вытекающими из нарушений экспертом требований к своей профессиональной подготовке и несоблюдения экспертной методологии.

Наибольшее число ошибок встречается в заключениях, выполненных так называемыми частными экспертами – экспертами из числа лиц, не являющихся сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений (СЭУ) [2, с. 110–117; 5, с. 369–370], которые нередко именуют себя «независимыми». Безусловно, государственные эксперты тоже не застрахованы от ошибок, но многие из них не существенны благодаря системам профессиональной подготовки и повышения квалификации экспертов, а также контролю качества заключений, существующих в государственных СЭУ (см., например, [5, с. 370–373; 6]).

Предыдущее обобщение экспертной практики по данному предмету, проведенное более семи лет назад, нашло отражение в работе 2012 года [7], которая с тех пор выдержала не одно стереотипное издание. Мы констатировали, что к числу наиболее часто допускаемых экспертами ошибок относятся процессуальные нарушения, нарушения научной методологии, выход за пределы компетенции эксперта и нарушение этических принципов. Содержательному же анализу ошибок в заключениях эксперта в настоящее время и поиску путей их преодоления было подчинено текущее обобщение экспертной практики.

Цель настоящей работы – выявить, обобщить и проанализировать типичные экспертные ошибки, допускаемые при производстве судебной психологической экспертизы по делам, связанным с воспитанием детей.

Помимо заключений эксперта по результатам СПЭ (97 заключений) и КСПЭ (11 заключений) по делам, связанным с воспитанием детей (об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей и порядка участия в воспитании отдельно проживающего родителя), в эмпирическую базу исследования вошли заключения так называемых психолого-педагогических экспертиз (82), о процессуальной и научно-методологической несостоятельности которых мы писали ранее [8].

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 30.06.2020).

⁴ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». <http://ivo.garant.ru/#/document/12123142> (дата обращения: 30.06.2020).

Неверное определение вида экспертизы

От правильности определения вида судебной экспертизы и постановки экспертных задач во многом зависят эффективность применения специальных знаний, информативность полученных результатов и доказательственное значение заключения эксперта. Так, по судебным спорам о воспитании детей чрезвычайно часто назначаются психолого-педагогические экспертизы, проведение которых на строго научной основе невозможно. Показано, что необходимость применения знаний в области педагогики при проведении судебной экспертизы в отношении детей и родителей по спорам о воспитании детей в гражданском судопроизводстве отсутствует, а назначение психолого-педагогической экспертизы не соответствует потребностям правосудия в целом и судопроизводства в частности [8].

Тем не менее судом назначаются не только психолого-педагогические, но даже психолого-валеологические экспертизы, несмотря на то что термин «валеология» (от лат. *valeo* – быть здоровым) имеет отношение к общей теории здоровья, не входящей в медицину. Современная наука к валеологии относится критически в связи с тем, что в ее состав были включены ненаучные, религиозные и оккультные концепции, а также нетрадиционная медицина. В 2001 году предмет «валеология» был исключен из базисного учебного плана образовательных учреждений, а специальность «педагогическая валеология» исключена из Перечня направлений подготовки и специальностей высшего педагогического образования [9]. Совершенно очевидно, что существование судебной валеологической экспертизы не обосновано в связи с отсутствием строго научной основы у этой отрасли знаний и системы подготовки специалистов.

Нельзя забывать, что диагностика в ходе судебной экспертизы по спорам о воспитании детей направлена в том числе на установление особенностей внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, выявление психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, психологический анализ семейного конфликта, установление психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей. Поэтому решение данных вопросов требует применения

именно психологических знаний, а не педагогических или валеологических.

Таким образом, ни психолого-педагогические, ни психолого-валеологические экспертизы по семейным спорам в рамках гражданского судопроизводства не имеют теоретической, методологической основы, соответственно и предмета исследования, в связи с чем не могут отвечать потребностям судопроизводства. Ни педагоги, ни педагоги-психологи, ни валеологи или психологи-валеологи по роду своей профессиональной подготовки (образовательных программ) не могут обладать необходимыми компетенциями для установления фактов, касающихся детско-родительских отношений, и других важных обстоятельств, имеющих юридическое значение для принятия решения по делу.

Тем не менее не уменьшается, а, напротив, растет число экспертов, готовых принять к производству экспертизы со спорными теоретическими и методологическими основами или с полным отсутствием таковых – следовательно, с весьма сомнительными возможностями установления юридически значимых обстоятельств. Представляется очевидным, что подобные эксперты либо не обладают необходимой подготовкой для реализации ответственности судебного эксперта, либо открыто пренебрегают соблюдением профессиональных требований. Данные обстоятельства ставят под сомнение не только компетентность эксперта, его способность грамотно действовать в профессиональном поле, но и его морально-этические качества.

Необходимо отметить и тот факт, что встречаются случаи назначения по судебным спорам о воспитании детей комплексных психолого-психиатрических экспертиз без постановки судом вопросов к эксперту-психиатру. Подобные прецеденты часто возникают при поручении производства судом комплексных экспертиз частным клиникам, сотрудники которых не всегда имеют необходимую профессиональную экспертную подготовку, свидетельством чему являются ответы на поставленные вопросы, не относящиеся к их компетенции. Это является основанием для признания заключения эксперта недопустимым доказательством.

Ненадлежащий субъект судебной экспертной деятельности

Одним из основных этических принципов деятельности судебного эксперта является

принцип профессиональной компетентности, которая складывается из его специальных знаний, искусства производства судебной экспертизы и психодиагностического исследования. Учитывая важность экспертных решений для судьбы участников процесса, подэкспертных и особенно детей, только высокая степень овладения экспертом специальными знаниями «дает ему моральное право принимать самостоятельные ответственные решения при производстве экспертизы» [10, с. 121–122; 11].

При этом любые профессиональные знания формулируются в законодательстве как «специальные» применительно к целям судопроизводства, а специальные психологические знания включают знания об юридической значимости диагностируемых психологом явлений, знания о их возможных последствиях, они не выступают как чисто теоретические, должны быть научно обоснованными, внедренными в практику и составлять часть профессионального опыта. Необходимо помнить и о том, что эти знания «должны быть профессиональными психологическими, полученными в результате специальной подготовки (образования), и не пересекаться с юридическими знаниями...» [12].

Поэтому эксперт должен постоянно совершенствоваться в профессиональном плане, при этом использовать все доступные формы дополнительного обучения, изучать научную и методическую литературу, повышать свою компетентность. Эксперты, не являющиеся сотрудниками государственных СЭУ, не должны пренебрегать требованием закона, прямо относящегося к государственным судебным экспертам, но очень важным и для них, что следует из духа закона и аналогии права – требованием к базовой и дополнительной профессиональной подготовке, подтверждению квалификации.

Представляются безответственными и аморальными заявления негосударственных экспертов о том, что закон не предъявляет требований к их подготовке, кроме наличия высшего профессионального образования. Много раз было обосновано и доказано: эксперт в сфере судопроизводства – особая профессия, обладателю которой недостаточно иметь только базовое психологическое образование. Эксперт должен обладать знаниями в области судебной экспертологии, теории и практики судебной экспертизы, владеть умениями и

навыками в применении экспертных методов, иметь необходимые познания из смежных научных областей. Несоблюдение указанных принципов приводит к серьезным нарушениям при производстве экспертизы, которые суд, не обладающий психологическими знаниями и доверяющий собственному статусу эксперта (нередко безосновательно), может оценить неверно.

Введению суда и участников процесса в заблуждение способствует предоставление экспертом документов о подготовке, переподготовке и повышении квалификации, выданных негосударственными образовательными и сертификационными структурами. К сожалению, наличие у эксперта подобных многочисленных, но в большинстве своем сомнительных документов способствует формированию у суда неверного представления о достаточном или даже высоком уровне квалификации эксперта и, соответственно, неадекватного доверия к его заключению. Так, при рассмотрении гражданского дела, заключение эксперта по которому разбиралось в настоящем исследовании, эксперт предоставил суду «Диплом Института образования взрослых» с «почетным званием доцента», выданный за «успехи», «Диплом о присуждении ученого звания советника», «Сертификат соответствия требованиям добровольной сертификации, предъявляемым к клиническим психологам» (сроком на три года) (аналогичные сертификаты на «нейропсихолога» и «психиатра»). Несовершенство же закона в части профессиональных и квалификационных требований к экспертам позволяет суду не критично относиться к проверке их компетенции [8].

Стремительно увеличивается число психологов и педагогов-психологов, позиционирующих себя «экспертами-психологами, осуществляющими предпринимательскую деятельность в сфере судебной экспертизы» (например, «ИП Иванова А.А. «Психологическая экспертиза», «ИП Сидоров В.В. «Судебно-психологическая экспертиза» и т. п.), безапелляционно заявляющих суду о наличии у них достаточной квалификации в виде высшего профессионального образования. Как снежный ком растет количество «сертифицированных экспертов», получивших так называемые сертификаты соответствия в различных коммерческих структурах, не проводящих для будущих обладателей «сертификата эксперта» ни необходимого обучения, ни

соответствующей аттестации или иной проверки компетентности. Поскольку нередко суды воспринимают подобные «лицензии» и «сертификаты» как документы, подтверждающие квалификацию эксперта, порочная практика привлечения лиц, не имеющих необходимых компетенций, к выполнению сложнейшего вида СПЭ и КСППЭ, касающегося детско-родительских отношений, расширяется. При этом выводы подобных «экспертов» закономерно изобилуют грубейшими ошибками методологического и этического характера, а также превышением пределов компетенции.

В числе представляемых суду частными экспертами дипломов значатся «Сертификаты соответствия судебного эксперта № КАЕО RU.SP.52.8962/01 по экспертной специальности 20.1 «Исследование психологии человека»» и подобные им. При этом экспертная специальность 20.1 «Исследование психологии человека» входит в «Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»⁵. Никакой орган не уполномочен Минюстом России сертифицировать экспертов, не являющихся сотрудниками системы СЭУ Минюста России, по указанной экспертной специальности.

Выход эксперта за пределы научной и процессуальной компетенции

Знание пределов своей научной компетенции, современных возможностей базовой науки (психологии) и смежных дисциплин, владение специальными знаниями являются неотъемлемой частью деятельности судебного эксперта и входят в его ответственность. Однако выход за пределы компетенции, вторжение в сферу права, психиатрии встречаются довольно часто и именно у негосударственных экспертов.

Вторгаясь в область психиатрии, подобные эксперты с легкостью выставляют подэкспертным диагнозы. Например, по делу П. эксперты психолог и педагог-психолог необоснованно приняли к производству экспертизу в отношении лица, страдающего психическим расстройством, и вышли

за пределы своей компетенции, решив вопрос, могут ли индивидуально-психологические особенности отца (страдающего психическим расстройством) нанести вред психическому развитию ребенка и может ли П. по своему психическому состоянию участвовать в воспитании ребенка. Явный выход эксперта-психолога за пределы своей компетенции содержится и в заключении, данном психологом М., имеющим базовое бухгалтерское образование, переподготовку с выдачей диплома по специальности «Психолог-практик» и повышение квалификации по медицинской психологии, в рамках назначенной психолого-педагогической экспертизы. Он подписался в заключении как «медицинский психолог» и поставил одному из родителей диагноза «бредовый синдром, гомоориентированная педофилия, эфебофилия», но во-первых, согласно ч. 2 ст. 20 «Права и обязанности медицинских работников и иных специалистов при оказании психиатрической помощи» Закона РФ № 3185-1⁶, «установление диагноза психического заболевания, принятие решения об оказании психиатрической помощи в недобровольном порядке либо дача заключения для рассмотрения этого вопроса являются исключительным правом врача-психиатра или комиссии врачей-психиатров». А во-вторых, согласно «Единому квалификационному справочнику должностей руководителей, специалистов и служащих», должность «медицинский психолог» может занимать только гражданин, имеющий высшее профессиональное образование по специальности «клиническая психология» без предъявления требований к стажу работы либо высшее профессиональное (психологическое) образование и профессиональную переподготовку по специальности «клиническая психология» без предъявления требований к стажу работы.

Нередко эксперты-психологи выходят за пределы своей компетенции, решая правовые вопросы. Так, психолог А. при производстве экспертизы пришел к следующему выводу: «Предъявляемая Н. родительская позиция является декларативной, не соответствует ее личностным ресурсам и не может обеспечить полноценное и всестороннее воспитание и психологическое развитие детей Р., 2013 года рождения, и А.,

⁵ Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 (<https://minjust-prikaz.consultant.ru/documents/4577>) с изменениями, внесенными приказами Минюста России от 29.06.2016 № 150 (http://sudexpert.ru/norms/pr_150.pdf), от 17.09.2017 № 169 (http://sudexpert.ru/norms/pr_150.pdf), от 13.09.2018 № 187 (http://sudexpert.ru/norms/prikaz_187.pdf)

⁶ Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ред. от 19.07.2018). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/

2016 года рождения». Данное утверждение не только выходит за пределы специальных знаний и компетенции эксперта-психолога и возможностей СПЭ [13], но и является совершенно абсурдным, поскольку родительская позиция в принципе не может соответствовать личностным ресурсам, а также она (*позиция*) не может обеспечить воспитание и психологическое развитие детей.

Не входит в компетенцию экспертов и определение места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем. Такие решения должны приниматься только судом на основании исследования всех обстоятельств дела. Вне компетенции эксперта и оценка условий проживания подэкспертных, их материального дохода и графика труда – все это относится к исключительной прерогативе суда.

Эксперты, к сожалению, нередко дают некомпетентные рекомендации о порядке общения родителей с ребенком, о возможности либо невозможности общения одного из родителей с ребенком, что имеет серьезные последствия и нарушает права не только родителей, но и детей (ст. 55 СК РФ). В других случаях даются неиндивидуализированные и часто морализаторские рекомендации. Например, по делу Д. эксперт отвечает на вопрос «Возможно ли осуществление общения несовершеннолетних детей с отцом в соответствии с предъявляемыми требованиями как отцом, так и матерью?» следующим образом: «Да, возможно в части требований, соответствующих интересам детей, а именно: не нарушать установленный порядок общения; отдавать и возвращать детей в установленный срок; не чинить препятствия близким родственникам в общении с детьми по телефону, сети “Интернет”, с учетом распорядка дня и режима сна детей; своевременно сообщать информацию, имеющую существенное значение в вопросах воспитания детей, местонахождении детей, состояния их здоровья, возникающих потребностях, местонахождении детских, образовательных и прочих учреждений, которые посещают дети; корректно относиться друг к другу и близким родственникам, не подрывать авторитет в глазах детей и не формировать у детей негативного мнения о матери, отце и близких родственниках; своевременно сообщать об изменении места жительства и номеров мобильных телефонов, в том числе телефонов для связи с детьми; совместно решать

вопросы, связанные с получением образования детей». То есть даются обобщенные, выхолащенные, «идеализированные» рекомендации; эксперт рассуждает о значимости равного участия родителей в воспитании детей (что не требует проведения экспертизы), но не учитывает индивидуальных особенностей семейной ситуации и индивидуальных особенностей детей, их родителей и существующих между ними взаимоотношений.

Нельзя считать правомерным, в связи с вторжением в сферу права, и такой вывод эксперта, содержащий в себе манипулятивный прием в виде спекуляции на психическом развитии ребенка: «Противодействие встречам детей с отцом или существенное сокращение их совместного времяпрепровождения может рассматриваться как поведение против интересов детей, приносящее вред их психическому развитию».

С другой стороны, встречаются отказы экспертов от дачи заключения по вопросам, входящим в их компетенцию, по некорректным основаниям. Например, было указано, что вопрос «Самостоятельно ли или под влиянием третьих лиц у ребенка сформировалось желание проживать с матерью (отцом)?» не входит в компетенцию эксперта-психолога, так как «предполагает установление фактических данных». При этом предмет судебной экспертизы как раз и состоит в установлении фактических данных на основании исследования [14, с. 70]. В ГОСТ Р 57344-2016⁷ указано, что предметом СПЭ являются «фактические данные о закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия, устанавливаемые с помощью специальных знаний и практических навыков эксперта в области психологии путем исследования объектов, представленных на исследование». В уже упоминавшемся Обзоре судебной практики ВС РФ (2015) указывается, что при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, судебно-психологическая и комплексные с нею экспертизы назначаются для определения, в числе прочих обстоятельств, и «наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей».

⁷ ГОСТ Р 57344-2016. Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения // Каталог национальных стандартов. <https://www.gost.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational> (дата обращения: 30.06.2020).

Таким образом, эксперты отказались от решения вопроса, входящего в их компетенцию.

Пытаясь завуалировать грубейший выход за пределы своей компетенции при вторжении в область права, эксперты нередко используют разные «хитрости». Так, перед формулированием выводов, очевидно выходящих за пределы их профессиональной компетенции, добавляют речевые конструкции «психологически» или «с психологической точки зрения», формируя тем самым у суда неверное представление о границах специальных знаний и научной обоснованности заключения эксперта. Например, рекомендуя суду график общения отца с ребенком, эксперт делает следующий вывод: «Психологически: для гармоничного развития малолетнего М. встречи его с отцом А. должны проходить каждую среду и пятницу, за исключением праздничных дней и периода школьных каникул, с 16:00 до 18:00 часов в присутствии матери на ее территории по адресу...». Или: «С психологической точки зрения порядок общения, предложенный истцом И., неприемлем для малолетнего ребенка А., поэтому предпочтителен график общения, предложенный ответчиком П., а именно каждый третий понедельник месяца с 15:00 до 20:00...» и др.

Неполнота исследования

Проведение полного и всестороннего исследования невозможно без исследования всех материалов гражданского дела. Анализ материалов дела является необходимым и обязательным этапом СПЭ. Изучение и анализ экспертом материалов гражданского дела и иной документации обязательны для психологического анализа сложившейся ситуации, включающей историю внутрисемейного конфликта, его динамику, характер взаимоотношения детей с каждым из родителей.

В соответствии со статьями 8, 16 и 25 ФЗ о ГСЭД, ст. 85 и 86 ГПК РФ, нормативно-правовыми актами и методическими рекомендациями⁸, методической литературой

[15–17], судебно-психологические экспертизы должны выполняться с использованием всех обязательных методов и этапов экспертного исследования: психологического анализа материалов дела, биографического метода (психологического анамнеза), метода наблюдения, беседы, экспериментально-психологического исследования, исследования детско-родительских отношений, в том числе с помощью пробы на совместную деятельность. Только грамотное использование всей совокупности методов судебно-психологического исследования позволяет проверить обоснованность и достоверность сделанных экспертом выводов на базе общепринятых научных и практических данных и методологии СПЭ.

В этой связи очевидно, что судебный эксперт-психолог должен обладать не только профессиональными психологическими знаниями, полученными в процессе высшего психологического образования, но и специальными компетенциями эксперта. В первую очередь это знания в области теории, методологии и практики СПЭ, владение экспертными методиками и способность грамотно применять их на практике, понимание процессуальных и организационных основ судебной экспертизы, пределов своей компетенции и умение их использовать.

Вместе с тем одной из самых распространенных и грубейших ошибок является неполнота исследования, когда эксперт-психолог игнорирует использование всех обязательных методов и проведение всех этапов судебной экспертизы кроме экспериментально-психологического обследования, на основании которого и делаются выводы. При том что само по себе психодиагностическое обследование личности подэкспертных в большинстве своем проводится с грубыми нарушениями как самой процедуры его проведения, так и интерпретации полученных данных. В таких случаях результаты экспериментально-психологического обследования разрозненны и противоречивы, обобщение отсутствует, выводы необоснованны и голословны.

Нередки случаи, когда эксперты совершенно игнорируют негативную информацию об одном из родителей, как имеющуюся в деле, так и сообщаемую ребенком. При этом они придают повышенное значение негативной информации о другом родителе либо игнорируют позитивную информацию о нем, что может свидетельствовать об утрате экспертами нейтральности и объ-

⁸ См.: Приказ Минздрава России от 12.01.2017 № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы». <https://minjust.consultant.ru/documents/22843> (дата обращения: 29.06.2020); Методические рекомендации по производству судебных экспертиз в государственных СЭУ системы Минюста России (утв. приказом министра юстиции № 346 от 20.12.2002). <https://base.garant.ru/12144797/> (дата обращения: 30.06.2020); Дополнительная образовательная программа профессиональной переподготовки по экспертной специальности 20.1. «Исследование психологии человека» (РФЦСЭ, 2018).

ективности своей позиции вследствие не только некомпетентности и неопытности, но и заинтересованности. В таких случаях налицо внутренняя и внешняя противоречивость заключения, когда эксперт исследует или анализирует предоставленные данные, но учитывает их выборочно; выводы не вытекают из содержания и результатов исследования; одни умозаключения противоречат другим; эксперт основывается на информации, полученной со слов одного из родителей, в том числе не соответствующей другим объективным данным, в то время как непротиворечивая психологическая модель должна быть сформирована экспертом в процессе экспертизы только на основании объективных данных.

Ошибочно оцениваются данные и результаты исследований вследствие незнания или игнорирования психологической феноменологии. Например, по делу Б. о матери и ее «негативном» поведении и влиянии на ребенка эксперты вынесли свои суждения только на основании слов отца и по предъявленным им репрезентациям ребенка, которые могли сознательно искажаться под влиянием желания выйти из-под контроля более требовательного родителя (матери), что свойственно подросткам. Причем это было выявлено, но не описано экспертами.

В процессе экспертизы необходимо установить механизм формирования негативного или конфликтного отношения (при его наличии) ребенка к родителю. Известно, что особенности непосредственных реакций ребенка на развод родителей специфичны для каждого возраста, поэтому необходимо проследить, в каком возрасте ребенка произошел разрыв родителей, на каком этапе он был вовлечен в родительский конфликт, как это повлияло на его состояние и поведение. Необходимо установить психологическую мотивацию подростка при выборе места жительства. Например, из представленных материалов по делу В. следует, что психологическая мотивация Ю. могла быть связана с избеганием необходимого ему в данном возрасте родительского контроля, осуществляемого матерью, повышенным стремлением подростка к автономии, а также желанием избежать напряженности в отношениях с родителями в связи с их межличностным конфликтом. Кроме того, возможны рентные мотивы (скажем, получение обещанных отцом материальных благ и выгод), по-

скольку проживание с матерью, с которой у Ю., исходя из представленных материалов, эмоционально теплые и доверительные отношения, не препятствует его регулярному содержательному общению с отцом.

Ребенок может принять решение о месте проживания и в условиях психологического индуцирования⁹ одним из родителей [18–22]. Таким образом, учет мнения ребенка (даже подросткового возраста) при определении места его жительства не всегда отвечает его истинным интересам [22].

Негативное отношение ребенка к одному из родителей или другим членам семьи эксперты порой характеризуют умозрительно, только на основании наблюдения. Например, по делу К. негативное отношение ребенка к супругу матери охарактеризовано как негативное, избегающее, на основании лишь наблюдения за поведением ребенка («у испытуемой ярко выражено избегающее и конфликтное отношение, а также сформированное чувство неприятия по отношению к супругу матери, на что указывают вегетативные реакции в виде увеличения латентного времени, покраснения кожных покровов, внезапная хаотичная двигательная активность, отказ от включения его фигуры в сюжетные задания и обсуждения»). При этом ребенок обследовался в присутствии отца, что не учтено экспертом при вынесении оценок, а также не учтены индивидуальные и возрастные особенности ребенка (возрастные подчиняемость и внушаемость, ориентация на мнение значимых взрослых). В качестве возможных последствий общения с супругом матери эксперт прогнозировал «ухудшение психологического состояния девочки в виде усиления тревожно-невротических реакций (эмоциональной неустойчивости, нарушений сна, двигательного беспокойства)». Однако о наличии у ребенка невротических реакций в повседневном поведении в заключении речи не идет.

О психологическом индуцировании эксперты порой получают информацию с помощью довольно странных тестов. Например, при обследовании несовершеннолетнего Ш., 2006 г. р., эксперты применили «пробы на определение повышенной внушаемости

⁹ Психологическое индуцирование – один из наиболее частых механизмов формирования у детей негативного отношения к родителю, которое может осуществляться в различных формах – от отражения ребенком мнений и оценок значимых взрослых до активного настраивания ребенка взрослым [15, с. 115].

и наличие психологического индуцирования» («модифицированный тест Роршаха», проба «специфические запахи»), при этом в тексте заключения описание ни самих проб (процедуры их проведения), ни их результатов не содержится, а имеется декларативное суждение: «Выявляются признаки психологического индуцирования на основе эмоционального давления, манипулятивных воздействий со стороны матери».

Неверно понимается феномен привязанности, описанный в терминах теории привязанности Джона Боулби (John Bowlby), в том числе с искажениями. Например, в одном заключении у матери «гипертрофированная привязанность» к ребенку характеризуется не качественно (что соответствует теории привязанности [23]), а количественно, сравнивается степень привязанности к матери и к отцу. Так, по делу Ч. эксперты сделали вывод о «естественной привязанности» детей к обоим родителям, что и без исследования очевидно, если исходить из истории жизни детей. При этом удивительным образом в отношении детей разного возраста (шести и двух лет) эксперты пришли к идентичным выводам, что мать и отца дети не разделяют, имеют к ним «недифференцированное отношение», что более чем странно в отношении не только шестилетнего, но и двухлетнего ребенка.

Вместе с тем в семейном законодательстве используется иное понимание «привязанности» – «чувства близости, основанного на преданности, симпатии к кому-чему-нибудь» [24], а судьями и экспертами привязанность понимается по-разному [25]. Поэтому эксперт обязан установить не привязанность по Боулби, а действительное отношение каждого ребенка к каждому родителю, которое не ограничивается естественной привязанностью, а имеет и индивидуально-психологическую и социально-психологическую обусловленность.

Помимо психологического индуцирования, эксперты нередко игнорируют и другие значимые психологические феномены, например, конфликт лояльности – выраженный внутренний конфликт, в связи с которым ребенок вынужден (осознанно или неосознанно) скрывать свои чувства к отдельно проживающему родителю, чтобы сохранить расположение родителя, совместно с которым он проживает. При неосознаваемом конфликте лояльности отмечается амбивалентное отношение к отдельно проживающему родителю, проявляющееся чаще

всего внешней отвергающей позицией при внутренней глубокой потребности в контактах с ним [15, 26].

Часто выводы экспертов при указании места, времени и продолжительности встреч родителя с ребенком, определении негативного влияния индивидуально-психологических особенностей родителя делаются без психодиагностического обследования отца или матери, а констатация отсутствия психологического контакта родителя с ребенком – без применения метода совместной деятельности и т. д. Так, в материалах по делу К. представлены скриншоты переписки матери с новым избранником, впоследствии ставшим ее супругом, которые не исследовались судом как доказательство по делу. Однако выводы частного эксперта основаны исключительно на анализе данной переписки с четким указанием на «невозможность проживания малолетнего ребенка с матерью К., поскольку ее интересы всецело направлены на устройство своей личной жизни, а не на воспитание ребенка, которому она не сможет дать любви и заботы, поскольку занята лишь личной жизнью, как следует из материалов дела, а именно переписки К. с А.».

Применение невалидных методов и методик исследования

Эксперт имеет относительную свободу в выборе методов и методик исследования. Такой выбор подчинен исследовательским и экспертным задачам, обусловлен объектом экспертизы. Не менее важным является соответствие избираемых методов и методик требованиям к ним. Основными требованиями к методикам являются их надежность и валидность, а также применимость в судебно-экспертной практике. Методик должно быть необходимое и достаточное количество, обеспечивающее достоверность результатов. Относительно числа методов и методик имеются рекомендации, разработанные в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России и рекомендованные к применению для экспертов СЭУ Минюста России. Частные эксперты эти требования, как правило, не соблюдают, даже когда указывается, что эксперт прошел курсы повышения квалификации в Центре им. В.П. Сербского.

Для экспертного исследования нередко применяется недостаточный набор методов и методик. Например, по делу А. при обследовании ребенка применена только одна

надежная стандартизированная опросная методика (ИТДО¹⁰ Л.Н. Собчик), направленная на исследование индивидуально-психологических (личностных) особенностей, которая, однако, рассчитана на детей от 10 до 15 лет, а на момент экспертизы ребенку было 16 лет.

Согласно стандартам, при исследовании индивидуально-психологических особенностей подэкспертного необходимо применить не менее двух стандартизированных опросных методик. Кроме того, помимо исследования познавательной сферы и личностных особенностей ребенка, эксперт-психолог должен применить не менее трех методик, направленных на исследование детско-родительских отношений, что отражено как в методической литературе [17, 27], так и в нормативной¹¹.

Весьма распространено применение экспертами и невалидных методик. Например, для исследования родительского отношения практически повсеместно применяется «Опросник родительского отношения (ОРО)», который носит узкоприкладной характер и не выходит за рамки психотерапевтического подхода, вследствие чего неприемлем в рамках судебной экспертизы. По оценкам отечественных специалистов, вопросы в нем нечетко дифференцированы и несбалансированы по каждой шкале, вопросник нуждается в психометрической доработке, он не имеет данных о валидации и подтверждении надежности. Очевидно: такой инструмент психодиагностики не может использоваться в судебной экспертизе (см., например, [28; 29, с. 146]). Методика изучения родительских установок (Parental Attitude Research Instrument – PARI), разработанная американскими психологами Е. Шефер и Р. Беллом и адаптированная в России Т.В. Нещерет, согласно современным психологическим исследованиям также не является валидной [30].

Неоправданно большое внимание эксперты уделяют проективным методикам и их интерпретации, которая субъективна, поскольку зависит от исследователя. Необходимо помнить, что проективных методов, какими бы «заманчивыми» для экс-

пертов они ни были, категорически недостаточно для проведения полного и всестороннего исследования и, соответственно, для получения достоверной информации об индивидуально-психологических особенностях ребенка и его действительном отношении к каждому родителю (и родителя к ребенку).

Проективные методы («Семейная социограмма», «Рисунок семьи», «Рисунок человека», «Тест М. Люшера» и др.) не являются достаточно обоснованными инструментами диагностики в целях получения результатов, имеющих доказательственное значение, поэтому нельзя при диагностике семейных взаимоотношений ограничиваться только ими. В связи с тем что методы проективного тестирования не приводят к безошибочным результатам и их интерпретация субъективна, они нуждаются в дополнительной проверке, должны использоваться в комплексе с опросниками, методами шкалирования, оценкой взаимодействия ребенка с родителем. Результаты применения психологических методик обязательно должны быть верифицированы психологическим анализом материалов гражданского дела.

Следует учитывать, что часто применяемые экспертами методики (такие как «Семейная социограмма», «Опросник Е. Шафера», «Рисунок семьи», «Опросник ВРР», «Методика Рокича») не защищены от социальной желательности при обследовании взрослых и подростков – направленность методов легко ими распознается. Поэтому при наличии определенной установки результаты легко представить в выгодном для обследуемого свете, сознательно исказить.

Один из важных методов, применяемых при исследовании детско-родительских отношений, – исследование совместной деятельности каждого родителя с каждым ребенком [16; 24; 29, с. 195]. Однако данный метод эксперты часто игнорируют либо применяют неадекватно. Причем при изложении результатов именно этого метода эксперты допускают одностороннюю или категорически неверную интерпретацию речевых высказываний и поведенческих проявлений родителя и ребенка.

Результаты психодиагностического исследования не всегда излагаются в логичной последовательности, нередко случаи несоблюдения уровневой организации психики. После описания результатов по каждому методу должны содержаться ин-

¹⁰ Индивидуально-типологический детский опросник.

¹¹ Дополнительная образовательная программа профессиональной переподготовки по экспертной специальности 20.1. «Исследование психологии человека». М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018; Приказ Минздрава России от 12.01.2017 № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы». <https://base.garant.ru/71622294/> (дата обращения: 29.06.2020).

тегративные данные, которые часто отсутствуют либо представляют собой простой набор результатов применения тестов, что не соответствует методологии изложения результатов экспериментально-психологического исследования [17]. Заключение не может сводиться к простому перечню формально полученных, но не интегрированных в общую концепцию результатов, и выписок из так называемых интерпретаторов [17, с. 6].

При отсутствии интегративной характеристики индивидуально-психологических особенностей родителя вывод по соответствующему вопросу становится громоздким. В качестве приема сокращения объема вывода эксперты прибегают к формулировке «индивидуально-психологические особенности подэкспертного описаны в исследовании», что недопустимо. Эксперт обязан дать вывод по существу вопроса или сообщить о невозможности его решения. Выводы должны быть изложены четким, ясным языком, не допускающим различных толкований, должны быть понятными для лиц, не имеющих специальных знаний. Ссылка же на исследовательскую часть допустима только в случае, «если эксперт не может сформулировать вывод без подробного описания результатов исследований, изложенных в исследовательской части и содержащих исчерпывающий ответ на поставленный вопрос»¹².

По одному из дел указано, что подэкспертный Д. «как гражданин иностранного государства подписал письменное согласие на проведение психологического обследования... по методикам психологического исследования, принятым в российской психологической науке, включая методики, разработанные с учетом особенностей российского менталитета, на русском языке. Его обследование проводилось в присутствии и с помощью переводчика». Вместе с тем принципиально невозможно применять русскоязычные версии психодиагностических методик в отношении лиц, не владеющих русским языком. Перевод на иностранный язык вопросов и заданий психодиагностических тестов либо перевод ответов подэкспертного с иностранного

языка искажает психологическую информацию и неминуемо обуславливает ненадежность и недостоверность результатов. Используемые экспертами методики адаптированы и стандартизированы на русскоязычной выборке и не могут использоваться в отношении граждан других государств, не владеющих русским языком и не проживающих в России.

В практике встречаются случаи проведения экспертизы на дому по месту жительства детей и родителей. Так, например, по делу Д. «оценка отношений между отцом и детьми» проводилась экспертом «методом включенного наблюдения», из описания которого следует, что эксперт находилась дома у отца в то время, когда дети днем спали, после чего присутствовала при их пробуждении и полднике. Учитывая тот факт, что такой метод не применялся в отношении материнско-детских отношений, это ставит под сомнение объективность и нейтральность эксперта.

По делу В. эксперты-психологи также проводили обследование ребенка на дому, при этом в заключении об индивидуально-психологических особенностях ребенка и его психическом развитии сослались на данные беседы с гувернанткой ребенка, его няней и поварихой, тем самым нарушив ч. 2 ст. 85 ГПК РФ, в которой указано, что «эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы».

Таким образом, наиболее существенные экспертные ошибки касаются решения вопросов, выходящих за пределы специальных знаний, с неправомерным в рамках производства судебной экспертизы вторжением в юридическую и медицинскую (в том числе психиатрическую) сферы знаний. В качестве методической основы недопустимо применение устаревших либо ненадежных методик, так как это лишает результаты достоверности. Многие ошибки относятся к процессу организации и производства экспертизы, касаются понимания процессуальных прав и обязанностей эксперта.

Выводы

Требование строгой научной и практической основы проводимых судебным экспертом исследований ставит заключение эксперта в ряд доказательств особой природы – основанных на данных науки, что повышает к нему доверие со стороны суда. В силу подлежащих доказыванию фактов, важных для принятия решения по делу, заключение

¹² См., например, п. 2.5. «Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации», утвержденных приказом Минюста России № 346 от 20.12.2002. <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniustar-f-ot-20122002-n-346/#100008> (дата обращения: 23.06.2020).

эксперта приобретает особое значение и может существенно повлиять на формирование внутреннего убеждения суда. В связи с этим экспертные ошибки могут иметь серьезные последствия в части нарушения прав граждан – и особенно прав и интересов детей.

Экспертным ошибкам и оценке заключения эксперта посвящено множество научных работ, необходимых не только экспертам в процессе профессиональной подготовки, но и участникам процесса при оценке заключения эксперта [1, 4, 7, 8, 10, 15, 31]. Авторы данных трудов солидарны в том, что к числу наиболее часто допускаемых экспертами ошибок относятся процессуальные нарушения, нарушения научной методологии, выход за пределы компетенции эксперта и нарушение этических принципов.

Продолжая изучение данной проблематики, в рамках настоящего исследования нами выявлены и проанализированы типичные экспертные ошибки при производстве судебной психологической экспертизы по делам, связанным со спорами о воспитании детей. Результаты исследования показали прежнюю актуальность проблемы, отсутствие каких-либо значимых подвижек в части минимизации экспертных ошибок при производстве судебных экспертиз по данной чрезвычайно сложной категории дел. В число наиболее частых ошибок входит и неверное определение вида экспертизы, неверная постановка экспертных задач, и ненадлежащий субъект судебно-экспертной деятельности, и ненадлежащая методология, не соответствующая современному состоянию СПЭ. По-прежнему широко распространенными ошибками являются: выход эксперта за пределы научной и процессуальной компетенции, неполнота ис-

следования, применение невалидных методов и методик исследования.

Неуклонно растет и число так называемых частных экспертов, получающих сомнительные сертификаты и не имеющих профессиональных компетенций для осуществления судебно-экспертной деятельности. Позиционируя себя «независимыми сертифицированными экспертами с лицензией», они нередко вызывают доверие и расположение суда, что ведет к некритичному отношению к их профессиональной компетенции и, как следствие, к весьма трагичным последствиям, касающимся интересов детей. При выявлении грубых процессуальных и методологических ошибок у экспертов с такими «сертификатами» в целях повышения уровня их ответственности должен ставиться вопрос о сознательном и целенаправленном игнорировании или умалчивании экспертом при производстве экспертизы существенных фактов, умышленно неверном применении или выборе методик экспертного исследования и некорректной их оценки.

Острота многих из перечисленных проблем может быть существенно снижена после принятия Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», проект которого прошел первое чтение в Государственной думе еще в 2013 году. В законопроекте указано, что негосударственный судебный эксперт должен иметь высшее образование, иметь дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности, а также иметь действующий сертификат компетентности, полученный в порядке, предусмотренном федеральным законом, и быть включенным в государственный реестр судебных экспертов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К. Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями // Психология и право. 2011. Т. 1. № 1. <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39325.shtml>
2. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. 544 с.
3. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Гардарика, Смысл, 1998. 192 с.

REFERENCES

1. Rusakovskaya O.A., Safuanov F.S., Kharitonova N.K. Current Issues of Experts' Participation in Child Custody Disputes in the Event of Parents' Separation. *Psychology and Law*. 2011. Vol. 1. No. 1. (In Russ.). <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39325.shtml>
2. Rossinskaya E.R. (ed). *Forensic Expertise: Typical Mistakes*. Moscow: Prospekt, 2012. 544 p. (In Russ.)
3. Safuanov F.S. *Forensic Psychological Examination in Criminal Proceedings*. Moscow: Gardarika, Smysl, 1998. 192 p. (In Russ.)

4. Терехина С.А., Ошевский Д.С. Проблема использования психологических познаний при решении семейных споров о детях в гражданском судопроизводстве // Психология и право. 2018. Т. 8. № 2. С. 152–163. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080212>
5. Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. Мульти-модальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. 1. М.: Эком, 2012. 656 с.
6. Кузьмин С.А. Современные модели менеджмента качества в судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 8–27. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-18-27>
7. Секераж Т.Н. Экспертные ошибки при производстве судебной психологической экспертизы / Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 183–225.
8. Васкэ Е.В., Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Почему психолого-педагогическая экспертиза по спорам, связанным с воспитанием детей, не отвечает потребностям правосудия // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 1. С. 6–19. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-6-19>
9. Фесенкова Л.В., Шаталов А.Т. Мировоззренческой и научный статус валеологии (к проблеме построения общей теории здоровья) / Философия здоровья / Под ред. А.Т. Шаталова. М.: Ин-т философии РАН, 2001. С. 110–128.
10. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
11. Zimmerman J., Hess A.K., McGarrah N.A., Benjamin G.A.H., Ally G.A., Gollan J.K., Kaser-Boyd N. Ethical and Professional Considerations in Divorce and Child Custody Cases // Professional Psychology: Research and Practice. 2009. Vol. 40. No. 6. P. 539–549. <https://doi.org/10.1037/a0017853>
12. Сафуанов Ф.С. Этические проблемы использования психологических знаний в судопроизводстве в непроцессуальных формах // Психология и право. 2014. Т. 4. № 4. С. 79–87. <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73024.shtml>
13. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.
14. Основы судебной экспертизы. Часть 1. Общая теория / Под ред. Ю.Г. Корухова. М.: РФЦСЭ, 1997. 430 с.
15. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2012. 192 с.
16. Харитонов Н.К., Сафуанов Ф.С., Вострокнутов Н.В., Русаковская О.А. Методологические основы проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз при спорах о праве на воспитание детей // Теория
4. Terekhina S.A., Oshevskii D.S. The Problem of Using Psychological Knowledge in Family Disputes over Children in Civil Legal Proceedings. *Psychology and Law*. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 152–163. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080212>
5. Smirnova S.A. *Challenges of the Time and Expert Technologies of Law Enforcement. Multimodal Issue "Forensic Expertise: Reboot". Part 1*. Moscow: Ekom, 2012. 656 p. (In Russ.)
6. Kuz'min S.A. Modern Models of Quality Management in Forensic Activities. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 3 (43). P. 18–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-18-27>
7. Sekerazh T.N. Expert Mistakes in Conduct of Forensic Psychological Expertise. In: Rossinskaya E.R. (ed). *Forensic Expertise: Typical Mistakes*. Moscow: Prospekt, 2012. P. 183–225. (In Russ.)
8. Vaske E.V., Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Why Psychological and Pedagogical Examinations in Disputes Concerning Child-Rearing Do Not Meet the Needs of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 6–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-6-19>
9. Fesenkova L.V., Shatalov A.T. World-View and Scientific Standing of Valeology (to the Problem of General Theory of Health). In: Shatalov A.T. (ed). *Philosophy of Health*. Moscow: Philosophy Institute of the Russian Academy of Science, 2001. P. 110–128. (In Russ.)
10. Safuanov F.S. *Forensic Psychological Examination. Textbook for Academic Bachelor's Program*. Moscow: Yurait, 2014. 421 p. (In Russ.)
11. Zimmerman J., Hess A.K., McGarrah N.A., Benjamin G.A.H., Ally G.A., Gollan J.K., Kaser-Boyd N. Ethical and Professional Considerations in Divorce and Child Custody Cases. *Professional Psychology: Research and Practice*. 2009. Vol. 40. No. 6. P. 539–549. <https://doi.org/10.1037/a0017853>
12. Safuanov F.S. Ethical Issues of Using Psychological Knowledge in the Proceedings of the Non-Procedural Forms. *Psychology and Law*. 2014. Vol. 4. No. 4. P. 79–87. (In Russ.). <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n4/73024.shtml>
13. Il'ina O.Yu. *A Child's Interests in the Family Law of the Russian Federation*. Moscow: Gorodets, 2006. 192 p. (In Russ.)
14. Korukhov Yu.G. (ed). *The Basics of the Forensic Science. Part 1. General Theory*. Moscow: RFCFS, 1997. 430 p. (In Russ.)
15. Safuanov F.S., Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. *Psychological and Psychiatric Expertise in Legal Disputes Between Parents About Child's Place of Residence*. Moscow: Genезis, 2012. 192 p. (In Russ.)
16. Kharitonova N.K., Safuanov F.S., Vostroknutov N.V., Rusakovskaya O.A. Methodological Framework of Conduct for Comprehensive Psychological and Psychiatric Examinations in Disputes about the Right to Raise Children.

- и практика судебной экспертизы. 2014. № 3 (35). С. 93–106.
17. Кудрявцев И.А., Морозова М.В., Савина О.Ф. Руководство по написанию заключения экспертно-психологического исследования подэкспертного при проведении однородных судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз. Руководство для врачей. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2014. 67 с.
 18. Encarnación E., Pelaez P., Merchan R. La Custodia Compartida un Paliativo al Aíndrome de Alienación Parental // *Revista Conrado*. 2020. No. 16 (73). P. 434–441.
 19. Lopez T., Iglesias V., Garcia P. Parental Alienation Gradient: Strategies for a Syndrome // *American Journal of Family Therapy*. 2014. Vol. 42. No. 3. P. 217–231. <https://doi.org/10.1080/01926187.2013.820116>
 20. Moon D., Lee M., Chung D., Kwack Y. Custody Evaluation in High-conflict Situations Focused on Domestic Violence and Parental Alienation Syndrome // *Journal of the Korean Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 66–73. <https://doi.org/10.5765/jkacap.200004>
 21. Bernet W., von Boch-Galhau W., Baker A.J.L., Morrison S.L. Parental Alienation, DSM-V, and ICD-11 // *The American Journal of Family Therapy*. 2010. Vol. 38. No. 2. P. 76–187. <https://doi.org/10.1080/01926180903586583>
 22. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Переpravина Ю.О., Черненьков А.Д. Методологические основы диагностики психологического индуцирования ребенка при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите интересов детей. Методические рекомендации. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. 36 с.
 23. Crittenden P. Gifts from Mary Ainsworth and John Bowlby // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2017. Vol. 22. No. 3. P. 436–442. <https://doi.org/10.1177/1359104517716214>
 24. Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза по спорам о порядке воспитания детей родителями, проживающими раздельно / Судебно-психиатрическая диагностика / Под ред. Е.В. Макушкина, А.А. Ткаченко. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2017. С. 601–625.
 25. Русаковская О.А., Ильина О.Ю. Понимание «привязанности» наивными носителями языка, судьями и судебно-психологическими экспертами / Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сб. тезисов участников Всерос. конф. по юридической психологии с международным участием (Москва, 7–9 ноября 2018 г.). М.: МГППУ, 2018. С. 104–105.
 26. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Переpravина Ю.О., Черненьков А.Д. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза // *Theory and Practice of Forensic Science*. 2014. No. 3 (35). P. 93–106. (In Russ.)
 17. Kudryavtsev I.A., Morozova M.V., Savina O.F. *Guide on Writing an Opinion on Experimental Psychological Research When Conducting Psychological and Psychiatric Examinations of the Same Kind and Comprehensive Examinations. Guide for Doctors*. Moscow: FGBU “GNTsSSP im. V.P. Serbskogo” Minzdrava Rossii, 2014. 67 p. (In Russ.)
 18. Encarnación E., Pelaez P., Merchan R. La Custodia Compartida un Paliativo al Aíndrome de Alienación Parental. *Revista Conrado*. 2020. No. 16 (73). P. 434–441.
 19. Lopez T., Iglesias V., Garcia P. Parental Alienation Gradient: Strategies for a Syndrome. *American Journal of Family Therapy*. 2014. Vol. 42. No. 3. P. 217–231. <https://doi.org/10.1080/01926187.2013.820116>
 20. Moon D., Lee M., Chung D., Kwack Y. Custody Evaluation in High-conflict Situations Focused on Domestic Violence and Parental Alienation Syndrome. *Journal of the Korean Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 66–73. <https://doi.org/10.5765/jkacap.200004>
 21. Bernet W., von Boch-Galhau W., Baker A.J.L., Morrison S.L. Parental Alienation, DSM-V, and ICD-11. *The American Journal of Family Therapy*. 2010. Vol. 38. No. 2. P. 76–187. <https://doi.org/10.1080/01926180903586583>
 22. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Perepravina Yu.O., Chernen'kov A.D. *Methodological Basis for the Diagnosis of Psychological Induction of a Child in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination in Cases Involving Children's Interests' Protection. Methodical Recommendations*. Moscow: FGBU “NMITs PN im. V.P. Serbskogo” Minzdrava Rossii, 2020. 36 p. (In Russ.)
 23. Crittenden P. Gifts from Mary Ainsworth and John Bowlby. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2017. Vol. 22. No. 3. P. 436–442. <https://doi.org/10.1177/1359104517716214>
 24. Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A. Comprehensive Psychological and Psychiatric Examination in Disputes on the Procedure for Child-Rearing by Parents Living Separately. In: Makhushkin E.V., Tkachenko A.A. (eds). *Forensic Psychiatric Diagnostics*. Moscow: FGBU “NMITs PN im. V.P. Serbskogo” Minzdrava Rossii, 2017. P. 601–625. (In Russ.)
 25. Rusakovskaya O.A., Il'ina O.Yu. Understanding “Affection” by Naïve Native Speakers, Judges and Forensic Psychologists. *Kochenov's Readings “Psychology and Law in the Modern Russia”. Abstracts Digest of the Participants of the All-Russian Conference on Legal Psychology with International Participation (Moscow, November 7–9, 2018)*. Moscow: MGPPU, 2018. P. 104–105. (In Russ.)
 26. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Perepravina Yu.O., Chernen'kov A.D. Complex Judicial Psychological and Psychiatric Examination

- пертиза по делам о защите интересов детей: диагностика психологического индуцирования ребенка // Юридическая психология. 2020. № 1. С. 22–26.
27. Харитонов Н.К., Сафуанов Ф.С., Вострокнутов Н.В., Русаковская О.А. Алгоритм комплексного психолого-психиатрического исследования по спорам о защите интересов детей. Методические рекомендации // Психическое здоровье. 2014. № 4. С. 3–15.
28. Галасюк И.Н., Митина О.В. Модификация Опросника родительского отношения (А.Я. Варги, В.В. Столина) для семьи, воспитывающей особого ребенка // Клиническая и специальная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 109–129.
<https://doi.org/10.17759/psyclin.2017060209>
29. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. Учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереот. М.: Академия, 2007. 432 с.
30. Голзицкая А.А., Кисельникова Н.В., Маркова С.В. Опросник PARI как методика исследования родительских установок // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 147–157.
31. Сафуанов Ф.С. Ошибки при назначении комплексной судебной психолого-психиатрической и судебной психологической экспертизы // Юридическая психология. 2007. № 2. С. 19–21.
- in Children's Interest Protection Cases: Diagnostics of the Psychological Induction of a Child. *Juridical Psychology*. 2020. No. 1. P. 22–26. (In Russ.)
27. Kharitonova N.K., Safuanov F.S., Vostroknutov N.V., Rusakovskaya O.A. Algorithm of Complex Psychological and Psychiatric Research on Disputes Concerning the Protection of the Interests of Children. *Mental Health*. 2014. No. 4. P. 3–15. (In Russ.)
28. Galasyuk I.N., Mitina O.V. The Modification of the Parental Attitudes Questionnaire (A. Varga, V. Stolina) for the Family with the Child with Mental Disabilities. *Clinical and Special Psychology*. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 109–129. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psyclin.2017060209>
29. Liders A.G. *Psychological Examination of a Family. Practical Handbook for Students of the Faculty of Psychology of Higher Education Institutions*. 2nd ed. Moscow: Akademiya, 2007. 432 p. (In Russ.)
30. Golzitskaya A.A., Kisel'nikova N.V., Markova S.V. The PARI Questionnaire as Research Technique for the Parental Attitudes. *Voprosy Psichologii*. 2018. No. 3. P. 147–157. (In Russ.)
31. Safuanov F.S. Errors in the Assignment of an Comprehensive Psychological and Psychiatric Forensic Examination and a Forensic Psychological Examination. *Juridical Psychology*. 2007. No. 2. P. 19–21. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васкэ Екатерина Викторовна – д. психол. н., к. филос. н., доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, руководитель Центра юридической психологии и судебно-психологической экспертизы (Нижний Новгород);
e-mail: 1269724@gmail.com

Сафуанов Фарит Суфиянович – д. психол. н., профессор, руководитель лаборатории психологии ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России; заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ;
e-mail: safuanovf@rambler.ru

Секераж Татьяна Николаевна – к. юр. н., доцент, заведующий лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: sekerazh@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vaske Ekaterina Viktorovna – Doctor of Psychology, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Law Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
e-mail: 1269724@gmail.com

Safuanov Farit Sufiyonovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of Psychology Laboratory of V.P. Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Head of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology of Moscow State Psychological and Pedagogical University;
e-mail: safuanovf@rambler.ru

Sekerazh Tat'yana Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice;
e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Статья поступила: 02.07.2020
После доработки: 15.08.2020
Принята к печати: 28.08.2020

Received: June 02, 2020
Revised: August 15, 2020
Accepted: August 28, 2020

О специальном понятийном аппарате судебной пожарно-технической экспертизы

И.С. Таубкин

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам специальной терминологии судебной пожарно-технической экспертизы (далее – СПТЭ). Приведены определения основных параметров пожароопасной среды, характеризующих ее чувствительность к зажиганию, проанализирована их взаимосвязь с характеристиками импульсов, инициирующих горение этих сред.

Рассмотрены две главные задачи СПТЭ: установление технической причины пожара и установление организационно-технической причины пожара и его последствий. Даны определения этих двух задач, а также термина «источник зажигания».

Актуальность статьи продиктована необходимостью предотвращения ошибок в терминологии, допускаемых при производстве СПТЭ. Статья может быть полезной практикующим экспертам и специалистам в теории и практике СПТЭ.

Ключевые слова: *пожар, судебная пожарно-техническая экспертиза, терминология, причина пожара, источник зажигания, воспламенение, самовозгорание, тление, самовоспламенение, показатели пожарной опасности*

Для цитирования: Таубкин И.С. О специальном понятийном аппарате судебной пожарно-технической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 76–88.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-76-88>

On the Special Conceptual Framework for the Fire Forensics

Igor' S. Taubkin

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article addresses the issues of the particular terminology for fire forensic investigations. Definitions for the basic parameters of a fire hazardous area, determining its susceptibility to ignition, and their relationship to the impulses initiating such areas' combustion are analyzed.

Two main tasks of forensic fire examinations are reviewed: establishing the technical cause of a fire, its organizational cause, and consequences. The author gives definitions for these tasks and the term "ignition source".

The paper's relevance stems from the need to prevent mistakes in terminology when conducting a forensic fire investigation. The article may be of use for practicing experts and specialists in fire forensics' theory and practice.

Keywords: *fire, fire forensics, terminology, a fire's cause, ignition source, inflammation, self-ignition, smoldering, spontaneous combustion, fire safety rates*

For citation: Taubkin I.S. On the Special Conceptual Framework for the Fire Forensics. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 76–88. (In Russ.).

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-76-88>

1. Введение

Понятийный аппарат – это логично выстроенная система специальных терминов, позволяющая единообразно толковать и понимать образующиеся в науке взаимосвязи и процессы. Наличие специфической терминологии обязательно для любой дисциплины. Успешность решения экспертной задачи зависит от того, насколько хорошо эксперт владеет как практически навыками экспертного исследования, так и понятийным аппаратом. Проблема понятийного аппарата – это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки [1].

В судебно-экспертных учреждениях различных ведомств России, осуществляющих производство СПТЭ, используется терминология, разработанная в разные годы во Всероссийском научно-исследовательском институте противопожарной обороны МВД СССР и представленная в отдельных изданиях [2–3], энциклопедиях¹, федеральных законах и стандартах². Специальная терминология СПТЭ в «Словаре основных терминов судебных инженерно-технических экспертиз» [4] базируется в основном на терминах ОСТ 78-2-73³ и СТ СЭВ 383-76⁴.

Развитие СПТЭ обусловило необходимость нового осмысления ряда терминов, которые используются в пожарной охране; идет упорядочение терминологии и в пожарном деле. Так, при всей кажущейся очевидности и простоте термина «пожар» в течение продолжительного времени среди специалистов по пожарам не было единого мнения относительно его определения.

2. Анализ ряда терминов существующей пожарно-технической терминологии

В работе «Пожарно-техническая терминология...» дано следующее определение: «пожар – наносящее материальный ущерб неконтролируемое горение, которое про-

исходит вне специального очага» [2]. В 1973 году был утвержден ОСТ 78-2-73, где пожар определяется как «неконтролируемое горение вне специального очага, наносящее материальный ущерб», т. е. так же, как и в работе [2]. В СТ СЭВ 383-76 «пожар» – это «неконтролируемое горение, развивающееся во времени и пространстве». В ГОСТ 12.1.033-81⁵ определение термина «пожар» приведено по СТ СЭВ 383-76.

Только в ФЗ «О пожарной безопасности»⁶ термин «пожар» сформулирован наиболее адекватно: «пожар – неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства». Эта формулировка довольно точно отражает сущность этого страшного явления.

В юридической литературе существует термин «криминальный пожар», т. е. общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, совершенное путем поджога в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, а также вследствие нарушения правил пожарной безопасности и иных правил, повлекшего возникновение и развитие пожара с гибелью людей или иными тяжкими последствиями [5].

Имеются серьезные недочеты в терминологии, используемой в весьма ответственных документах по пожарной безопасности. Так, в ФЗ «Технический регламент»⁷ «горючая среда» определена как «среда, способная воспламениться при воздействии источника зажигания». Термин «горючая среда» не самый удачный, поскольку по ГОСТ 12.1.044-89⁸ вещества и материалы подразделяются на трудногорючие и горючие, поэтому лучше использовать термин «пожароопасная среда». Необходимо особо отметить, что к пожароопасным средам относятся и те, которые способны под действием источника зажигания *не только воспламениться, но и тлеть*.

В ст. 12 ФЗ «Технический регламент»⁷ дается уже другое определение: «горю-

¹ Пожарная безопасность. Энциклопедия. М.: ФГУ ВНИИПО МЧС России. 1994, 2007, 2010, 2015.

² ГОСТ 12.1.010-76. ССБТ. Взрывобезопасность. Общие требования; ГОСТ 12.1.004-91*. ССБТ. Пожарная безопасность. Общие требования.

³ ОСТ 78-2-73. Горение и пожарная опасность веществ. Терминология.

⁴ Стандарт СЭВ 383-76. Противопожарные нормы строительного проектирования. Термины и определения.

⁵ ГОСТ 12.1.033-81. ССБТ. Пожарная безопасность. Термины и определения.

⁶ Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности».

⁷ Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».

⁸ ГОСТ 12.1.044-89* (ИСО 4589-84). ССБТ. Пожаровзрывоопасность веществ и материалов. Номенклатура показателей и методы их определения.

чие – вещества и материалы, способные самовозгораться, а также возгораться под воздействием источника зажигания и самостоятельно гореть после его удаления». Однако и здесь допущена неточность: самовозгораться они могут под действием источников самонагрева.

В судебно-экспертной практике широко используются термины *загорание, зажигание, возгорание и поджигание*. Вместе с тем необходимо отличать пожар от процесса *загорания*, которое определяется как «... неконтролируемое горение вне специального очага, без нанесения ущерба» (ОСТ 78-2-73, ГОСТ 12.1.033-81) В свою очередь необходимо отличать *загорание* от *зажигания*, представляющее процесс «инициирования горения» (СЭВ 383-76) или «воздействие источника зажигания, приводящее к возникновению горения» [3] (ОСТ 78-2-73). В свою очередь *возгорание* – «возникновение горения под воздействием источника зажигания» (ОСТ 78-2-73) или «начало горения под воздействием источника зажигания» (СЭВ 383-76). Термин «поджигание» имеет то же значение, что и термин «зажигание». Эти четыре термина в судебно-экспертной практике часто используются как синонимы, что неверно.

Одним из важнейших в СПТЭ является термин «причина пожара».

В системе МЧС России данные по пожарам и их последствиям собирают и обрабатывают по квартальной форме федерального статистического наблюдения № 1-ПОЖАРЫ «Сведения о пожарах и последствиях от них»⁹. В соответствии с разделом 2 «Основные причины и объекты пожаров» указанной формы к причинам пожара относят:

- поджоги;
- нарушение правил устройства и эксплуатации электрооборудования и бытовых электроприборов;
- неисправность производственного оборудования, нарушение технологического процесса производства;
- неосторожное обращение с огнем;
- шалость детей с огнем;

– нарушение правил пожарной безопасности при проведении электрогазосварочных работ;

- взрывы;
- самовозгорание веществ и материалов;
- неисправность и нарушение правил эксплуатации печного отопления;
- не установленные причины;
- прочие причины пожаров.

Таким образом, «смешиваются прямые действия людей, попадающие под исключительную компетенцию органов правосудия, и явления технического и природного происхождения» [6].

Согласно ГОСТ 12.1.033-81 термин «причина пожара» определяется как «явление или обстоятельство, непосредственно обусловившее возникновение пожара (загорания)». Следует заметить, что в этом определении вместо термина «загорание» должен быть использован термин «возгорание».

Рассмотрим значение слов «явление» и «обстоятельство».

Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова [7] «явление» – это: 1) в философии: проявление, выражение сущности, то, в чем она обнаруживается... 2) всякое обнаруживаемое проявление чего-нибудь; 3) событие, случай. «Обстоятельство» – это: 1) явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное; 2) условия, определяющие положение, существование кого-чего-нибудь, обстановка.

Таким образом, лишь некоторые из причин пожаров по статистической отчетности соответствуют приведенному в ГОСТ 12.1.033-81* определению «причина пожара», поэтому статистические данные о причинах пожара, собранные по указанной форме, не раскрывают природу источника зажигания, его параметры, условия его возникновения и взаимодействия с пожароопасной средой, а при указании в качестве причины пожара процесса самовозгорания веществ и материалов – природу, параметры и условия возникновения импульса (теплового, химического и микробиологического), обусловившего пожар. Такая статистика не предусматривает детальное изучение причинно-следственной связи между причинами возникновения источника зажигания, условиями возгорания пожароопасной среды, последствиями пожара и нарушениями требований

⁹ В соответствии с п. 5.5 «Положения о Федеральной службе государственной статистики» (утв. Постановлением Правительства РФ от 02.06.2008 № 420) и во исполнение Федерального плана статистических работ (утв. Приказом Росстата от 23.12.2009 № 311 «Об утверждении статистического инструментария для организации МЧС России федерального статистического наблюдения за пожарами и последствиями от них»).

соответствующих нормативно-правовых актов (далее – НПА). Последнее обстоятельство имеет определяющее значение для установления круга ответственных лиц и для разработки профилактики пожаров и мероприятий по ограничению их последствий.

Юристы считают, что «причина пожара – понятие уголовно-правовое и означает запрещенное уголовным законодательством виновно совершенное общественно опасное деяние, повлекшее возникновение пожара с наступившими общественно опасными последствиями» [8]. Это определение не раскрывает технической сущности причины пожара. Поэтому во Всероссийском научно-исследовательском институте судебных экспертиз Минюста СССР были введены термины «техническая причина пожара», а также «организационно-техническая причина пожара и его последствий» [9–12].

При производстве СПТЭ необходимо четко определить *техническую причину пожара*, т. е. природу, параметры, условия возникновения источника зажигания (инициирующего импульса) и его воздействия на зажигаемую (инициируемую) им пожаровзрывоопасную среду [9].

Нельзя не согласиться с Е.Р. Россинской в том, что СПТЭ «...производится в целях установления обстоятельств возникновения и развития горения, что является одной из ключевых задач при расследовании уголовных дел о пожарах, а также судебном рассмотрении гражданских и уголовных дел, связанных с пожарами» [13], но нельзя ограничиться только этой задачей!

Ряд статей Уголовного кодекса Российской Федерации, по которым квалифицируются преступления, связанные с пожарами и взрывами, содержат бланкетные диспозиции, что предопределяет необходимость анализировать технические требования НПА и устанавливать причинно-следственную связь их нарушений с возникновением, условиями протекания и последствиями пожара, т. е. устанавливать *организационно-техническую причину пожара и его последствий*.

Однако, несмотря на весьма простое определение причинно-следственной связи (необходимая связь между явлениями, при которой одно явление (причина) предшествует другому (следствию) и порождает его) в ряде экспертиз указываются нарушения НПА, не находящиеся в причин-

но-следственной связи с возникновением, развитием и последствиями пожара.

Установление технической причины пожара и установление организационно-технической причины пожара и его последствий являются краеугольными задачами СПТЭ, решаемыми на основе специальных научных знаний эксперта и фактических данных, устанавливаемых в результате исследования уголовного и гражданского дела.

Для обсуждения указанных понятий напомним некоторые основные условия возгорания и самовозгорания веществ и материалов, а также их пожароопасные характеристики, используемые при анализе этих процессов.

2.1. О терминологии в процессах возгорания и самовозгорания

Известны два механизма самоускоряющихся превращений при горении (тепловой и цепной), теория которых была разработана лауреатом Нобелевской премии Н.Н. Семеновым и его учениками. Вместе с тем, механизм реальных пожаров и взрывов характеризуется комбинированным цепочно-тепловым процессом. Начавшись цепным путем, реакция окисления за счет ее экзотермичности продолжает ускоряться за счет выделяющегося тепла. В конечном счете критические условия возникновения и развития горения будут определяться тепловыделением и условиями теплообмена реагирующей системы с окружающей средой [14].

Как известно, воспламенение или тление пожароопасной среды возникает в результате процессов возгорания или самовозгорания. Последовательность прохождения их подготовительной стадии была показана в работах С.И. Таубкина [15–17] (рис.). Как видно из рисунка, между процессами возгорания и самовозгорания существуют принципиальные различия. Если для процесса возгорания решающим фактором является величина теплового импульса (температура импульса должна быть выше температуры самовозгорания материала), причем начальное горение материала возникает в месте этого воздействия, то для процесса самовозгорания основное значение имеют условия концентрации тепла (самонагревание материала).

Процесс самовозгорания возникает, как отмечалось выше, под влиянием трех им-

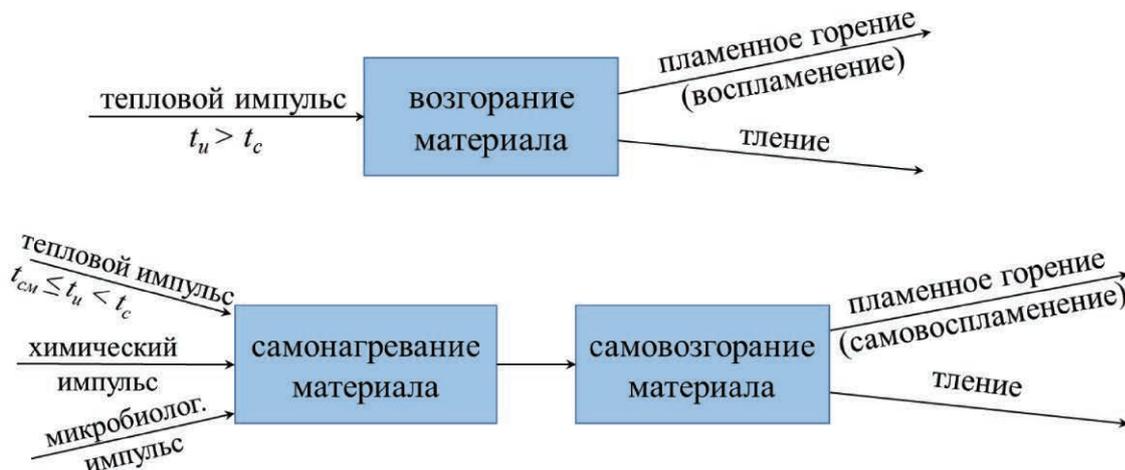

Рис. Схемы процессов возгорания (верх) и самовозгорания (низ); t_u, t_c, t_{cm} – температуры источника зажигания, самовозгорания и самонагревания материала соответственно [15]
Fig. Shema of ignition (up) and self-ignition (down); t_u, t_c, t_{cm} – temperatures of the ignition source, self-ignition and self-heating of the material respectively [15]

пульсов: теплового (температура импульса ниже температуры самовозгорания материала и выше температуры его самонагревания), химического и микробиологического, причем место возникновения горения может и не совпадать с местом действия импульса [17–19]. Горение начинается там, где процесс самонагревания обеспечивает повышение температуры до определенной критической величины. Указанные процессы характеризуются также разными периодами индукции. В случае возгорания и химического самовозгорания этот период исчисляется секундами или минутами, а при тепловом и микробиологическом самовозгорании – часами, днями или месяцами. Если при возгорании материала критическая температура в период индукции достигается под действием теплового импульса, то при самовозгорании соответствующее повышение температуры происходит в результате процесса самонагревания.

Использование термина «импульс» в схемах обосновано тем, что он означает толчок к чему-либо, побуждение, стремление, побудительную причину, вызывающую какое-либо действие [20]. В теории взрывчатых веществ широко используется понятие начального или инициирующего импульса для характеристики их чувствительности к внешним воздействиям [21]. Необходимо заметить, что в энциклопедии «Пожарная безопасность» при определении термина «самовозгорание» использован допусти-

мый, на наш взгляд, термин «источник самонагревания» [22].

Употребляемые на схемах (рис.) термины «воспламенение», «самовоспламенение» и «тление» характеризуют частные случаи процессов возгорания и самовозгорания, когда процесс самонагревания приводит к пламенному горению или тлению. *Отмеченные обстоятельства показывают важность выделения и изучения в процессе самовозгорания стадии самонагревания.*

Характер распространения температур в материале перед горением позволяет в большинстве случаев различать явления возгорания и самовозгорания. При возгорании более высокие температуры создаются на периферии материала с тенденцией распространения внутрь его массы. При самовозгорании наблюдается обратный процесс. Отмечено [17], что на начальной стадии самовозгорания, например угля, в результате взаимодействия кислорода с углеводородными радикалами образуются нестабильные комплексы перекисного характера. Их образование указывает, что на начальной стадии реакция самовозгорания носит цепной характер. Склонность органических материалов к обугливанию при самовозгорании не исключает и для них вероятности возникновения на начальной стадии цепной реакции с последующим переходом в тепловой процесс.

Для характеристики превалирующих причин инициирования процесса самовозго-

рания употребляют следующие термины: «тепловое самовозгорание», «химическое самовозгорание» и «микробиологическое самовозгорание». При воздействии любого из импульсов (источников самонагрева) начинается тепловой процесс, который и определяет возможность самовозгорания материала. В большинстве случаев продукты разложения, образующиеся на этом этапе под влиянием повышенной температуры, подвергаются в присутствии кислорода реакциям окисления. Эти реакции не сопровождаются видимыми эффектами – светом и пламенем, но поскольку они экзотермические, то способствуют медленному накоплению тепла в системе (процессу самонагрева). В результате этого реакции ускоряются (при условии подвода к месту реакции кислорода) и заканчиваются самовозгоранием. Таким образом, самовозгорание большинства материалов является результатом самоускорения реакций окисления, приводящего скачком ко второй стадии – собственно горению [15, 17].

Из сказанного ясно, что такой переход обусловлен возникающим на подготовительной стадии определенным тепловым режимом, при котором выделяющееся тепло не только полностью компенсирует теплотери, но и превалирует над ними. При внесении источника зажигания или дальнейшем развитии самоускоряющейся экзотермической реакции температура реагентов в системе настолько быстро повышается, что это приводит к возгоранию или самовозгоранию материалов, сопровождаемых пламенем или тлением.

2.2. Основные показатели пожарной опасности твердых веществ и материалов, характеризующие их способность к зажиганию

Эту способность твердых веществ и материалов оценивают по следующим температурным показателям: температурам самонагрева, воспламенения, тления при самовозгорании и самовоспламенения.

Под *температурой самонагрева* понимается минимальная температура вещества, находящегося в воздухе атмосферы, ниже которой не наблюдается его самонагревание. При температуре вещества, равной температуре самонагрева, в нем возникают практически различимые экзотермические процессы окисления, разложения и т. п. В связи с этим температура самонагрева является самой низкой температурой вещества, нагревание до которой

может потенциально привести к его самовозгоранию. Этот параметр учитывают при определении условий безопасного длительного (или постоянного) нагрева вещества. В области температур ниже температуры самонагрева веществ и материалов возможность их самовозгорания под влиянием теплового импульса полностью исключается. Безопасной температурой постоянного нагрева данного вещества или материала, независимо от размеров образца, следует считать температуру, не превышающую 90 % величины температуры самонагрева (ГОСТ 12.1.044–89*). Необходимо отметить, что метод экспериментального определения этого параметра регламентировался ГОСТ 12.1.044–84¹⁰ и, к сожалению, не вошел в ГОСТ 12.1.044–89*.

Безопасная температура нагрева (в течение непродолжительного времени) тел сравнительно небольших размеров (плит, брусков и т. п.) значительно превышает температуру самонагрева. Эту температуру можно определить исходя из зависимости температуры среды, при которой происходит тепловое самовозгорание, от размеров данного образца или от его удельной поверхности [16, 23–25].

Температура воспламенения – это та минимальная температура вещества или материала, при которой процессы разложения и окисления в нем настолько самоускоряются, что происходит быстрое выделение парогазообразных горючих продуктов в количестве, достаточном для их воспламенения от источника зажигания ($t_{и} > t_{с}$) (рис.). Эти пары и газы продолжают устойчиво гореть и при его удалении [15, 17, 23].

В процессе нагрева твердых веществ и материалов до температуры тления при самовозгорании образуются твердые обугленные продукты реакции, которые при достижении определенной критической температуры переходят в пирофорное состояние и самопроизвольно накаляются (тлеют). Эта температура вещества называется *температурой тления при самовозгорании*.

Тление – беспламенное горение твердого вещества (материала) при сравнительно низких температурах, часто сопровождаемое выделением дыма. Температура вещества, при которой происходят аналогичные явления, приводящие к пламенному горению только в результате саморазогрева,

¹⁰ ГОСТ 12.1.044–84. Пожаровзрывоопасность веществ и материалов. Номенклатура показателей и методы их определения.

называется температурой самовоспламенения. Таким образом, *температурой самовоспламенения* называется самая низкая температура вещества, при нагреве до которой происходит резкое увеличение скорости экзотермических реакций, приводящее к возникновению пламенного горения.

Поскольку самостоятельное пламенное горение и тление твердых веществ и материалов возможно лишь при их нагреве до указанных температур, они служат показателями пожароопасности указанных пожароопасных сред.

Температура воспламенения, температура тления при самовозгорании, температура самовоспламенения характеризуют те критические температуры, при достижении которых материал может начать тлеть или гореть пламенем. Различия между температурами воспламенения, тления при самовозгорании и самовоспламенении заключаются в том, что в первом случае горение возникает при поднесении к выделяющимся при нагреве материала парам и газам высокотемпературного источника поджигания ($t_{и} > t_c$), а в остальных случаях этот процесс происходит в его отсутствие. Практическое значение указанных температурных показателей заключается в том, что они характеризуют минимально опасные температуры среды, при которых сравнительно быстро загорается материал любого размера.

Таким образом, *самовозгорание* представляет собой процесс возникновения горения пожароопасной среды под действием источника самонагревания – теплового, химического или микробиологического импульса, приводящего к процессу самонагревания среды с последующим ее самовоспламенением или тлением (для твердых материалов).

2.3. Основные показатели пожарной опасности жидкостей, характеризующие их способность к зажиганию

Эту способность жидкостей оценивают по следующим температурным показателям: температурам вспышки, воспламенения, самовоспламенения.

Наименьшая температура жидкости, при которой в условиях специальных испытаний над ее поверхностью образуются пары, способные вспыхивать в воздухе от источника зажигания без последующего устойчивого горения самой жидкости, называется *температурой вспышки*. Вспышка – быстрое

сгорание газопаровоздушной смеси над поверхностью горючего вещества, сопровождающееся кратковременным видимым свечением. Температура вспышки является основным показателем пожарной опасности жидкостей, взятым за основу их классификации по степени пожарной опасности (ФЗ «Технический регламент»).

Пожаровзрывоопасность любой горючей жидкости связана с ее нагревом выше значения этого показателя. Ниже этой температуры жидкость не представляет пожарной опасности в случае *кратковременного* воздействия источника зажигания. Для того чтобы воспламенить жидкость при температуре ниже ее температуры вспышки, нужен не кратковременный, а сравнительно длительно действующий источник зажигания с энергией, достаточной для нагрева жидкости до температуры воспламенения, и температурой, которая была бы выше температуры самовоспламенения смеси паров этой жидкости с воздухом. Исключение составляет воспламенение жидкости с помощью фитиля, так называемого «фитильного эффекта» [18].

Для определения температуры вспышки применяются стандартные приборы закрытого и открытого типа, отличающиеся друг от друга условиями нагревания и испарения исследуемой жидкости.

В соответствии с ГОСТ 12.1.004-76¹¹ *горючая жидкость* – это жидкость, которая способна самостоятельно гореть после удаления источника зажигания и имеет температуру вспышки выше + 61 °С (в закрытом тигле) или + 66 °С (в открытом тигле). Возможность нагрева жидкости лучами солнца до 60 °С предопределила дифференциацию жидкостей по указанным значениям температуры вспышки на горючие и легковоспламеняющиеся [26].

Легковоспламеняющаяся жидкость – это жидкость, способная самостоятельно гореть после удаления источника зажигания и имеющая температуру вспышки не выше + 61 °С (в закрытом тигле) или + 66 °С (в открытом тигле) [24, 25]

Согласно ст. 12 ФЗ «Технический регламент» из горючих жидкостей выделяют группы *легковоспламеняющихся* и *особо опасных легковоспламеняющихся жидкостей*, воспламенение паров которых происходит при низких температурах, определен-

¹¹ ГОСТ 12.1.004-76. Пожарная безопасность. Общие положения.

ных нормативными документами по пожарной безопасности.

Температурой воспламенения называется наименьшая температура жидкости, при которой она выделяет горючие пары с такой скоростью, что после их зажигания внешним источником возникает ее самостоятельное пламенное горение. Температура воспламенения присуща только горючим веществам и материалам, так как она характеризует способность их к самостоятельному горению. Если температура воспламенения не достигается при нагреве вещества до температуры кипения или активного разложения, вещество к горючим не относят [24].

Таким образом, воспламенение – это пламенное горение вещества, инициированное источником зажигания и продолжающееся после его удаления (ГОСТ 12.1.044–89*).

Как отмечалось выше, *температурой самовоспламенения* называется самая низкая температура вещества, при нагреве до которой происходит резкое увеличение скорости экзотермических реакций, приводящее к возникновению пламенного горения [24]. Определенная стандартным методом наименьшая температура, до которой должна быть равномерно нагрета наиболее воспламеняемая смесь паров с воздухом, для того чтобы она воспламенилась без внесения в нее постороннего источника зажигания, называется *стандартной температурой самовоспламенения* [24]. Минимальная концентрация горючих газов или паров, при которой смесь воспламеняется от постороннего источника зажигания с последующим распространением горения по всему объему смеси, называется *нижним концентрационным пределом воспламенения*. Наивысшая концентрация горючих газов или паров, при которой смесь еще воспламеняется от постороннего источника зажигания с распространением горения по всему объему смеси, называется *верхним концентрационным пределом воспламенения*.

Пожаровзрывоопасность жидкостей может характеризоваться также температурными пределами воспламенения их паров.

Минимальная температура жидкости, при которой над ее поверхностью создается концентрация *насыщенного* пара, равная нижнему концентрационному пределу воспламенения, называется *нижним температурным пределом воспламенения* (далее

– НТПВ). Таким образом, при этой температуре жидкости, находящейся в закрытом сосуде, над ее поверхностью упругость пара достигает такой величины, что образуется взрывоопасная смесь с воздухом, способная воспламениться от постороннего источника зажигания. НТПВ соответствует значению температуры вспышки горючей жидкости [26].

Температура жидкости, при которой над поверхностью возникает концентрация насыщенного пара, равная верхнему концентрационному пределу воспламенения, называется *верхним температурным пределом воспламенения* (далее – ВТПВ).

Промежуток между НТПВ и ВТПВ является зоной значения температур, при которых смеси насыщенных паров жидкости с воздухом в закрытом сосуде взрывоопасны.

Необходимо отметить, что при хранении многокомпонентных жидкостей происходит постепенное испарение более легких компонентов и сдвиг температурных пределов воспламенения от справочных значений в область более высоких температур. Небольшие добавки легковоспламеняющихся или горючих жидкостей существенно сдвигают температурную область воспламенения в сторону более низких температур: например, при добавлении 3 % бензина к мазуту температура вспышки последнего изменяется с 120 до 30 °С [27].

2.4. Основные показатели пожарной опасности газоздушных систем, характеризующие их способность к зажиганию

К этим показателям, кроме вышеуказанных концентрационных пределов распространения пламени, называемых также пределами воспламенения или взрываемости, относятся температура самовоспламенения, минимальное взрывоопасное содержание кислорода и минимальная энергия зажигания (ГОСТ 12.1.044–89*).

Минимальное взрывоопасное содержание кислорода – концентрация кислорода в горючей смеси, состоящей из горючего вещества, воздуха и флегматизатора, меньше которой распространение пламени в смеси становится невозможным при любой концентрации горючего в смеси, разбавленной данным флегматизатором.

Минимальная энергия зажигания (далее – $W_{\text{мин}}$) – наименьшая энергия электрического разряда, способная воспламенить наиболее легко воспламеняющуюся го-

рючую смесь [28]. Речь идет об искровом электрическом разряде. Этот показатель является важнейшим критерием воспламеняемости газо-, паро- и пылевоздушных сред искровыми электрическими разрядами¹² [29]. Прохождение искрового электрического разряда через газ вызывает его ионизацию и превращение в плазму. При этом температура в канале разряда достигает 10 000 °С, т. е. существенно превышает температуру самовоспламенения любой горючей смеси [29].

Следует отметить, что указанный параметр не может быть принят без ограничений в качестве критерия воспламеняющей способности электрических разрядов любого вида. К ним относятся, например, многие электростатические разряды (скользящий разряд, пробой диэлектрической стенки, разряд с поверхности сплошных и дисперсных диэлектриков и др.), существенно отличающиеся по своим параметрам от конденсаторной искры, которая используется для определения $W_{мин}$. Таким образом, условие $W \geq W_{мин}$ является необходимым, но далеко не достаточным, т. е. оно не может быть обязательным условием воспламенения [23, 30, 31]. Наиболее объективными методами оценки воспламеняющей способности разрядов статического электричества, а значит, и опасности технологических процессов, в которых они возникают, могут быть методы определения чувствительности горючих смесей к разрядам статического электричества, формируемым в условиях, максимально точно воспроизводящих производственную обстановку. Накопленный массив экспериментальных значений $W_{мин}$ веществ и материалов используется для различных классификаций их пожаровзрывоопасности [23].

3. Унификация терминов «источник зажигания» и «причина пожара»

Согласно ФЗ «Технический регламент» *источник зажигания* – средство энергетического воздействия, инициирующее возникновение горения. Следует отметить, что это определение термина «источник зажигания», взятое разработчиками указанного регламента из ГОСТ 12.1.004-91*, является, на наш взгляд, неудачным, поскольку слово «средство» в русском языке имеет другую смысловую нагрузку и означает [7]:

1) прием, способ действия для достижения чего-нибудь; 2) орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности; 3) лекарство, предмет, необходимый при лечении, а также предмет косметики; 4) деньги, кредиты; 5) капитал, состояние.

Большинство источников зажигания – пламя, тлеющий огонь, нагретые поверхности (электрооборудования, технологического оборудования), электрические разряды различного происхождения, в том числе и разряды атмосферного электричества (молнии), искры удара и трения, искры сварки и резки металлов, искры горящего топлива, – являющиеся инициаторами пожаров, относятся к тепловым источникам. Нагрев газовых сред и, как следствие, их воспламенение происходит также в результате следующих процессов: быстром адиабатическом сжатии (компримировании), при торможении потока газа, а также в результате термоакустического эффекта [32].

На основе тепловой теории зажигания *источник зажигания* можно определить как тепловой импульс, вызывающий возгорание пожароопасной среды и имеющий температуру выше температуры ее самовозгорания (самовоспламенения – для жидкостей и газов) и длительность, равную ее периоду индукции. Вместе с тем наряду с тепловым механизмом зажигания существуют и другие. Наиболее известным примером возможности инициирования взрывов в помещении с помощью светового излучения является быстропротекающая реакция между хлором и водородом под воздействием достаточного количества солнечного или искусственного света (в видимой и ультрафиолетовой области спектра). Этот процесс носит название *фотохимической реакции* [33, 34].

В некоторых случаях фотоиницирование химических реакций приводит к взрыву их реагентов. Так, при воздействии УФ-излучения на смеси, содержащие свободный хлор, происходит фотодиссоциация молекул хлора и развитие радикально-цепной реакции, которая при интенсивном тепловыделении может привести к фототепловому взрыву и воспламенению реагирующей смеси¹³.

В связи с указанным целесообразно унифицировать определение источника за-

¹² Смелков Г.И. Экспериментальное исследование зажигания двухфазных пылевоздушных смесей искровыми разрядами: дис. ... кан. техн. наук. Москва, 1969. 209 с.

¹³ Никитин И.С. Фотовоспламенение газовых смесей хлорметана и хлора: автореф... дис. кан. хим. наук. Москва, 2019. 34 с.

жигания: *источник зажигания* – источник энергии, инициирующий возгорание пожароопасной среды.

При оценке возможности зажигания пожароопасных сред необходимо учитывать не только их пожаровзрывоопасные свойства и энергетические характеристики источника зажигания, но и условия их взаимодействия, а также особенности источника зажигания [18, 35–41].

Следует еще раз подчеркнуть, что восприятие экспертами приведенных в литературе показателей пожаровзрывоопасных свойств веществ и материалов как констант, независимых от условий их получения, приводит к принятию ошибочных решений [9, 23, 24, 32, 42]. В связи с этим грамотное использование этих показателей при анализе

причин пожаров возможно только при условии четкого представления о методике их исследования [42].

С учетом вышесказанного весьма важный в СПТЭ термин «причина пожара», на наш взгляд, может быть представлен двумя определениями:

1) *техническая причина пожара* – возгорание пожароопасной среды под действием источника зажигания или ее самовозгорание под действием источника самонагрева – теплового, химического или микробиологического импульса;

2) *организационно-техническая причина пожара и его последствий* – это факты нарушения НПА, находящиеся в причинно-следственной связи с возникновением, развитием и последствиями пожара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 3–16. <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-09/Toshchenko.pdf>
2. Рябов И.В., Монахов В.Т. Пожарно-техническая терминология по горению и пожарной опасности веществ (рекомендуемые термины). М.: ВНИИПО МВД СССР, 1969. 13 с.
3. Васильев М.С., Бородин Н.В. Терминологический словарь по пожарной безопасности. М.: ФГУ ВНИИПО, 2001. 226 с.
4. Словарь основных терминов судебных инженерно-технических экспертиз. М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1978. 74 с.
5. Криминалистика. Учебник / Под ред. И.Ф. Пanteleeва, Н.А. Селиванова. М.: Юрид. лит., 1993. 544 с.
6. Зернов С.И., Левин В.А. Пожарно-техническая экспертиза. М.: ВНКЦ МВД СССР, 1991. 79 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1991. 917 с.
8. Зернов С.И. Задачи пожарно-технической экспертизы и методы их решения. Учеб. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2001. 200 с.
9. Таубкин И.С. Судебная экспертиза техногенных взрывов. Монография. М.: Юрлитинформ, 2009. 592 с.
10. Таубкин И.С. Судебные пожарно-техническая и взрывотехническая экспертизы / Современные возможности судебных экспертиз (Методическое пособие для экспертов и следователей и судей) / Под ред. Ю.Г. Корухова. М.: РФЦСЭ, 2000. С. 236–260.
11. Таубкин И.С. Об использовании возможностей судебных пожарно- и взрывотехнических экспертиз в предупреждении пожаров и взрывов на промышленных объектах и транспорте / Экспертная техника. Вып. 99. Новые методы и методики исследования

REFERENCES

1. Toshchenko Zh.T. On the Sociology Conceptual Framework. *Sociological Studies*. 2002. No. 9. P. 3–16. (In Russ.). <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-09/Toshchenko.pdf>
2. Ryabov I.V., Monakhov V.T. *Fire Terminology on Combustion and Fire Hazard of Substances (Recommended Terms)*. Moscow: VNIPO MVD SSSR, 1969. 13 p. (In Russ.)
3. Vasil'ev M.S., Borodina N.V. *Dictionary of Terms on Fire Safety*. Moscow: FGU VNIPO, 2001. 226 p. (In Russ.)
4. *Dictionary of Basic Terms for Forensic Engineering*. Moscow: VNIIE MYu SSSR, 1978. 74 p. (In Russ.)
5. Panteleev I.F., Selivanov N.A. (eds). *Criminalistics. Textbook*. Moscow: Yurid. lit., 1993. 544 p. (In Russ.)
6. Zernov S.I., Levin V.A. *Forensic Fire Investigation*. Moscow: VNKTs MVD SSSR, 1991. 79 p. (In Russ.)
7. Ozhegov S.I. *Dictionary of the Russian Language* / N.Yu. Shvedova (ed). 23rd ed. Moscow: Russkii yazyk, 1991. 917 p. (In Russ.)
8. Zernov S.I. *The Tasks of Fire Forensics and Methods for Addressing Them. Textbook*. Moscow: EKTs MVD Rossii, 2001. 200 p. (In Russ.)
9. Taubkin I.S. *Forensic Investigation of Technogenic Explosions. Monograph*. Moscow: YurLitinform, 2009. 592 p. (In Russ.)
10. Taubkin I.S. Forensic Fire and Explosion Investigations. *Contemporary Capacities of Forensic Examinations (Methodical Guide for Experts and Investigators and Judges)* / Yu.G. Korukhov (ed). Moscow: RFCFS, 2000. P. 236–260. (In Russ.)
11. Taubkin I.S. On the Harnessing the Potential of Forensic Fire and Explosion Investigations in Preventing Arsons and Explosions on Industrial Sites and Transport. *Expert Technique. Issue 99. New Methods and Techniques for*

- объектов судебных инженерно-технических экспертиз. М.: ВНИИСЭ. 1987. С. 65–69.
12. Таубкин И.С. Пожарно- и взрывотехническая экспертиза. Предмет, классификация, объекты и задачи // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях. 1994. №. 1. С. 44–87.
 13. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. 656 с.
 14. Баратов А.Н., Пчелинцев В.А. Пожарная безопасность. М.: АСВ, 1997. 176 с.
 15. Таубкин С.И. Горючесть целлюлозных материалов / Вопросы пожарной профилактики и пожаротушения. Инф. сб. М.: МКХ РСФСР, 1956. С. 3–50.
 16. Таубкин С.И., Баратов А.Н., Никитина Н.С. Справочник пожароопасности твердых веществ и материалов. М.: МКХ РСФСР, 1961. 142 с.
 17. Таубкин С.И. Основы огнезащиты целлюлозных материалов. М.: МКХ РСФСР, 1960. 347 с.
 18. Таубкин И.С. Поджог. Мотивы. Признаки, способы и средства. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2017. 324 с.
 19. Таубкин И.С. Микробиологическое самовозгорание как причина пожаров. Методические рекомендации следователям и экспертам // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 4 (44). С. 73–85.
 20. Словарь иностранных слов / Под. ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова, Л.С. Шаумяна. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1964. 784 с.
 21. Баум Ф.А., Станюкович К.П., Шехтер Б.И. Физика взрыва. М.: Физматгиз, 1958. 800 с.
 22. Пожарная безопасность. Энциклопедия. 4-е изд. М.: ВНИИПО МЧС России, 2015. 576 с.
 23. Таубкин С.И., Таубкин И.С. Пожаро- и взрывоопасность пылевидных материалов и технологических процессов их переработки. М.: Химия, 1976. 264 с.
 24. Монахов В.Т. Методы исследования пожарной опасности веществ. М.: Химия, 1972. 414 с.
 25. Монахов В.Т. Показатели пожарной опасности веществ и материалов. Анализ и предсказание. Газы и жидкости. М.: ФГУ ВНИИПО МЧС России, 2007. 248 с.
 26. Годжелло М.Г., Коршак З.В. К вопросу оценки пожарной опасности горючих жидкостей / Химические средства тушения пожаров и профилактика. Информ. сборник. М.: МКХ РСФСР, 1954. С. 44–60.
 27. Сучков В.П. Пожарная безопасность при хранении легковоспламеняющихся и горючих жидкостей на промышленных предприятиях. М.: Стройиздат, 1985. 97 с.
 28. Рябов И.В., Веревкин В.Н., Горшков В.И. и др. Пожарно-техническая терминология по статическому электричеству (Проект). М.: [б. и.], 1971. 29 с.
 - Research of Objects of Forensic Engineering. Moscow: VNIISE. 1987. P. 65–69. (In Russ.)
 12. Taubkin I.S. Forensic Fire and Explosion Investigations. *Subject, Classification, Objects and Tasks. Issue 1. Safety Problems in Emergencies*. 1994. No. 1. P. 44–87. (In Russ.)
 13. Rossinskaya E.R. *Forensic Expertise in Civil, Arbitration, Administrative and Criminal Proceedings*. Moscow: Norma, 2005. 656 p. (In Russ.)
 14. Baratov A.N., Pchelintsev V.A. *Fire Safety*. Moscow: ASV, 1997. 176 p. (In Russ.)
 15. Taubkin S.I. Combustibility of Cellulose Materials. *The Issues of Fire Prevention and Firefighting: Information Kit*. Moscow: MKKh RSFSR, 1956. P. 3–50. (In Russ.)
 16. Taubkin S.I., Baratov A.N., Nikitina N.S. *Fire Hazard Guide for Solid Substances and Material*. Moscow: MKKh RSFSR, 1961. 142 p. (In Russ.)
 17. Taubkin S.I. *The Basics of Fire Protection of Cellulose Materials*. Moscow: MKKh RSFSR, 1960. 347 p. (In Russ.)
 18. Taubkin I.S. *Arson. Motives. Indications, Ways and Means*. Moscow: RFCFS, 2017. 324 p. (In Russ.)
 19. Taubkin I.S. Microbiological Self-Ignition as a Cause of Fire: Guidelines for Investigators and Forensic Examiners. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2016. No. 4 (44). P. 73–85. (In Russ.)
 20. Lekhin I.V., Lokshina S.M., Petrov F.N., Shaumyan L.S. (eds). *Dictionary of Foreign Words*. 6th ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964. 784 p. (In Russ.)
 21. Baum F.A., Stanyukovich K.P., Shekhter B.I. *The Physics of an Explosion*. Moscow: Fizmatgiz, 1958. 800 p. (In Russ.)
 22. *Fire Safety. Encyclopedia*. 4th ed. Moscow: VNI-IPO MChS Rossii, 2015. 576 p. (In Russ.)
 23. Taubkin S.I., Taubkin I.S. *Fire and Explosion Hazard of Dusty Materials and Their Recycling Processes*. Moscow: Khimiya, 1976. 264 p. (In Russ.)
 24. Monakhov V.T. *The Methods of Research for Substances' Fire Hazard*. Moscow: Khimiya, 1972. 414 p. (In Russ.)
 25. Monakhov V.T. *The Rates of Fire Hazard for Substances and Materials. Analysis and Prediction. Gases and Liquids*. Moscow: FGU VNIPO MChS Rossii, 2007. 248 p. (In Russ.)
 26. Godzhello M.G., Korshak Z.V. On the Issue of Assessment of Fire Risks of Inflammable Liquids. *Information Kit TsNIPO. Fire-Fighting Chemicals and Prevention*. Moscow: MKKh RSFSR, 1954. P. 44–60. (In Russ.)
 27. Suchkov V.P. *Fire Safety in Storage of Highly Inflammable and Inflammable Liquids in Industrial Sites*. Moscow: Stroizdat, 1985. 97 p. (In Russ.)
 28. Ryabov I.V., Verevkin V.N., Gorshkov V.I., et. al. *Fire Terminology on Static Electricity (Project)*. Moscow, 1971. 29 p. (In Russ.)

29. Розловский А.И. Научные основы техники взрывобезопасности при работе с горючими газами и парами. М.: Химия, 1972. 368 с.
29. Rozlovskii A.I. *Scientific Framework of Explosive Safety When Working with Combustible Gases and Vapors*. Moscow: Khimiya, 1972. 368 p. (In Russ.)
30. Таубкин И.С., Кармазинов Н.М., Малинин С.Е., Дубнов Л.В. Об опасности электризации граммонитов при пневмозаряжении шпуров и скважин / Совершенствование промышленных взрывчатых веществ и методов их применения. Сб. статей / Под ред. Н.С. Бахревич М.: Недра, 1978. С. 221–228.
30. Taubkin I.S., Karmazinov N.M., Malinin S.E., Dubnov L.V. On the Risk of Electrifying of Grammonites During Pneumatic Loading of Boreholes and Wells. Bakhrevitch N.S. (ed). *Development of Industrial Explosive Substances and Methods for Their Application. Collection of Scientific Works* / Moscow: Nedra, 1978. P. 221–228. (In Russ.)
31. Таубкин И.С. Пожаровзрывобезопасность автомобильных сливно-наливных эстакад и экспертный анализ нормативно-технических документов, ее регламентирующих. М.: РФЦСЭ, 1999. 76 с.
31. Taubkin I.S. *Fire and Explosive Safety of Automobile Loading and Unloading Racks and Expert Analysis of Its Regulatory and Technical Documentation*. Moscow: RFCFS, 1999. 76 p. (In Russ.)
32. Таубкин С.И. Пожар и взрыв, особенности их экспертизы. М.: ВНИИПО МЧС России, 1999. 600 с.
32. Taubkin S.I. *Fire and Explosions, Features of Their Examination*. Moscow: VNIPO MChS Rossii, 1999. 600 p. (In Russ.)
33. Wayne R.P. Principles and Application of Photochemistry. Oxford: Oxford University Press, 1988. 280 p.
33. Wayne R.P. *Principles and Application of Photochemistry*. Oxford: Oxford University Press, 1988. 280 p.
34. Freemantle M. Chemistry in Action. London: Palgrave, 1987. 886 p.
34. Freemantle M. *Chemistry in Action*. London: Palgrave, 1987. 886 p.
35. Таубкин И.С., Евтushенко А.Н., Сухов А.В. О воспламенении углеводородных топлив на нагретых поверхностях // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2004. № 2. С. 104–113.
35. Taubkin I.S., Evtushenko A.N., Sukhov A.V. On the Ignition of Hydrocarbon Fuels on Heated Surfaces. *Safety and Emergencies Problems*. 2004. No. 2. P. 104–113. (In Russ.)
36. Таубкин И.С., Рудакова Т.А., Сухов А.В. О пожарной опасности табачных изделий // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. 2009. № 4. С. 45–48.
36. Taubkin I.S., Rudakova T.A., Sukhov A.V. About Fire Danger of Tobacco Products. *Safety and Emergencies Problems*. 2009. No. 4. P. 45–48. (In Russ.)
37. Таубкин И.С. О недостатках технических регламентов и стандартов, определяющих выбор электрооборудования для работы в дисперсных средах // Безопасность труда в промышленности. 2012. № 2. С. 44–53.
37. Taubkin I.S. On the Drawbacks of Technical Regulations and Standards Determining the Choice of Electrical Equipment for Work in Disperse Media. *Occupational Safety in Industry*. 2012. No. 2. P. 44–53. (In Russ.)
38. Таубкин И.С. О допустимых значениях температуры оболочек электрооборудования, применяемого в среде горючих дисперсных веществ и материалов // Безопасность труда в промышленности. 2011. № 10. С. 52–57.
38. Taubkin I.S. On the Permissible Values of Temperature on the Shells of Electrical Equipment Used in the Environment of Inflammable Disperse Substances and Materials. *Occupational Safety in Industry*. 2011. No. 10. P. 52–57. (In Russ.)
39. Таубкин И.С. Определение допустимой температуры оболочек электрооборудования, применяемого в среде дисперсных веществ и материалов. Методические рекомендации // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 1 (25). С. 116–123.
39. Taubkin I.S. Determination of Allowable Temperature of Shell of the Electric Equipment Used in the Environment of Disperse Substances and Materials. Methodical Recommendations. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2012. No. 1 (25). P. 116–123. (In Russ.)
40. Таубкин И.С., Булочников Н.М., Гуденко А.С. Об опасности воздействия разряда молнии на крыши резервуаров с нефтепродуктами // Нефтегазовые технологии. 2012. № 9. С. 72–76.
40. Taubkin I.S., Bulochnikov N.M., Gudenko A.S. On the Danger of Lightning Discharge on the Roofs of Tanks with Oil Products. *Hydrocarbon Processing*. 2012. No. 9. P. 72–76. (In Russ.)
41. Таубкин И.С. Влияние фитильного эффекта на условия зажигания и самовозгорания жидкостей: методические рекомендации для экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 1. С. 40–47. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2017-12-1-40-47>
41. Taubkin I.S. The Wick Effect and Its Impact on Ignition Conditions for Liquid and Solid Organic Substances: Methodological Recommendations for Forensic Practitioners. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 40–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2017-12-1-40-47>
42. Таубкин И.С. О повышении качества судебных пожарно-технических экспертиз
42. Taubkin I.S. On Improvement of the Quality of Forensic Fire Investigations. *Theory and*

// Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 4. С. 98–116. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-98-116>

Practice of Forensic Science. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 98–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-4-98-116>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тaubкин Игорь Соломонович – к. т. н., главный научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения производства судебной экспертизы в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России; e-mail: onmo@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Taubkin Igor' Solomonovich – Candidate of Engineering, Principal Researcher of the Forensic Research Methodology Department in the system of forensic institutions of the Russian Ministry of Justice; e-mail: onmo@sudexpert.ru

Статья поступила: 27.06.2020

После доработки: 21.07.2020

Принята к печати: 15.08.2020

Received: June 27, 2020

Revised: July 21, 2020

Accepted: August 15, 2020

Современные возможности судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании различных видов преступлений

Д.В. Завьялова

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
Москва 125993, Россия

Аннотация. В статье проанализированы современное состояние судебной компьютерно-технической экспертизы, ее место и потенциал в расследовании различных преступлений с «компьютерным» элементом. Кратко представлены исторический обзор становления судебной компьютерно-технической экспертизы как самостоятельного рода судебных экспертиз и ее теоретические основы.

Проведено обобщение практики лаборатории судебной компьютерно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России за 2017–2019 годы. Рассмотрены вопросы, которые чаще всего ставятся перед экспертами при назначении судебных компьютерно-технических экспертиз, процентное соотношение категорий дел, по которым назначаются такие экспертизы, наиболее распространенные объекты, экспертные выводы, их форма и полнота. По итогам обобщения выделены основные запросы следственных органов и судов к экспертным компьютерно-техническим исследованиям, а также типичные ошибки при назначении таких экспертиз.

Автор прогнозирует возможное развитие судебной компьютерно-технической экспертизы и предлагает стратегии и меры по минимизации ошибок и нерационального расходования средств при ее назначении и производстве.

Ключевые слова: *судебная компьютерно-техническая экспертиза, киберпреступления, компьютерные преступления, преступления в сфере компьютерной информации, преступления в сфере информационных технологий, вредоносное программное обеспечение, ошибки при назначении экспертизы*

Для цитирования: Завьялова Д.А. Современные возможности судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании различных видов преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 89–97. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-89-97>

Current Capacities of Digital Forensics for Investigations of Different Types of Crimes

Dar'ya V. Zav'yalova

Kutafin Moscow State Law University, Moscow 125993, Russia

Abstract. The article focuses on the present state of digital forensics and its potential when investigating different types of crimes with a “digital” element. It also presents a brief historical overview of the development of digital forensics as an independent type of forensic examination, its theoretical framework.

The paper presents a summary of the practice of the Laboratory of Digital Forensics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice over 2017–2019. In the course of the summary, the author analyses typical questions to experts, the percentage of cases' categories, the most common objects of the expertise, and experts' opinions, their form, and completeness. Following the summary's results, the most frequent investigators' requests for this kind of examination have been highlighted. Also, typical errors at appointing the expertise have been revealed.

The author presents a prognosis for the further development of digital forensics and proposes strategies and measures to minimize the errors at the appointment of the examinations and unsustainable expenditure of resources in appointment and conduct of this type of research.

Keywords: *digital forensics, cybercrimes, computer crimes, IT crimes, malware, errors at appointing an expertise*

For citation: Zav'yalova D.V. Current Capacities of Digital Forensics for Investigations of Different Types of Crimes. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 89–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-89-97>

Введение

За последние 25 лет информационные технологии внесли значительные изменения во все сферы жизни общества. Однако 2020 год стал, безусловно, поворотным моментом не только в повсеместном распространении информационных технологий, но и в их непосредственном внедрении в бизнес, юридические и социальные процессы.

Не будет преувеличением сказать, что пандемия Covid-19 послужила импульсом, запустившим давно назревавшие технологические и социальные изменения. Если раньше у законодателей, работодателей и рядовых граждан еще оставались вопросы относительно того, какую роль непосредственно в их жизни играют информационные технологии (ИТ), то сейчас их нет. Для всех уже очевидно, что Интернет, ИТ, дистанционные форматы деятельности и прочие последствия «прорастания» Сети и ИТ в нашу жизнь – реальность.

Пандемия коронавируса показала, как быстро могут сложиться новые методы онлайн-деятельности, когда меняется социальный контекст и разрушается привычная рутина [1]. Новая реальность проявляет себя на всех уровнях: от введения электронного документооборота в области трудового права, гражданского оборота, налоговых отношений, следствия и судопроизводства¹ до цифровизации системы госзакупок [2].

В 1987 году Р.С. Белкин определил предмет криминалистики как «специфическую группу объективных закономерностей действительности, методы и средства их познания и использования результатов этого познания в уголовном судопроизводстве» [3]. В связи с радикальными изменениями нашей действительности перед криминалистикой ставится задача выявления и познания ее новых объективных закономерностей, без чего невозможна борьба с новыми видами преступности. Судебно-экспертные исследования, их теоретическое и методологическое обеспечение – неотъемлемая часть этого процесса.

С одной стороны, новые площадки и форматы дистанционного обучения, работы и управления вовлекают огромное количество людей, которые ранее избегали,

скажем так, жизнеобеспечивающего ежедневного контакта с информационными технологиями, сводя такое взаимодействие к минимуму, воспринимая ИТ как развлечение или вспомогательный рабочий инструмент. Именно эти люди максимально уязвимы перед киберпреступностью, так как большинство из них обладает низкой технической грамотностью даже на бытовом уровне, и вынужденная вовлеченность в «сетевые» процессы и отношения ставит под удар в первую очередь их финансы и персональные данные. С другой стороны, уровень безопасности самих платформ и сетей может быть довольно низок, что неизбежно привлекает киберпреступников.

По данным за 2018 год, стоимость ущерба от киберпреступлений в развитых странах выросла в среднем на 22,7 % [4]. Согласно данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, число киберпреступлений в России в 2019–2020 гг. также выросло². Можно предположить, что одним из последствий углубления и ускорения цифровизации станет рост компьютерной преступности и, как следствие, проведения исследований в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ).

Цель работы

Цель данного исследования – рассмотреть становление, современное состояние, проблемы и перспективы развития СКТЭ, а также дать практические рекомендации для следователей по наиболее эффективному использованию возможностей, предоставляемых СКТЭ, в ходе расследования дел различных категорий.

Кроме того, одной из задач данной работы было обобщение экспертной практики лаборатории судебной компьютерно-технической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (далее – РФЦСЭ) с целью рассмотрения практического применения теоретических положений СКТЭ.

Краткая история возникновения СКТЭ

Судебная компьютерно-техническая экспертиза – самостоятельный род судебных экспертиз, относящийся к классу инженерно-технических экспертиз, проводимых в том числе в целях всестороннего исследования информации, получаемой с электрон-

¹ Обзор: «В ТК РФ хотят закрепить правила электронного обмена кадровыми документами». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327513/; Обзор: «Правила дистанционной работы могут обновить». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355063/63125e835439d4ab1fa3e2dc27e7f4048813a02b/ (дата обращения: 22.07.2020).

² Генеральная прокуратура Российской Федерации. <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 22.07.2020).

ных носителей [5, с. 5]. Потребность в этом роде судебных экспертиз возникла около 20 лет назад в связи с развитием информационных технологий в обществе.

На заре ЭВМ, в конце 50-х – начале 60-х годов, вычислительные машины были очень массивны, дороги и доступны только крупным государственным предприятиям. Однако уже к 70-м ситуация кардинально изменилась. Появление персональных компьютеров, начало использования ЭВМ в бизнесе, а затем и их выпуск на потребительский рынок стали не только прорывом в контексте новых, непревзойденных возможностей для работы, творчества, управления и прочих видов созидательной деятельности, но и основой зарождения киберпреступности.

В 1976 году в Страсбурге состоялась конференция Совета Европы по криминологическим аспектам экономических преступлений, где было выделено несколько категорий компьютерных преступлений, включая мошенничество [6, с. 494].

В 1977 году в США впервые обсуждался законодательный акт, регулирующий компьютерные системы³, и в нем мошеннические и другие противозаконные действия, совершенные с помощью компьютера, рассматривались как федеральное преступление [6, с. 496]. В тот момент законопроект не был принят, но эта инициатива показала, что проблема киберпреступности вызывала беспокойство на законодательном уровне в некоторых государствах уже тогда. Вполне ожидаемо, что в следующем, 1978, году в штате Флорида был принят первый закон, регулирующий непосредственно компьютерные преступления (Florida Computer Crimes Act of 1978)⁴.

К 1980-м годам по всему миру совершалось все больше и больше компьютерных преступлений. В 1979 г. Интерпол признал эту проблему глобальной [6, с. 495]. При раскрытии такого рода преступлений стали широко использовать цифровые доказательства, в основном компьютеры и дискеты. И здесь впервые правоохранители столкнулись с существенной особенностью новых объектов. Помимо вещественных доказательств в виде материальных предметов (компьютеров, дискет и др.), объектами

исследования стали и нематериальные объекты, такие как программные продукты и собственно информация в различных проявлениях, а не только ее носители [7].

Необходимость расшифровать материальный носитель, дать возможность представить в деле содержащуюся на нем информацию как допустимое доказательство способствовала развитию судебной компьютерно-технической экспертизы. Важно, что становление нового вида экспертиз носило спонтанный характер.

Нередко новая специальность появляется как результат дифференциации или интеграции знания. Но в данном случае стихийное развитие информационных технологий привело к тому, что практика определила теорию, и ее требования заставили действовать *ad hoc*, без проведения серьезных научных изысканий, что стало общемировой тенденцией [6, с. 497; 7]. Несмотря на это, качество судебных экспертиз даже на ранних этапах в российских экспертных подразделениях оказалось довольно высоким.

Изначально для проведения подобного рода исследований приглашались специалисты по экспертизе электронных приборов. Однако ресурсы (материальные, кадровые, методические) были ограничены и не удовлетворяли потребности практики. В скором времени на базе различных ведомств стали создаваться специализированные экспертные подразделения.

Впервые о необходимости создания и государственной поддержки экспертных учреждений для производства компьютерных экспертиз в России было заявлено в рамках Плана мероприятий по реализации Коммюнике и Плана действий министерств юстиции и внутренних дел стран «восьмерки» от 10 декабря 1997 г.⁵ После этого остро встал вопрос о разработке научной и законодательной базы нового рода экспертиз. В связи с этим 22 октября 1999 г. Правительство РФ издало распоряжение об усилении борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий и реализации международных договоренностей и обязательств Российской Федерации⁶, которое содержа-

⁵ Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: автореф. дис. ... док. юрид. наук. Москва, 2002. 41 с.

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.10.1999 № 1701-р «О мерах по усилению борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=211873#01513461363903884> (дата обращения: 22.07.2020).

³ Bill S.1766 – Federal Computer Systems Protection Act. <https://www.congress.gov/bill/95th-congress/senate-bill/1766> (дата обращения: 22.07.2020).

⁴ <https://fall.law.fsu.edu/collection/FISumGenLeg/FISumGenLeg1978.pdf> (дата обращения: 22.07.2020).

ло прямое предписание МВД России, ФСБ, Министерству юстиции изучить вопрос о состоянии судебных экспертиз и исследований в сфере информационных технологий и выработать соответствующие предложения⁵. В результате на базе ЭКЦ МВД России был создан отдел компьютерных экспертиз и технологий и научно-исследовательская лаборатория, где разрабатывали перспективные направления развития этого рода экспертиз и их методические основы [8].

В апреле 2003 года в РФЦСЭ была учреждена специализированная лаборатория судебной компьютерно-технической экспертизы и информационных технологий. В том же году в перечне родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, появилась данная экспертиза и соответствующая экспертная специальность 21.1 – «Исследование информационных компьютерных средств»⁷.

Таким образом, к началу XXI века в главных экспертных центрах страны стала формироваться практическая и научная база для дальнейшей разработки компьютерно-технической экспертизы, но даже относительно ее названия согласие не было достигнуто сразу. Так, можно было встретить следующие названия: судебная компьютерно-техническая экспертиза, компьютерная экспертиза, информационно-аналитическая техническая экспертиза, экспертиза электронно-вычислительной техники и ее комплексуемых [8]. Такой разброс в названиях создал не только технические трудности и путаницу, но и обусловил разные подходы к формулированию задач экспертизы, ее предмета, объектов. Это в свою очередь привело к проблеме признания допустимости выводов некоторых экспертиз в качестве доказательств в суде.

Отметим, что терминологическая несогласованность в области СКТЭ, децентрализация ведомств и стандартов, связанных с этой экспертизой, потребность в их гармонизации и унификации характерны не только для нашей страны, но являются общемировыми проблемами [9].

В 1996 году в своей монографии Е.Р. Росинская отметила формирование нового рода судебных экспертиз – компьютерно-технических [10]. Это название вошло в перечень Министерства юстиции и сегодня

общепринято, хотя в системе МВД сохраняется название «компьютерная экспертиза».

Основные теоретические положения СКТЭ

Родовой предмет СКТЭ – факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей разработки и эксплуатации компьютерных средств, обеспечивающих реализацию информационных процессов, которые зафиксированы в материалах уголовного или гражданского дела, дела об административном правонарушении. *Видовая классификация СКТЭ* основана на компонентах, обеспечивающих функционирование любого компьютерного средства (аппаратном (техническом), программном, информационном) [10].

В СКТЭ выделяют *аппаратно-компьютерную, программно-компьютерную, информационно-компьютерную, компьютерно-сетевую* экспертизы. Кроме того, выделяют *судебную телематическую экспертизу*, предметом которой являются фактические данные, устанавливаемые на основе применения специальных знаний при исследовании средств телекоммуникаций и подвижной связи как материальных носителей информации о факте или событии, имеющем отношение к расследуемому делу [11, с. 389].

Каждый из представленных видов экспертизы позволяет решить комплекс идентификационных и диагностических задач. Однако современная практика показывает, что при производстве большинства экспертиз все обозначенные выше виды СКТЭ применяются комплексно и чаще всего последовательно [12, с. 484]. Это видно и по структуре экспертных заключений по конкретным делам, которые включают и внешний осмотр аппаратной части компьютерного оборудования, и программное и информационное исследование, и исследование следов работы и «пребывания» в сети конкретного устройства. Поэтому в настоящие время в постановлениях о производстве судебной экспертизы указывают, как правило, не видовое наименование, а родовое: следственные органы и суды назначают судебную компьютерно-техническую экспертизу.

Обобщение экспертной практики

Поскольку на современном этапе развития общества компьютерный элемент может быть практически у любого преступления, осведомленность о возможностях СКТЭ, а также активное сотрудничество с

⁷ Приказ Минюста России от 14.05.2003 № 114 «Об утверждении Перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации...».

экспертом обязательны для следователя и обуславливают успешность его работы.

Из отзывов правоохранительных органов следует, что выводы судебных экспертов-компьютерщиков имеют высокую значимость для дела как оперативно-розыскную, так и доказательственную. Они позволяют:

- расшифровать закодированную информацию;
- обнаружить информацию, считавшуюся отсутствующей, утерянной или уничтоженной;
- восстановить механизм преступного события по информационным следам [13, с. 220];
- установить *modus operandi* преступника [1];
- установить общий источник происхождения данных и документов (в составе комплексного исследования) и ответить на многие другие вопросы, что способствует быстрому и эффективному построению и проверке следственных версий.

Стоит отметить важную особенность СКТЭ – возможность рассмотреть колоссальное количество доказательственной информации. Так, в ходе расследования дела об изнасиловании и убийстве 18-летней Кимберли Проктор (Kimberly Proctor) в городке Лэнгфорд в Британской Колумбии (Канада) полиция собрала и исследовала в рамках компьютерно-технической экспертизы эквивалент 1,4 миллиарда бумажных страниц доказательств, включая переписку преступников в «Фейсбуке», программах мгновенного обмена сообщениями, СМС, чатах онлайн-игр [6, с. 492]. Раскрытие этого дела было бы невозможным без современных возможностей СКТЭ.

Нами было проведено обобщение практики производства компьютерно-технических экспертиз по уголовным делам в РФЦСЭ, при этом рассмотрено более 300 экспертных наблюдательных производств за 2017–2019 годы на предмет:

- квалификации уголовного дела, по которому была назначена экспертиза;
- объектов экспертизы;
- вопросов, поставленных перед экспертом;
- методов и средств исследования;
- формы выводов эксперта, их соответствия поставленным вопросам и полноты.

По итогам обобщения можно сделать следующие выводы.

СКТЭ назначается практически по всем категориям уголовных дел (рис.), но больше всего – по делам о преступлениях в сфере экономики. На втором месте – преступления против личности, затем – против государственной власти. Наименьшее количество экспертиз было назначено по делам о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка, делам о преступлениях в сфере компьютерной информации и делам против конституционных прав и свобод граждан (как правило, это нарушение авторских прав).

Может показаться парадоксальным, что по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации за последние 3 года было проведено так мало экспертиз, однако ничего удивительного в этом нет. Дело в том, что тенденция снижения общего количества расследований дел о таких преступлениях в процентном соотношении на-

Рис. Процентное соотношение видов преступлений, по которым назначалась СКТЭ в 2017–2019 гг. в РФЦСЭ

Fig. The percentage of crime types for which a digital forensic research was appointed to the Russian Federal Centre of Forensic Science over 2017–2019

метилась уже давно. Так, по данным, приведенным в обзорной монографии по анализу киберпреступности, видно, что в 2010 году было зарегистрировано 8 669 преступлений в сфере компьютерной информации, из них раскрыто 4 832, а в 2014 году эти показатели составили 3 056 и 753 соответственно [14, с. 72–74]. Высокая латентность данной категории преступлений сохраняется до сих пор. По данным Генеральной прокуратуры РФ за 2018 год, только четверть от общего числа зарегистрированных компьютерных преступлений была раскрыта⁸. Таким образом, крайне низкое число экспертиз в области компьютерной информации за последние три года можно объяснить тем, что сравнительно небольшое количество дел о таких преступлениях становилось объектом грамотного и досконального расследования.

В то же время в 2019 году Генеральная прокуратура отметила тенденцию роста количества выявленных преступлений (+ 68,5 %), совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, по сравнению с предыдущим годом. Показатели предварительного следствия по закрытым делам этой категории на конец 2019 года также выросли (+ 50,4 %)⁹. В 2020 году эта тенденция сохраняется. Только за период январь – май 2020 года количество рассматриваемых преступлений возросло более чем на 85 %. Если годом ранее такими деяниями было каждое десятое регистрируемое преступление, то сегодня это уже каждое пятое. Больше половины из них (56,6 %) совершается с использованием сети Интернет (прирост по сравнению с предыдущим годом + 74,1 %, что составило 102,2 тыс. преступлений), свыше 40 % – при помощи средств мобильной связи (+ 99,7 %, 76,6 тыс.). Три четверти таких преступлений совершается путем кражи или мошенничества (+ 96,2 %, 143 тыс.), почти каждое десятое связано с незаконным производством, сбытом или пере-

сылкой наркотиков (+ 73,9 %, 17,1 тыс.)¹⁰. Такие показатели еще раз указывают на то, что востребованность исследований в рамках СКТЭ в ближайшее время будет только расти, и, вероятно, довольно резко.

Среди объектов судебной компьютерно-технической экспертизы первое место занимают мобильные телефоны, затем – ноутбуки и их жесткие диски, флеш-карты и планшеты. Реже – отдельные жесткие диски, серверы, системные блоки, АРМ¹¹, видеорегистраторы и другие устройства и носители информации.

С развитием информационных технологий для следователей начинают представлять интерес новые объекты, и велика вероятность, что вскоре по этим объектам потребуются отдельные методические разработки в рамках СКТЭ. В настоящий момент наибольший интерес представляют объекты IoT – Интернета вещей (разного рода «умная» техника промышленного и бытового применения) [15, с. 179], облачные сервисы хранения информации, 3D-принтеры и некоторые другие технологии производства и обработки информации (искусственный интеллект, машинное обучение, Big Data).

Развитие нанотехнологий и технологий географических информационных систем, сращивание нейротехнологий с микроэлектроникой, активное внедрение принципиально новых технологий свидетельствуют о важности совершенствования уже существующих и формирования новых направлений судебной компьютерно-технической экспертизы [8, с. 48].

СКТЭ назначаются в основном с целью поиска и исследования на объектах пользовательской информации, относящейся к делу. При этом в одном постановлении перед экспертом, как правило, ставится сразу ряд вопросов. К наиболее распространенным из них относятся следующие.

– Имеются ли на объекте пользовательские файлы (графические, текстовые, видео, аудио), в том числе среди удаленных? Возможно ли их восстановление? Были ли они как-то изменены?¹²

⁸ ТАСС: Генпрокуратура сообщила почти о двукратном росте числа киберпреступлений в РФ в 2018 году. 29.10.2018. <https://tass.ru/proisshestviya/5733551> (дата обращения: 22.07.2020).

⁹ Генеральная прокуратура РФ. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 года. Москва. 2019. С. 8. https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 22.07.2020).

¹⁰ Генеральная прокуратура РФ. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. Состояние преступности в России за январь – май 2020 года. Сборник на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС. Москва. 2020. С. 6. <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 22.07.2020).

¹¹ Автоматизированные рабочие места.

¹² Эти вопросы ставились перед судебными экспертами примерно в 60 % проанализированных исследований.

– Имеются ли на объекте файлы, содержащие ключевые слова «...»? Или файлы, содержащие значимую для дела информацию определенного характера (например, изображения обнаженных людей в делах о распространении порнографии или бухгалтерскую документацию в делах о мошенничестве)?¹³

– Всевозможные варианты запросов по выходу устройства в Интернет или работе в Сети: совершался ли выход в Интернет? На какие сайты совершался выход с устройства? В какое время совершался выход? Откуда совершался выход (включая запросы об IP-адресах)? Имеется ли история браузера? Производилось ли скачивание или передача файлов?¹³

Среди других вопросов, которые ставятся перед экспертами лаборатории СКТЭ в РФЦСЭ, можно выделить:

– Работоспособен ли объект, представленный на экспертизу?

– Имеется ли на объекте определенное программное обеспечение (ПО) (например, программы удаленного доступа, ПО для ведения бухгалтерского учета, вредоносное ПО и др.)?

– Возможно ли использовать объект с определенной целью? (для выхода в Интернет, пользования определенными информационными системами или базами данных, например 1С)?

– Какие пользовательские данные содержатся на объекте (учетные записи, логины, пароли и пр.)?

Всего около 2 % экспертиз назначались для выяснения соответствия ПО техническому заданию, закону.

По результатам обобщения экспертной практики можно отметить эффективность и высокий уровень проведенных компьютерно-технических экспертиз. Большинство выводов в заключениях экспертов даны в категорической форме. Вывод в форме НПВ (не представляется возможным ответить на поставленный вопрос) встречается только в 15 % случаев и, как правило, не связан с возможностями экспертизы. Невозможность ответить на поставленные перед экспертом вопросы была обусловлена одной из следующих причин:

а) непригодностью / неработоспособностью / критичным дефектом объекта;

б) отсутствием пароля от объекта, без которого невозможно его информационное

исследование или такое исследование становится нецелесообразным в силу того, что необходимо затратить необоснованное количество ресурсов на подбор пароля;

в) поставленные вопросы не входили в компетенцию эксперта.

Проведенное обобщение экспертной практики производства СКТЭ позволило выявить типичные ошибки, допускаемые при ее назначении, а также предложить рекомендации по их минимизации.

Компьютерно-техническая экспертиза – очень трудоемкий процесс. Ее производство занимает много времени, человеческих и технических ресурсов. Среднее время ожидания исполнения экспертизы для следователя или суда составляет около полугода. Поэтому при назначении такой экспертизы следователь должен быть максимально «экономным». Это относится к количеству и качеству объектов, их подготовленности к проведению экспертизы, к формулированию или выбору вопросов. Например, при назначении экспертизы следователям необходимо иметь первичное представление об устройстве и назначении различных объектов (телефона, ноутбука, роутера и пр.), что такое IP, MAC-номер, у каких объектов они есть и зачем и т. д. То есть следователь или лицо, назначающее экспертизу, должны обладать базовым уровнем технической грамотности, чтобы исключить некорректные и лишние вопросы при назначении экспертиз, предоставление непригодных объектов.

В случае разной природы объектов (например, телефон и компьютер) или их большого количества есть смысл назначать по каждому объекту (или по их небольшой однородной группе) отдельную экспертизу. Это значительно сокращает время исполнения, поскольку тогда можно задействовать разных экспертов, в том числе с разной специализацией. И такая тенденция наметилась с начала 2018 года: большое количество объектов в одних и тех же уголовных делах направляются на разные экспертизы (до 10 и более экспертиз различных объектов по одним и тем же уголовным делам).

Что касается наиболее популярных объектов (например, ноутбуков, телефонов, планшетов), то здесь необходимо разработать простые стандартные алгоритмы работы с ними, которые должны быть доведены до сведения следователей. Это поможет скорректировать обращение с потенциальными объектами СКТЭ, например можно ли

¹³ Подобные вопросы содержались примерно в 40 % исследований.

их включать, что делать, если здание было обесточено, как лучше организовать проведение следственного действия с учетом особенностей конкретной инфраструктуры и др.

Некоторые ошибки при подготовке объектов и назначении экспертизы могут не только повлиять на ее результаты, но и сделать исследование вовсе невозможным или значительно увеличить его сроки. Так, достаточно редко в постановлении о назначении экспертизы в отношении мобильного телефона (смартфона) указывается разрешение на внесение изменений в данные объекта. Без него эксперт даже не может включить телефон, поскольку это ведет к изменению его данных. Самостоятельное же внесение изменений в свойства объекта запрещено эксперту положениями ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹⁴. В итоге эксперт вынужден ходатайствовать перед следователем о даче соответствующего разрешения, что ведет к затягиванию сроков экспертного исследования в условиях дефицита времени предварительного следствия.

Общее же правило работы с объектами – не включать, не производить никаких манипуляций непосредственно с объектом, не исследовать его самому.

Наконец, определение задания и формулировка вопросов – чрезвычайно важный этап назначения экспертизы. Вопрос – ос-

новой ориентир для эксперта, от которого зависит, например, выбор методики исследования. Поэтому не следует включать дополнительные вопросы «на всякий случай» или перечислять все вопросы по списку из справочника, так как это увеличивает время производства экспертизы и ведет к нерациональному расходованию ресурсов.

Залог успешного проведения экспертизы в разумные сроки – взаимодействие следователя и эксперта на каждом этапе работы: от формулирования вопросов для назначения экспертизы до разъяснения выводов эксперта. Именно поэтому так важен контакт и сотрудничество между представителями различных ведомств на всех уровнях.

Заклучение

Подводя итоги, необходимо еще раз отметить, что компьютерно-техническая экспертиза обладает огромным потенциалом в разрешении самых разных уголовных дел и ее значение в ближайшем будущем будет только расти.

Исследование практики лаборатории СКТЭ РФЦСЭ показало, что в настоящее время там проводится колоссальная и эффективная работа. Однако в связи с изменяющимися социальными и техническими условиями в скором времени можно ожидать роста нагрузки на экспертов-специалистов по СКТЭ, а также недостаточности методической поддержки в силу появления значительного массива новых объектов. Эти вопросы и каждый из объектов нуждаются в отдельных подробных и предметных исследованиях.

¹⁴ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 27.06.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ribaux O., Souvignet T.R. "Hello Are You Available?" Dealing with Online Frauds and the Role of Forensic Science // *Forensic Science International: Digital Investigation*. 2020. Vol. 33. P. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2020.300978>
2. Камнева К. Пандемия подстегнула цифровизацию российской системы госзакупок // *Российская газета*. 21.07.2020. <https://rg.ru/2020/07/21/pandemiia-podstegnula-cifrovizaciiu-rossijskoj-sistemy-goszakupok.html>
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М.: Юрид. лит., 1987. 272 с.
4. Broadhead S. The Contemporary Cybercrime Ecosystem: A Multi-Disciplinary Overview of the State of Affairs and Developments // *Computer Law & Security Review*. 2018. Vol. 34. P. 1180–1196.

REFERENCES

1. Ribaux O., Souvignet T.R. "Hello Are You Available?" Dealing with Online Frauds and the Role of Forensic Science. *Forensic Science International: Digital Investigation*. 2020. Vol. 33. P. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2020.300978>
2. Kamneva K. The Pandemic Has Spurred the Digitization of Russia's Public Procurement System. *Russian Newspaper*. 21.07.2020. (In Russ.). <https://rg.ru/2020/07/21/pandemiia-podstegnula-cifrovizaciiu-rossijskoj-sistemy-goszakupok.html>
3. Belkin R.S. *Criminalistics: Problems, Trends, Perspectives. General and Special Theories*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1987. 272 p. (In Russ.)
4. Broadhead S. The Contemporary Cybercrime Ecosystem: A Multi-Disciplinary Overview of the State of Affairs and Developments. *Computer Law & Security Review*. 2018. Vol. 34. P. 1180–1196.

5. Зубаха В.С., Усов А.И., Саенко Г.В., Волков Г.А., Белый С.А., Семикаленова А.И. Общие положения по назначению и производству компьютерно-технической экспертизы. Метод. рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2001. 72 с.
 6. Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C. *Cybercrime and Digital Forensics*. 2nd ed. London: Routledge, 2017. 754 p. <https://doi.org/10.4324/9781315296975>
 7. Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: становление, развитие, методическое обеспечение // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 3 (11). С. 10–22.
 8. Дёмин К.Е. О проблемах судебной компьютерно-технической экспертизы и путях их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 46–48.
 9. Horsman G. Opinion: Does the Field of Digital Forensics Have a Consistency Problem? // *Forensic Science International: Digital Investigation*. 2020. Vol. 33. P. 1–5. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2020.300970>
 10. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. М.: Право и Закон, 1996. 224 с.
 11. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М.: Проспект, 2019. 464 с.
 12. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 576 с.
 13. Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. 1. М.: Эком, 2012. 656 с.
 14. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ. Монография / Под ред. И.Г. Смирновой. М.: Юрлитинформ, 2016. 312 с.
 15. Gilchrist A. *Industry 4.0*. New York: Apress, 2016. 250 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4842-2047-4>
5. Zubakha V.S., Usov A.I., Saenko G.V., Volkov G.A., Belyi S.A., Semikalenova A.I. *General Terms on the Appointment and Conduct of a Forensic Digital Investigation. Methodological Recommendations*. Moscow: State Forensic Centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 72 p. (In Russ.)
 6. Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C. *Cybercrime and Digital Forensics*. 2nd ed. London: Routledge, 2017. 754 p. <https://doi.org/10.4324/9781315296975>
 7. Usov A.I. Forensic Digital Investigation: Formation, Development, Methodological Support. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2008. No. 3 (11). P. 10–22. (In Russ.)
 8. Demin K.E. About the Problems of the Judicial Computer Forensic and Technical Expertise and Their Solutions. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii*. 2017. No. 2. P. 46–48. (In Russ.)
 9. Horsman G. Opinion: Does the Field of Digital Forensics Have a Consistency Problem? *Forensic Science International: Digital Investigation*. 2020. Vol. 33. P. 1–5. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2020.300970>
 10. Rossinskaya E.R. *Forensic Examination in Criminal, Civil and Arbitration Procedure*. Moscow: Pravo i Zakon, 1996. 224 p. (In Russ.)
 11. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. *A Judge's Handbook. Forensic Expertise*. Moscow: Prospekt, 2019. 464 p. (In Russ.)
 12. Rossinskaya E.R. *Forensic Examination in Criminal, Civil and Arbitration Procedure*. Moscow: Norma: Infra-M, 2011. 576 p. (In Russ.)
 13. Smirnova S.A. *Challenges of the Time and Expert Technologies of Law Enforcement. Multimodal Issue "Forensic Expertise: Reboot". Part I*. Moscow: Ekom, 2012. 656 p. (In Russ.)
 14. Smirnova I.G. (ed). *Cybercrime: Criminological, Penal, Procedural and Forensic Analysis. Monograph*. Moscow: YurLitinform, 2016. 312 p. (In Russ.)
 15. Gilchrist A. *Industry 4.0*. New York: Apress, 2016. 250 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-4842-2047-4>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Завьялова Дарья Владимировна – аспирант кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); e-mail: dariazav@mail.ru

Статья поступила: 25.06.2020
После доработки: 30.07.2020
Принята к печати: 10.08.2020

ABOUT THE AUTHOR

Zav'yalova Dar'ya Vladimirovna – postgraduate student of the Criminalistics Department Kutafin Moscow State Law University (MSAL); e-mail: dariazav@mail.ru

Received: June 25, 2020
Revised: July 30, 2020
Accepted: August 10, 2020

Формирование судебной экспертизы интеллектуальной собственности в системе Минюста России

А.С. Савенко^{1,2,3}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва 117198, Россия

³ ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва 105005, Россия

Аннотация. В статье анализируется нормативно-правовое регулирование производства судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности, в частности порядок назначения судебных экспертиз товарных знаков и знаков обслуживания. Рассмотрен вопрос о необходимости специальных знаний для проведения подобных экспертиз, проанализирована действующая судебно-экспертная практика в этой сфере. Отмечено, что в сложных случаях судебную экспертизу товарных знаков и знаков обслуживания необходимо проводить в рамках комплексной экспертизы. Данная экспертиза должна включать проведение социологического исследования.

Показано, что обучение в системе Минюста России государственных судебных экспертов теоретическим и методическим основам производства экспертизы объектов интеллектуальной собственности, в том числе с целью определения их стоимости, позволит получить в полной мере компетентных, беспристрастных и независимых экспертов и специалистов в этой области. Предложено выделить и внести в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, новый род судебных экспертиз - экспертизу объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: *судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности, товарные знаки, специальные знания*

Для цитирования: Савенко А.С. Формирование судебной экспертизы интеллектуальной собственности в системе Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 98–105. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-98-105>

Formation of Intellectual Property Forensics in the System of the Russian Ministry of Justice

Anton S. Savenko^{1,2,3}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia, Moscow 117198, Russia

³ Bauman Moscow State Technical University, Moscow 105055, Russia

Abstract. The article analyses legal regulations of a forensic investigation into intellectual property objects regarding the appointment of examinations of trademarks and service marks. The matter of necessity of specialized knowledge to conduct such investigations is addressed as well as current expert and judicial practice in this field. The author notes that forensic analysis of trade and service marks should be carried out as a part of a comprehensive examination in complex cases. The investigation should also include a sociological study.

It is shown that the training of state forensic experts in the Russian Ministry of Justice system for intellectual property forensics, among other things to assess its value, will provide fully competent, unbiased, and independent experts and specialists in the field. The author proposes acknowledging and adding to the List of types of forensic examinations conducted in the Federal budget forensic institutions of the Russian Ministry of Justice the new type of forensic examinations – “Intellectual Property Forensics”.

Keywords: *intellectual property forensics, trademarks, specialized knowledge*

For citation: Savenko A.S. Formation of Intellectual Property Forensics in the System of the Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 98–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-98-105>

Введение

Организации в Российской Федерации все активнее осваивают такой инструмент предпринимательской деятельности, как интеллектуальная собственность. Число зарегистрированных товарных знаков растет, повышенное внимание уделяется объектам авторского права. И хочется верить, что сегодня гражданское общество с большим уважением, чем когда-либо, относится к правам, возникающим при создании объектов интеллектуальной собственности. Но, как и любые другие, права интеллектуальной собственности порождают споры, разрешить которые зачастую возможно только в суде. Судьи осознают сложность объектов интеллектуальной собственности, и им в этом вопросе необходима помощь лиц, обладающих специальными знаниями, – экспертов или специалистов. Однако процесс становления новой экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (СЭУ) требует времени, и сегодня суды вынуждены обращаться с запросами к наиболее компетентным лицам в области защиты и охраны интеллектуальной собственности – патентным поверенным.

Патентные поверенные, в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2008 № 316-ФЗ «О патентных поверенных», наделены полномочиями представлять интересы российских и иностранных граждан и компаний в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности (ст. 1). Они могут участвовать в качестве эксперта или представителя от имени доверителя, заказчика, работодателя в суде по делам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, защитой интеллектуальных прав, приобретением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также с распоряжением этими правами (ст. 4, п. 6). В свою очередь, патентные поверенные не универсальны, они делятся по компетенциям относительно объектов интеллектуальной собственности. И они, так же как и эксперты, должны подтвердить свое право работать с объектами определенного вида. Но несмотря на то, что патентные поверенные

обладают высокой компетентностью в вопросах защиты и охраны интеллектуальной собственности, они, в отличие от судебных экспертов государственных СЭУ, недостаточно «подкованы» в вопросах судебной экспертизы.

Особенности специальных знаний в области экспертизы объектов интеллектуальной собственности

Ни один труд по теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) не обходится без пояснения понятия специальных знаний (познаний) эксперта, при этом в национальном законодательстве отсутствует дефиниция понятия «специальные знания». Как правило, под этим термином понимают некую систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского судопроизводства [1]. Важно отличать специальные знания от общеизвестных, а также юридических (правовых) знаний [2–4]. Например, Ю.К. Орлов полагает, что «специальными являются знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и житейского опыта. Ими обладает более или менее узкий круг лиц...» [5, с. 6–7]. Так же считает и М.К. Треушников: «...под специальными знаниями в гражданском и арбитражном процессе понимаются такие знания, которые находятся за пределами правовых знаний, общеизвестных обобщений, вытекающих из опыта людей...» [6]. В то же время Т.В. Сахнова уточняет, что «проблема разграничения обыденного и специального знания применительно к гражданскому и арбитражному процессу... [а Е.Р. Россинская добавляет: "...и к уголовному процессу и производству по делам об административных правонарушениях..."] есть проблема определения критериев потребности в специальных знаниях. За исключением случаев, специально предусмотренных в законе, решение этого вопроса отдано на усмотрение следователя, суда, органа, рассматривающего административное правонарушение...» [7].

Т.В. Сахнова выделяет объективные предпосылки применения специальных знаний:

а) норма права, материального или процессуального, содержащая специальные элементы в определенной форме;

б) уровень развития научных знаний, позволяющий использовать их для практических целей;

в) наличие объективной связи между способом применения научных знаний и юридической целью их использования» [7].

Однако данные критерии никак не определяют дефиницию «общеизвестные знания», которая, как правило, носит субъективный характер.

Как пишет в своей работе Е.Р. Россинская, «соотношение специальных и общеизвестных знаний по своей природе изменчиво, зависит от уровня развития социума и интегрированности научных знаний в повседневную жизнь человека... За счет более глубокого научного познания явлений, процессов, предметов вроде бы очевидные обыденные представления о них отвергаются, возникают новые научные обоснования, которые приобретают характер специальных знаний» [1].

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) в п. 8 Постановления от 04.04.2014 № 23 подчеркивает, что «вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом»¹. Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в Постановлении Пленума от 21.12.2010 № 28 обратил внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Если же проведение исследования не требуется, то возможен допрос специалиста². ВС РФ

также пояснил, что вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается.

Учитывая вышесказанное, Пленум ВС РФ от 23.04.2019 № 10 в своем постановлении пришел к выводу, что «специальных знаний для установления степени сходства обозначений и однородности товаров не требуется» и установление сходства осуществляется судом «по своему внутреннему убеждению»³, что отличается от предыдущей формулировки, приведенной в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 № 122⁴, гласящей: «...вопрос о сходстве до степени смешения обозначений является вопросом факта и по общему правилу может быть разрешен судом без назначения экспертизы. Экспертиза в силу части 1 статьи 82 АПК РФ назначается лишь в случае, когда для сравнения обозначений требуются специальные знания». Но несмотря на то, что факт сходства определяется относительно обычного (рядового) потребителя, суду необходимо обосновать свое решение [8], и зачастую без применения специальных знаний хотя бы в рамках консультации специалиста не обойтись. Обосновать решение можно, только применив руководство по экспертизе товарного знака, знака обслуживания⁵. Это руководство адресовано работникам системы Роспатента, к компетенции которых от-

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» / СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155/ (дата обращения: 25.07.2020).

² Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» / СПС «Гарант». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155 (дата обращения: 25.08.2020).

³ Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» / СПС «Гарант». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72130696/> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴ П. 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности» / Федеральные арбитражные суды Российской Федерации. http://www.arbitr.ru/arxiv/vas_info_letter/18474.html (дата обращения: 25.07.2020).

⁵ Приказ ФГБУ ФИПС от 20.01.2020 № 12 «Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов». <https://legalacts.ru/doc/prikaz-fgbu-fips-ot-20012020-n-12-ob-utverzhdanii/> (дата обращения: 25.07.2020).

носятся вопросы предоставления правовой охраны товарным знакам, в первую очередь государственным экспертам по интеллектуальной собственности (далее – эксперты). Описанные в данном руководстве процедуры не относятся к правовым знаниям; если же принять позицию, что вопрос о степени смешения обозначений является вопросом права, то следует также признать правовым, например, такой вопрос: «Использован ли в продукте “А” каждый признак изобретения, приведенный в независимом пункте содержащийся в патенте РФ № 00XX формулы изобретения, либо признак, эквивалентный ему и ставший известным в качестве такового в данной области техники до даты приоритета изобретения?». При этом допущении суд должен будет формулировать вопросы самостоятельно, выделяя все существенные признаки формулы для эксперта, проводящего исследование устройства, способа, штамма и т. п., экспертиза которого необходима для вынесения решения. Обладает ли суд такой компетенцией? Практика показывает, что подобные исследования, как правило, проводятся в рамках комплексной судебной экспертизы совместно с экспертами-патентоведами. В подтверждении того, что это не правовой вопрос, говорит и Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 № 122, где сказано, что «вопрос о сходстве до степени смешения обозначений является вопросом факта...», а методики, применяемые при экспертизе товарных знаков, не общеизвестны.

Однако ни в одном федеральном законе понятие «сходство до степени смешения» не раскрывается, но остается ключевым при вынесении решения. В то же время вопрос о сходстве товарных знаков далеко не простой, что может подтвердить Постановление Президиума ВАС РФ от 18.07.2006 № 3691/06⁶, где решался вопрос о сходстве пяти товарных знаков, включающих словесный элемент NIVEA, и товарного знака № 240053, включающего словесный элемент LIVIA. Спор между хозяйствующими субъектами разрешился только после восьми административных и арбитражных решений: отмены ряда решений о признании товарных знаков несходными и принятия противоположного решения. Рассмотрение спора длилось около четырех лет.

⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.07.2006 № 3691/06 по делу № А40-10573/04-5-92. <https://zakonbase.ru/content/base/98300> (дата обращения: 25.07.2020).

В соответствии с п. 3 ст. 1484 Гражданского кодекса Российской Федерации никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходное с его товарным знаком обозначение в отношении групп товаров, для которых он зарегистрирован, или однородных с ними. Подходы к определению однородности товаров были выработаны Роспатентом⁵ и судебной практикой⁷.

Зачастую для определения опасности смешения в глазах потребителя обозначений на рынке необходимо проведение социологического исследования. Относительно однородности товаров данное исследование также играет важную роль – вспомним хотя бы, что пиво и сухарики были признаны однородными товарами⁸. Поясним суть спора. Владелец прав на товарный знак в виде словесного обозначения «НЕВСКОЕ» по свидетельству № 189158 для товаров классов 21, 32 (включая пиво), 33 (алкогольные напитки), 42 (обеспечение пищевыми продуктами и напитками) Международной классификации товаров и услуг (МКТУ) предъявил претензии владельцу комбинированного товарного знака со словесным элементом «AMRO НЕВСКОЕ» по свидетельству № 241119 для ряда товаров класса 29 (арахис обработанный, креветки, миндаль обработанный, орехи обработанные, чипсы, рыба, рыба соленая, рыба сушеная, кальмары обработанные, кальмары сушеные) и класса 30 МКТУ. Правообладатель товарного знака № 189158 выиграл спор, пройдя пять различных инстанций, начиная с Палаты по патентным спорам.

Учитывая вышесказанное, к компетенции эксперта может быть отнесен вопрос о степени сходства сравниваемых обозначений и наличии или отсутствии потенциальной возможности смешения обозначений на рынке в глазах потребителя.

Другой дискуссионный вопрос – это вопрос о приобретенной различительной способности обозначения. В соответствии с п. 1 ст. 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации, не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью или состоящих только из неохраняемых элементов, однако

⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 17.09.2013 № 5793/13 / СПС «Гарант». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70386992/> (дата обращения: 25.07.2020).

⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.07.2006 № 2979/06 по делу № А40-63533/04-67-642 / СПС «Гарант». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12049539/> (дата обращения: 25.07.2020).

п. 1.1 уточняет положения указанной статьи и говорит, что товарный знак может быть зарегистрирован, если:

1) обозначение приобрело различительную способность в результате его использования;

2) обозначение состоит только из неохраняемых элементов, указанных в п. 1, и образует комбинацию, обладающую различительной способностью.

Как правило, вопрос о приобретенной различительной способности обозначения нельзя решить без учета мнения потребителей, поэтому требуется проведение исследований рынка данной продукции, социологических исследований, результаты которых могут быть положены в обоснование позиции о степени узнаваемости товара.

Президиум ВАС РФ указал, что наличие или приобретение различительной способности в результате использования обозначения является вопросом факта, который относится к компетенции суда, рассматривающего спор по существу⁹. Предполагается, что приобретение различительной способности может устанавливаться на основе имеющихся в деле доказательств об объемах, интенсивности, длительности и территории использования спорного обозначения. В частности, исходя из положений приказа Роспатента от 23.03.2001 № 39 в качестве доказательства могут быть приняты следующие сведения: «...объемы производств и продаж товаров, маркированных заявленным обозначением; территории реализации товаров, маркированных заявленным обозначением; длительность использования заявленного обозначения для маркировки товаров (услуг), указанных в заявке; объемы затрат на рекламу товаров (услуг), маркированных заявленным обозначением; сведения о степени информированности потребителей о заявленном обозначении и производителе маркированных им товаров, включая результаты социологических опросов; сведения о публикациях в открытой печати информации о товарах, маркированных заявленным обозначением; сведения об экспонировании на выставках в Российской Федерации и за ее пределами товаров, маркированных заявленным обозначением, а также иные сведения. В силу пункта 2.1 Правил к доказательствам приобретения различительной

способности относятся, в частности, сведения о длительности и интенсивности использования заявленного обозначения»¹⁰.

Стоит упомянуть, что для оценки восприятия потребителями обозначения (как описательного, фантазийного или ложного) могут быть применены различные специальные знания. В Рекомендациях Роспатента: «Подтверждением описательности могут быть положительные ответы на следующие вопросы:

1. Понятен ли рядовому потребителю смысл элемента без дополнительных рассуждений и домысливания?

2. Воспринимается ли рядовым потребителем элемент как прямо (не через ассоциации) описывающий вид, характеристики товара, сведения об изготовителе?»¹⁰. В отношении определения ложности обозначения: «В отношении каждого элемента заявленного обозначения целесообразно ответить на вопрос:

– Описывает ли элемент товары ложно?

– Может ли элемент вызвать у потребителя ассоциативное представление о товаре, которое способно ввести потребителя в заблуждение?

Если элемент признан ложным или способным ввести в заблуждение, целесообразно оценить:

– Являются ли ложные указания правдоподобными?

– Являются ли ассоциативные представления правдоподобными?

– Поверит ли ложным указаниям и ассоциативным представлениям потребитель?»¹⁰.

Однако в настоящее время отсутствуют методические рекомендации по производству судебных экспертиз объектов интеллектуальной собственности и экспертиз товарных знаков в частности. Возможность применения для целей экспертизы правил, содержащихся в нормативных актах Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента), требует проверки, а их методики – валидации для целей судебной экспертизы.

В настоящее время эксперт сам определяет и обосновывает выбор экспертных методик для проведения судебной экспертизы; в отсутствие методического обеспечения производства судебных экспертиз объектов интеллектуальной собственности

⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 11.04.2006 № 15736/05 по делу № А40-67505/04-110-638 / СПС «Гарант». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12046803/> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁰ Приказ Роспатента от 23.03.2001 № 39 (ред. от 06.07.2001) «Об утверждении Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений». <https://sudact.ru/law/prikaz-rospatenta-ot-23032001-n-39-ob/> (дата обращения: 25.07.2020).

эксперты, назначенные уполномоченным органом или лицом, руководствуются правилами оценки объектов интеллектуальных прав в рамках экспертизы, которая производится патентным ведомством при решении вопроса о государственной регистрации объекта интеллектуальных прав.

Стоит также отметить, что производство судебной экспертизы должно осуществляться на основе принципов всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Включение судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности, в том числе и экспертизы товарных знаков, в перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в государственных СЭУ Минюста России, позволит проводить исследования в рассматриваемой области в полном соответствии с этими принципами.

Зарубежный опыт

Ряд зарубежных стран, например Украина, уже включили судебную экспертизу объектов интеллектуальной собственности в перечень экспертных специальностей. На Украине она рассматривается как особый класс судебных экспертиз¹¹, проводящихся в государственных СЭУ; специальные знания в области интеллектуальной собственности широко применяются для решения вопросов, поставленных судом перед экспертами [9], в частности в области исследования товарных знаков.

В США экспертизами интеллектуальной собственности (Intellectual Property Forensic) занимаются в основном частные консалтинговые компании, предлагающие услуги и при нарушении прав на патенты, товарные знаки, незаконном присвоении секретов производства, и в других областях¹². Большое внимание уделяется вопросам оценки интеллектуальной собственности [10] и экспертизам программ для ЭВМ, проводимым с целью установления недобросовестного заимствования исходного кода¹³ [11].

¹¹ НАКАЗ N 923 від 15.12.2011 «Про затвердження Положення про Експертно-кваліфікаційну комісію МВС України та атестацію судових експертів Експертної служби МВС України». http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE20601.html (дата обращения: 25.07.2020).

¹² Forensic & Litigation Consulting: Intellectual Property. <https://www.fticonsulting.com/services/forensic-litigation-consulting/intellectual-property> (дата обращения: 25.07.2020).

¹³ Intellectual Property Theft Investigations. https://computerforensicsassociates.com/forensic_investigations/intellectual_property_theft/ (дата обращения: 24.07.2020).

Заключение

Выработка единого подхода к назначению судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности повысит объективность, полноту экспертиз, будет способствовать уменьшению количества процессуальных ошибок и, как следствие, эффективной защите интеллектуальной собственности.

Решения суда на основании своего внутреннего убеждения, по нашему мнению, только увеличат сроки рассмотрения дел, т. к. подобные решения всегда создают почву для подачи жалоб. Считаем, что в сложных случаях проводить судебную экспертизу товарных знаков и знаков обслуживания необходимо в рамках комплексной экспертизы, включающей социологическое исследование. Необходимо также и его методическое обоснование с точки зрения экспертизы обозначений. В государственных СЭУ для этого есть все необходимые условия, включая проведение социологических исследований с выборкой по многим регионам России, что позволит избежать субъективизма в оценке опасности смешения обозначений и правильно обосновать сходство до степени смешения.

В рамках изучения возможности использования методики исследования сходства обозначений до степени смешения, применяемой в данный момент на практике, двадцатью независимыми экспертами было проведено двадцать исследований с целью определения их экспертного мнения по вопросу смешения заранее подготовленных обозначений. Базой для сравнения и выявления ложноотрицательных результатов являлся социологический опрос, проведенный в возрастной группе 20–23 лет, размер выборки составил 50 человек. Результаты исследования были представлены на международной конференции¹⁴. В рамках исследования был сделан вывод, что применение данных методических рекомендаций для судебно-экспертной деятельности возможно. Стоит продолжать, совершенствовать и разрабатывать методики изучения данного объекта исследования.

Обучение экспертов государственных СЭУ судебной экспертизе объектов интеллектуальной собственности, в том числе с

¹⁴ Международная научно-практическая конференция «Восток-запад: партнерство в судебной экспертизе. Совершенствование судебно-экспертной деятельности как фактор обеспечения защиты интеллектуальной собственности». <http://www.sudexpert.ru/news/rudn2019.php> (дата обращения: 24.07.2020).

целью определения их стоимости, позволит получить компетентных, беспристрастных и независимых экспертов и специалистов.

В силу вышесказанного для целей судебной экспертизы нами предложено [12] внести в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных СЭУ Минюста России, род «Экспертиза объектов интеллектуальной собственности» и дополнить Перечень экспертных специальностей, по которым предоставляется право

самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных СЭУ Минюста России, специальностями:

29.1 «Исследование объектов авторского права и объектов смежных прав».

29.2 «Исследование объектов патентного права и нетрадиционных объектов».

29.3 «Исследование средств индивидуализации».

29.4 «Определение стоимости объектов интеллектуальной собственности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 576 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
3. Додин Е.В. Доказывание и доказательства в правоприменительной деятельности органов советского государственного управления. Киев; Одесса: Вища шк., 1976. 127 с.
4. Аверьянова Т.В., Россинская Е.Р. Энциклопедия судебной экспертизы. М.: Юрист, 1999. 551 с.
5. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). Учеб. пособие. М.: Юрист, 1995. 64 с.
6. Треушников М.К. Судебные доказательства. Монография. 3-е изд., испр. и доп. М.: Городец, 2004. 268 с.
7. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М.: Городец, 1999. 365 с.
8. Практика рассмотрения коммерческих споров. Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 17 / Рук. проекта Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова. М.: Статут, 2011. 293 с.
9. Бойченко С.Б., Бояров В.И., Будко Т.В., Варфоломеева Т.В., Гончаренко В.Г. Экспертизы в судочинстві України / За заг. ред. В.Г. Гончаренко, І.В. Гора. Київ: Юрінком Інтер, 2017. 502 с.
10. Reilly R.F. CPA Intellectual Property Forensic Analysis Valuation Considerations // Insights. Summer 2011. <http://www.willamette.com/insights/summer2011.html>
11. Jeffers J. Computer Forensics: Intellectual Property Investigations and the CCFE. 2018. <https://resources.infosecinstitute.com/category/computerforensics/introduction/areas-of-study/computer-forensics-investigations/intellectual-property-investigations-and-the-ccfe/>
12. Омелянюк Г.Г., Гулевская В.В., Савенко А.С. Классификация объектов интеллектуальной собственности для целей судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 6–12. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-6-12>

REFERENCES

1. Rossinskaya E.R. *Forensic Expertise in the Civil, Arbitration, Administrative and Criminal Proceedings*. 4th ed. Moscow: Norma: Infra-M, 2018. 576 p. (In Russ.)
2. Belkin R.S. *Forensic Encyclopedia*. 2nd ed. Moscow: Megatron XXI, 2000. 334 p. (In Russ.)
3. Dodin E.V. *Proof and Evidence in Law Enforcement Activities of Soviet Organs of Public Administration*. Kiev; Odessa: Vishcha shk., 1976. 127 p. (In Russ.)
4. Aver'yanova T.V., Rossinskaya E.R. *Encyclopedia of Forensic Examination*. Moscow: Yurist", 1999. 551 p. (In Russ.)
5. Orlov Yu.K. *Expert's Opinion and Its Assessment (on Criminal Cases)*. Textbook. Moscow: Yurist, 1995. 64 p. (In Russ.)
6. Treushnikov M.K. *Forensic Evidence. Monograph*. 3rd ed. Moscow: Gorodets, 2004. 268 p. (In Russ.)
7. Sakhnova T.V. *Forensic Expertise*. Moscow: Gorodets, 1999. 365 p. (In Russ.)
8. Novoselova L.A., Rozhkova M.A. (eds). *The Practice of Commercial Disputes Resolution. Analysis and Commentary on Decisions of the Plenum and Reviews of the Presidium of The Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. Issue 17. Moscow: Statut, 2011. 293 p. (In Russ.)
9. Boichenko S.B., Boyarov V.I., Budko T.V., Varfolomeeva T.V., Goncharenko V.G. *Expertise in the Legal Proceedings of Ukraine / Goncharenko V.G., Gora I.V. (eds)*. Kiev: Yurinkom Inter, 2017. 502 p. (In Ukrainian)
10. Reilly R.F. CPA Intellectual Property Forensic Analysis Valuation Considerations. *Insights*. Summer 2011. <http://www.willamette.com/insights/summer2011.html>
11. Jeffers J. *Computer Forensics: Intellectual Property Investigations and the CCFE*, 2018. <https://resources.infosecinstitute.com/category/computerforensics/introduction/areas-of-study/computer-forensics-investigations/intellectual-property-investigations-and-the-ccfe/>
12. Omel'yanyuk G.G., Gulevskaya V.V., Savenko A.S. Systematization of Intellectual Property Objects for Forensic Purposes. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 1 P. 6–12. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-6-12>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савенко Антон Сергеевич – инженер-патенто-вед, младший научный сотрудник отдела инноваций судебно-экспертной деятельности ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; аспирант кафедры судебно-экспертной деятельности ФГАОУ ВО РУДН; ассистент преподавателя ФГБОУ ВО МГТУ им. Н.Э. Баумана;
e-mail: savenkoas@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Savenko Anton Sergeevich – Patent Engineer, Research Assistant at the Department of Innovations in the Practice of Forensic Science of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; Graduate Research Student of the Department of Forensic Examination Activities, RUDN University; Lecturer's Assistant at Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: a.savenko@sudexpert.ru

Статья поступила: 10.06.2020

После доработки: 25.08.2020

Принята к печати: 03.09.2020

Received: June 10, 2020

Revised: August 25, 2020

Accepted: September 03, 2020

Судебно-трасологическое исследование произведений изобразительного искусства

 Ш.Н. Хазиев

Московская городская коллегия адвокатов, Адвокатская контора «Аснис и партнеры», Москва 121099, Россия

Аннотация. Рассмотрены основы судебно-трасологического исследования произведений изобразительного искусства как в рамках судебно-трасологической экспертизы, так и в рамках их комплексного судебно-экспертного исследования с участием экспертов-трасологов. Произведения изобразительного искусства исследуются в целях идентификации, диагностики их состояния и установления происхождения различных негативных изменений. Важную роль могут сыграть методы судебной трасологии и при спорных атрибуциях произведений живописи, графики, скульптуры. Обоснована необходимость и целесообразность разработки современной методики судебно-трасологического исследования произведений изобразительного искусства.

Ключевые слова: атрибуция, дактилоскопия, диагностика, судебно-трасологическое исследование, судебно-искусствоведческое исследование, подделка, культурные ценности, судебно-экспертная идентификация

Для цитирования: Хазиев Ш.Н. Судебно-трасологическое исследование произведений изобразительного искусства // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 106–123. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-106-123>

Forensic Traceological Analysis of Works of Visual Arts

 Shamil N. Khaziev

“Asnis & Partners” Law Office, Moscow 121099, Russia

Abstract. The article discusses the fundamentals of traceological forensic analysis of visual artworks within both the framework of forensic traceological examination and comprehensive forensic research with the participation of expert-traceologists. Works of art are investigated to identify them, diagnose their condition, and establish the origin of various negative changes. Forensic traceology methods can play an essential role in the controversial attributions of paintings, drawings, and sculptures. The necessity and feasibility of developing a modern forensic traceological research methodology of fine artworks are substantiated.

Keywords: attribution, fingerprinting, diagnostics, forensic traceological research, forensic fine art research, forgery, cultural property, forensic identification

For citation: Khaziev Sh.N. Forensic Traceological Analysis of Works of Visual Arts. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 106–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-106-123>

Произведение изобразительного искусства – это продукт художественного творчества, в котором в материально-чувственной форме отражен замысел его творца, направленный на достижение эстетического наслаждения при его восприятии. Видами изобразительного искусства являются живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство, дизайн, архитекту-

ра, театральное-декорационное искусство. Произведения изобразительного искусства являются предметом изучения эстетики, истории, искусствоведения, товароведения, педагогики, психологии, криминалистики и ряда других наук. В связи с их созданием, оборотом, хранением, перевозкой, повреждением могут возникать самые разные типы и виды правоотношений: граж-

данских, административных, таможенных, уголовных. При этом во многих случаях эти правоотношения приводят к судебным разбирательствам, в ходе которых неизбежно возникает необходимость проведения судебных экспертиз.

Чаще всего судебные экспертизы произведений изобразительного искусства назначаются в рамках гражданского и уголовного судопроизводства. В гражданском процессе с помощью судебной экспертизы решаются вопросы идентификации произведений изобразительного искусства, определения их рыночной стоимости, размеров причиненного изделию вреда, возмещения расходов на реставрацию, установления факта нарушения авторских прав.

В уголовном процессе судебные экспертизы таких произведений назначаются на этапах предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о контрабанде культурных ценностей (ст. 226.1 УК РФ), невозвращении на территорию Российской Федерации культурных ценностей, вывезенных за ее пределы (ст. 190 УК РФ), их хищении, мошенничестве (продаже поддельных культурных ценностей, обмане относительно автора или времени изготовления), присвоении и/или уничтожении чужого имущества, взяточничестве, уничтожении или повреждении культурных ценностей (ст. 243 УК РФ), хулиганстве (вандализм) и ряда других преступлений.

В зависимости от обстоятельств дела и цели исследования в отношении произведений изобразительного искусства могут назначаться самые разные судебные экспертизы. Наиболее распространенными родами и видами судебных экспертиз таких объектов являются судебные искусствоведческие, судебные историко-культурные, судебные трасологические, судебные почерковедческие и судебные товароведческие экспертизы.

Судебное трасологическое (следоведческое) исследование произведений изобразительного искусства проводится для идентификации таких объектов по их отображениям (фотоснимкам и видеозаписям, слепкам, рисункам, чертежам и описаниям), идентификации использованных при изготовлении произведения печатных и литьевых форм, инструментов, креплений и приспособлений, станков и диагностики их свойств, установления особенностей хранения культурных ценностей, определения вида, характера и механизма образования

повреждений, а также идентификации лица, изготовившего предмет (или участвовавшего в его изготовлении) и оставившего объемные следы пальцев и ладоней рук на незастывшей масляной краске, глине и иных пластичных объектах либо поверхностные окрашенные следы пальцев или ладоней рук. Кроме того, может возникнуть необходимость идентификации лиц, причастных к хищению произведения изобразительного искусства или его повреждению, по оставленным ими на предмете следам.

Судебный эксперт-трасолог, привлекаемый к проведению экспертизы, должен обладать опытом исследования следов орудий, инструментов и механизмов, изделий массового или кустарного производства, идентификации целого по частям, следов человека и животных, а также должен быть ознакомлен с правилами обращения с культурными ценностями, хранения и транспортировки таких объектов, правилами безопасности, которые необходимо соблюдать при их измерениях, фото- и видеосъемке, проведении экспериментов.

Теоретические основы судебно-трасологического исследования достаточно детально разработаны в отечественной криминалистической науке и нашли отражение в трудах Б.И. Шевченко, Г.Л. Грановского, Н.П. Майлис и ряда других авторов [1–6]. Общие положения исследования предметов, изготовленных ручным способом, и основы методики судебно-экспертного исследования различных изделий вполне применимы для решения задач, возникающих при расследовании и судебном разбирательстве дел, связанных с посягательствами на произведения изобразительного искусства и другие культурные ценности. При этом вопросы судебно-трасологического исследования произведений искусства, несмотря на актуальность, были затронуты лишь в нескольких публикациях (см., например, [7, 8]) и нуждаются в более детальном рассмотрении.

Материалы и методы исследования

Были проанализированы архивные заключения экспертов и акты экспертного исследования лаборатории судебно-трасологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, заключения экспертов-криминалистов органов внутренних дел, заключения негосударственных судебных экспертов, в ходе подготовки которых при-

менялись методы судебной трасологии. Использовалась также информация из публикаций Международного фонда искусствоведческих исследований (International Foundation for Art Research, США, Нью-Йорк) и Ассоциации по исследованию преступлений против искусства (Association for Research into Crimes against Art, Италия).

Общие требования, предъявляемые к порядку проведения исследования произведений изобразительного искусства

Все визуально различимые характеристики объекта исследования, а также наиболее существенные манипуляции с ним (например, получение соскобов, смывов, изъятие образцов холста) должны быть зафиксированы посредством фото- и/или видеосъемки. При необходимости изготавливают чертежи, рисунки, голограммы, 3D-модели и др.

Эксперт обязан описать основные качественные и количественные характеристики объекта: вид и наименование, указание на автора (если оно имеется), данные о предполагаемом авторе (указанные при отсутствии подписи или клейма), материалы и технику изготовления, размеры, вес, предполагаемый или указанный возраст или возможный временной диапазон изготовления, сохранность, сведения о присутствующих на объекте надписях, подписях, клеймах, этикетках, бирках, печатях и другие характеристики, значимые для целей экспертизы.

При исследовании культурных ценностей не допускается использование методов, противоречащих правилам их хранения, могущих нанести им ущерб, привести к полному или частичному разрушению, уничтожению. В исключительных случаях применение разрушающих методов допускается с письменного согласия лица или органа, назначившего судебную экспертизу, а также законного владельца объекта исследования. При этом необходимо стремиться к минимизации ущерба.

При проведении криминалистического (судебно-экспертного) исследования уникальных произведений изобразительного искусства необходимо привлекать эксперта-искусствоведа или специалиста в области реставрации, в обязанности которого должен входить контроль за соблюдением сохранности объекта и информирование экспертов-трасологов о специфических

особенностях объекта и использованных для его создания материалах. В случае комплексной экспертизы последовательность проведения исследований экспертами различных специальностей определяется исходя из мнения эксперта-искусствоведа, обстоятельств дела, особенностей конкретного объекта и согласовывается с лицом, назначившим экспертизу.

В судебно-экспертной лаборатории должны соблюдаться следующие условия: доступ к объектам посторонних лиц ограничен и контролируется; объекты охраняются; обеспечена целостность и возможность идентификации объектов, исключена их утрата, порча или загрязнение; помещение соответствует эксплуатационным требованиям; оборудование прошло государственную поверку и калибровку¹.

Идентификация произведений изобразительного искусства

Идентификация данных произведений необходима, в частности, в процессе расследования их похищения при последующем обнаружении и изъятии, при размещении объявления о продаже ранее похищенного произведения. Идентификация осуществляется по отображениям, зафиксированным на фотоснимках, на видеозаписях, киноленте, а также в слепках. Вывод о тождестве делается на основе выявления и оценки совпадающих признаков и их совокупности.

К числу общих признаков произведений изобразительного искусства относятся:

- тип и вид предмета (картина, гравюра, скульптура, изделие художественных промыслов, произведение декоративно-прикладного искусства, барельеф, художественная фотография и др.);
- жанр (анималистический, батальный, бытовой, исторический, натюрморт, пейзаж, портрет, религиозный, сказочно-былинный, абстрактный);
- сюжет изображения в картинах, графике, скульптуре и др.;
- размеры произведения;
- материал, из которого изготовлено произведение (холст, дерево, бумага, мрамор, гранит, металл, масло, гуашь, акварель и т. д.);

¹ См.: ГОСТ Р 57220-2016 «Комплексная экспертиза культурных ценностей. Требования» (утв. 21.10.2016, утратил силу в связи с изданием приказа Росстандарта от 30.03.2017 № 228-ст).

– тип и вид обрамления или иного дополнительного оформления предмета;

К частным идентификационным признакам относятся:

– наличие, местоположение и взаимное расположение, размеры, пространственная ориентация деталей изображения (элементов сюжета, особенностей изображенного объекта и т. п.), возникших при изготовлении произведения;

– наличие, местоположение и взаимное расположение, размеры, пространственная ориентация особенностей, имеющих случайное происхождение (царапин, задиров, соскобов, потертостей, осыпей слоев красителя, отщепов древесины, трещин и т. п.);

– индивидуальный номер (при наличии).

Иногда идентифицировать похищенное произведение искусства необходимо после его обнаружения и изъятия у похитителей или третьих лиц в случае сомнения в его подлинности: бывает, что перед кражей изготавливаются качественные искусственно состаренные копии для замены похищенного произведения либо для обмана правоохранительных органов и владельца вещи. Так, после обнаружения во Флоренции похищенной в 1911 г. из Лувра картины Леонардо да Винчи «Джоконда» в 1913 г. году была создана специальная комиссия из известных французских искусствоведов, перед которой была поставлена задача установления, является ли обнаруженная картина той самой подлинной «Джокондой».

В процессе исследования некоторых видов произведений изобразительного искусства может возникнуть необходимость идентификации инструментов и приспособлений (или их подделки). Это шпатели, обычные и фюзенные (угольные) карандаши, стираторы, рапидографы, муштабели, мастихины, скальпели, стеки, петли, скребки, рашпили, напильники и надфили, скальпели, троянки, шпунты, закольники, чертилки и др.² Для их идентификации применяют традиционные методы трасологической идентификации. При этом следует учитывать, что многие используемые при создании художественных произведений инструменты достаточно быстро изнашиваются, что затрудняет, а иногда и исключает, возможность идентификации путем сравнения особенностей, отобразившихся в следах, с особенностями представ-

ленного инструмента. Однако не исключается возможность установления тождества путем сравнительного исследования свободных образцов – произведений, созданных в то же время, что и исследуемый объект.

При использовании судебно-трасологических специальных знаний в процессе искусствоведческого исследования произведений изобразительного искусства с целью их атрибуции³ могут успешно применяться методы идентификации человека по особенностям строения отдельных частей его тела, изображенного на произведении живописи или графики, а также в скульптуре. Методика такого исследования по фотоснимкам и видеозаписям описана в отечественной криминалистической литературе [10–12].

Отдельные элементы рассматриваемого подхода были предложены и успешно использовались итальянским искусствоведом, по образованию врачом, Джованни Морелли (Giovanni Morelli, 1816–1891) во второй половине XIX века. Научные принципы Морелли сложились под сильным влиянием естественно-научных методов, в частности методов сравнительной анатомии. В отличие от изучения наиболее очевидных характеристик персонажей картин, таких как лица, но которые могут быть легко подделаны или скопированы, Морелли тщательно изучал форму ушей, ногтей и пальцев персонажей.

Его метод был основан на сравнении способов, которыми художники изображали на своих картинах мелкие второстепенные детали, и на анализе индивидуальных навыков написания таких второстепенных элементов – частей тела людей (фаланг и ногтей пальцев, мочек ушей и т. д.) или малозначительных деталей пейзажа, в которых, по мнению Морелли, художник непосредственнее выражал свою индивидуальность, работая бессознательно. Впоследствии З. Фрейд утверждал, что метод Морелли сходен с психоанализом. Некоторые называли его Шерлоком Холмсом в мире искусства. Используя свой метод, Морелли смог осуществить ряд успешных атрибуций в нескольких европейских музеях. Метод, названный мореллианой, позже использовали другие искусствоведы. Несмотря на активную критику, метод успешно используется и в настоящее время [13, 14].

В последние несколько лет в связи с событиями на Ближнем Востоке (религиозны-

² Описание перечисленных инструментов и приспособлений имеется в методической литературе, предназначенной для подготовки художников, скульпторов, реставраторов [9].

³ Атрибуцией произведения в искусствоведении называется установление авторства, места и времени его создания.

ми и межэтническими конфликтами, вторжениями террористов, вводом вооруженных формирований западных государств, цветными революциями) огромные масштабы приобрели контрабанда и незаконная торговля культурными ценностями из зон конфликтов (Ливана, Ирака, Сирии, Ливии). Уникальные предметы древних культур, представляющие высочайшую художественную и историческую ценность, оказываются в руках сомнительных международных торговцев, в частных коллекциях, реализуются через всемирно известные аукционные дома. При этом вывезенные культурные ценности нередко представляют собой грубо отделенные от целых произведений части, на которых хорошо отобразились особенности макро- и микрорельефа плоскостей разделения, а иногда и следы применявшихся для их отделения орудий и инструментов.

Свежим примером идентификации старинных произведений искусства, происходящих из зоны ближневосточного конфликта, является идентификация статуэток, посуды и фрагментов древних барельефов, выставленных всемирно известным коллекционером классических древностей и экзотических животных американским миллиардером Майклом Штайнхардтом (Michael

Steinhardt) на продажу в аукционном доме в США в конце 2017 г. Следователи прокуратуры Нью-Йорка арестовали девять изделий в доме и офисе Штайнхардта в связи с подозрениями об их незаконном происхождении. В январе 2018 г. окружной прокурор Манхэттена Сайрус Вэнс-младший (Cyrus Vance) основал специализированное подразделение по борьбе с хищениями произведений искусства⁴. Результатом работы подразделения и стало обнаружение ряда таких предметов у нью-йоркского миллиардера. У него были изъяты торжественный греческий сосуд для масла (рис. 1), протокоринфские фигуры в форме совы и утки, апулийская терракотовая колба IV века до нашей эры в форме африканской головы, ионическая скульптура головы Рама VI века и мансардный парфюмерный корабль V века [15].

Перед этим у Штайнхардта были изъяты две скульптуры из Храма Эшмуна в Сидоне (древнего финикийского города на территории Ливана), украденные в конце гражданской войны 1975–1990 гг. в Ливане. В их числе и голова быка, купленная Штайнхардтом

⁴ Нью-Йорк является крупным рынком произведений искусства и древностей – как законным, так и незаконным. С 2012 г. в офисе С. Вэнса было установлено криминальное происхождение нескольких тысяч древностей общей стоимостью более 150 миллионов долларов.

Рис. 1. Торжественный греческий сосуд (лекиф) для разлива масел на похоронных церемониях (около 420 г. до н. э.), изъятый у Штайнхардта (в центре). Слева и справа – тот же сосуд, сфотографированный до реставрации в составе предметов, находившихся в распоряжении криминального торговца антиквариатом Робина Саймса (Robin Symes). Источник: Архив Schinousa

Fig. 1. Solemn Greek vessel (lekif) for pouring oils at funeral ceremonies (about 420 BC), seized from Steinhardt (in the center). Left and right – the same vessel photographed before the restoration among the items that were in the possession of a criminal antiques dealer Robin Symes. Source: Schinousa Archive

в 2010 г. Часть предметов удалось идентифицировать по сделанным до их похищения фотоснимкам.

Следы рук. Большое значение приобрело исследование следов папиллярных узоров рук, случайно оставленных авторами на произведениях живописи в процессе их изготовления. На некоторых картинах, написанных маслом, иногда сохраняются объемные и поверхностные следы папиллярных узоров пальцев или ладонных участков рук создавшего их художника. Образование следов рук художника, пригодных для последующей идентификации, возможно на произведениях, созданных с использованием и других материалов (угля, акриловой краски, туши, глины, гипса). Несмотря на то что часто такие следы рук являются весьма фрагментарными и не очень четкими, а также зачастую существенно поврежденными в связи с большой давностью образования, они могут быть использованы как для идентификации автора, так и для идентификации самого произведения.

Всемирную известность по результатам использования дактилоскопических исследований произведений изобразительного искусства получил канадский искусствовед и криминалист Питер Пол Биро (Peter Paul Biro)⁵. Биро впервые использовал дактилоскопию в 1984 г. для атрибуции картины «Пейзаж с радугой» выдающегося английского художника Джозефа Тёрнера (Joseph Mallord William Turner, 1775–1851). Обнаружив след папиллярного узора на картине, Биро изучил литературу по дактилоскопии и сдал квалификационный экзамен, после чего обнародовал факт использования дактилоскопической идентификации и заявил о положительной атрибуции. Картина «Пейзаж с радугой» стала первой художественной работой, чье авторство было официально подтверждено на основе дактилоскопической идентификации. В 1995 г. картина была продана через аукционный дом Phillips в Лондоне.

В 2000 г. Биро провел вторую уникальную идентификацию. Пенсионерка Тери Хортон

(Teri Horton) обратилась к нему за консультацией относительно большого капельного холста, написанного в кинетическом стиле Джексона Поллока⁶, который был приобретен ею за пять долларов на распродаже в благотворительном магазине в Сан-Бернардино (Калифорния). Биро обнаружил на обратной стороне холста картины фрагмент отпечатка папиллярного узора пальца и сопоставил его с другим отпечатком пальца на застывшей краске на ведерке из-под краски, которое было найдено им в старой художественной студии покойного Поллока в Ист-Хэмптоне. Вывод о тождестве, к которому пришел Биро, подтвердил приглашенный им отставной эксперт-дактилоскопист канадской полиции Андре Туркотт (Andre Turkotte). Однако Международный фонд искусствоведческих исследований⁷ отказался признать выводы Биро, заявив, что его метод еще не является «универсально принятым».

Один из известных специалистов по Поллоку Томас Ховинг (Thomas Hoving) в обоснование своего отрицательного вывода о принадлежности картины Поллоку заявил, что на картине Хортон была акриловая краска, которой Поллок якобы никогда не пользовался. Биро посетил старую студию Поллока и изъясил образцы пигмента с пола, на котором художник когда-то раскладывал свои полотна и наносил краски. В результате анализов Биро установил, что один из образцов пигмента – это акрил, а золотая краска на спичке, втопанной в пол, та же, что и золотая краска на картине Хортон. Основываясь на выводах Биро, владельцы картины Тери Хортон предложили за картину два миллиона долларов, но она оценила ее в более значительную сумму.

Впоследствии Биро многократно применял дактилоскопические методы при исследованиях произведений живописи, он ведет активную работу по созданию первой в истории базы данных папиллярных узоров пальцев рук художников. Биро также принял участие в атрибуции портрета «Прекрасная принцесса» (La Bella Principessa) (рис. 2), выполненного цветным мелом на пергаменте размером 33 x 22 см. В 2009 г. на нем был

⁵ Пол Биро получил образование в области реставрации живописи у своего отца Гезы Т. Биро, реставратора картин, в Будапештском музее изящных искусств. Последние 28 лет проживает в Монреале (Канада), профессионально занимается экспертным исследованием произведений изобразительного искусства. Кроме того, Пол Биро является признанным специалистом в области оптической микроскопии, исследования красок, цифровой обработки изображений произведений искусства.

⁶ Пол Джексон Поллок (Paul Jackson Pollock, 1912–1956) – известный американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX века.

⁷ Некоммерческая международная организация, офис которой располагается в Нью-Йорке, являвшаяся в то время основным аутентификатором работ Поллока.

обнаружен отпечаток пальца, где отобразился папиллярный узор, совпавший с известными ранее папиллярными узорами, сохранившимися на произведениях Леонардо да Винчи [16]. Эта картина первоначально считалась портретом молодой женщины IX века кисти немецкого художника. Канадский коллекционер произведений искусства Питер Сильверман (Peter Silverman) купил картину в галерее арт-дилера Кейт Ганц (Kate Ganz) в Нью-Йорке от имени анонимного швейцарского коллекционера в 2007 г. примерно за 19 000 долларов. Кейт Ганц владела картиной около 11 лет после ее приобретения на аукционе Кристис по той же цене.

Рис. 2. Портрет «Прекрасная принцесса», приписываемый Леонардо да Винчи. Источник: <http://illicitculturalproperty.com/>

Fig. 2. Portrait "La Bella Principessa" attributed to Leonardo da Vinci. Source: <http://illicitculturalproperty.com/>

Биро установил, что папиллярный узор, отобразившийся в следе указательного или среднего пальца, обнаруженном на картине, соответствует папиллярному узору в следе пальца на картине «Святой Иероним» да Винчи в Ватикане. Биро изучил мультиспектральные изображения картины, выполненные лабораторией Lumiere Technology в Париже, где был использован специальный цифровой сканер для отображения последовательных слоев работы. По данным Биро

следы пальцев Леонардо да Винчи найдены на многих его произведениях.

Ряд известных искусствоведов также подтвердили, что данная картина принадлежит кисти великого Леонардо [17]. Стиль портрета соответствует периоду творчества художника 1485–1490-х годов, когда он жил в Милане. Образец пергамента картины был исследован в Цюрихе в Швейцарском федеральном технологическом институте с помощью радиоуглеродного анализа. Пергамент был датирован периодом 1440–1650 гг.

Хозяйкой картины, продавшей ее на аукционе Кристис за 19 000 долларов, оказалась Жанна Марчиг (Jeanne Marchig, урожденная Янина Пашковская), известная шведская активистка по защите прав животных. Ссылаясь, помимо прочего, на доказательства, полученные с помощью дактилоскопии, она подала в суд на аукционный дом за «небрежность» и «нарушение гарантии»: за то, что специалисты аукционного дома не смогли правильно приписать произведение подлинному автору – Леонардо да Винчи.

Впоследствии Биро аутентифицировал две работы Пикассо, шесть картин Тёрнера, картину американского художника Томаса Харта Бентона (Thomas Hart Benton, 1889–1975) и более десяти работ Поллока. Некоторые из крупнейших коллекционеров мира обращались к опыту Биро в сложных случаях аутентификации.

В 2009 г. Биро и Николас Исто (Nicholas Eastaugh), специалист по исследованию пигментов, учредили компанию по аутентификации картин для музеев, частных галерей, корпораций, арт-дилеров и крупных аукционных домов, таких как Сотбис. В настоящее время Биро работает в собственной лаборатории в Квебеке (Канада), которая специализируется на судебно-экспертном исследовании, реставрации и консервации произведений изобразительного искусства⁸.

Позже в отношении идентификаций, проведенных Биро, у ряда специалистов в области дактилоскопии возникли сомнения, что связано с несовершенством примененных методик и с появлением информации о сомнительном происхождении ряда исследованных им картин [18]. Однако это не ставит под сомнение принципиальную возможность идентификации авторов произведений изобразительного искусства по следам папиллярных узоров пальцев и ладоней рук.

⁸ См.: Peter Paul Biro. Fine Art Conservation & Forensic Studies in Art. www.peterpaulbiro.net/

В России также имеется опыт использования отпечатков пальцев на произведениях выдающихся художников [19–21]. Так, в 2002 г. СМИ сообщили о продаже знаменитого «Черного квадрата» Казимира Малевича из коллекции Инкомбанка. Интересно, что ранее на торги уже выставлялось 35 «Квадратов» Малевича, причем один из них был продан в 2000 г. на аукционе Сотбис за 17 миллионов долларов. Но, как выяснилось, картина из коллекции банка уникальна: она имеет «автограф Малевича» – отпечатки его больших пальцев, выявленные при тщательном осмотре произведения. То, что эти отпечатки действительно принадлежат Казимиру Малевичу, сомнению не подлежит: после возвращения из Германии в 1927 г. художник был арестован НКВД и дактилоскопирован. Однако результаты этого дактилоскопического исследования обнаружить не удалось [19, 22].

К сожалению, следы папиллярных узоров рук на произведениях изобразительного искусства, как правило, фрагментарны, значительно искажены и в большинстве случаев позволяют выделить недостаточное количество частных идентификационных признаков. Кроме того, на выводы лиц, осуществляющих идентификацию по отобразившимся папиллярным узорам, может существенно повлиять желание установить принадлежность произведения предполагаемому выдающемуся художнику. Определенные сложности возникают из-за ограниченных возможностей получения образцов для сравнительного исследования. К примеру, при исследовании в 2019 г. картины известного французского художника Теодора Жерико «Обнаженная мужская натура» (рис. 3) в лаборатории трасологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России был обнаружен след завиткового папиллярного узора пальца руки (рис. 4), несомненно оставленный во время написания картины. Однако в связи с отсутствием образцов для сравнительного исследования уста-

Рис. 3. Картина «Обнаженная мужская натура», предположительно кисти Теодора Жерико
Fig. 3. Painting “Nude male nature” presumably by Theodore Gericault

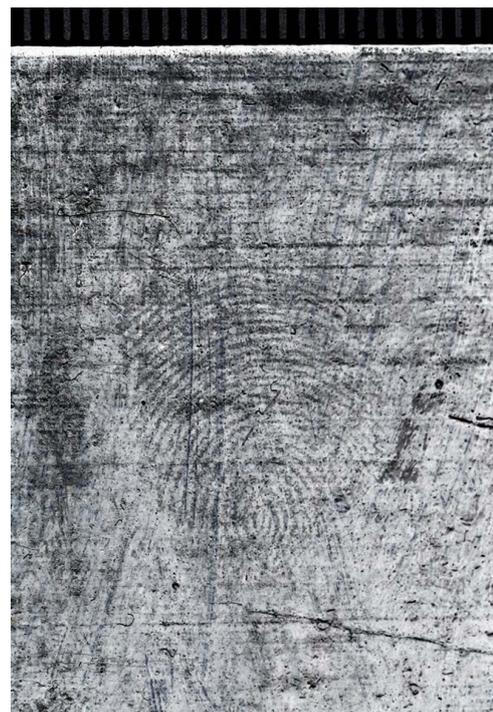

Рис. 4. След папиллярного узора пальца руки в живописном слое картины (после оптической обработки)
Fig 4. Trace of papillary finger pattern in the painting layer of the picture (after optical processing)

новить факт оставления следа самим художником пока не представляется возможным.

История с произведением Леонардо да Винчи «Прекрасная принцесса» имела продолжение. Несколько исследователей предположили, что на пергаменте изображена Бьянка Сфорца, дочь герцога Милана Лодовико Марии Сфорца (Ludovico Sforza, 1452–1508), а сам портрет был частью великолепного издания «Сфорциада», содержание которого составляет поэма-панегирик, посвященная Франческо Сфорце (отцу Лодовико), сочиненная итальянским гуманистом и придворным поэтом Франческо Филельфо⁹. Было несколько подарочных экземпляров книги, каждый из них содержал портрет одариваемого лица, изготовленный каким-либо известным художником.

Размер пергамента «Прекрасной принцессы» совпадает с размером страниц «Сфорциады», хранящейся в Национальной библиотеке Польши в Варшаве. В самом издании отсутствует портрет одариваемого. Этот экземпляр мог попасть в Польшу с миланской принцессой, ставшей польской королевой¹⁰. В то же время достаточной совокупности трасологических признаков, свидетельствующих о том, что данный портрет и хранящееся в Польше издание «Сфорциады» ранее составляли единое целое, исследователями пока не представлено.

В 2015 г. известный британский художник-фальсификатор Шон Гринхал (Shaun Greenhalgh) заявил, что это он написал «Прекрасную принцессу» в 1978 г., используя краски на основе состаренных естественным образом пигментов¹¹. По его утверждению, на портрете изображена кассирша по имени Элисон. Была высказана и версия о том, что это действительно подделка, но не подделка Гринхала, а более старая [24].

Идентификация целого по частям. При исследовании или восстановлении произве-

⁹ Франческо Филельфо (Filelfo, 1398–1481) – итальянский гуманист. Оставил многочисленные памфлеты и панегирики, диалоги нравоучительного содержания, оды, эпиграммы, поэмы.

¹⁰ После подавления в 1794 г. восстания под руководством Тадеуша Костюшко и взятия Варшавы А.В. Суворовым библиотека Залусских, составлявшая 400 тысяч томов, была объявлена собственностью русского правительства и в качестве военного трофея перевезена в Петербург. В 1920-х годах основная часть фондов библиотеки Залусских (50 тысяч томов) по распоряжению Ленина была возвращена Польше.

¹¹ Признание опубликовано в книге художника «Сказка фальсификатора» [23].

дений изобразительного искусства нередко возникает необходимость в идентификации целого по его частям. В трасологии вопросу идентификации целого по частям (принадлежности части целому предмету) посвящено немало научно-методических работ (см., например, [25, 26]). Разработаны и успешно применяются на протяжении длительного времени методики установления целого по частям как монолитных предметов, так и составных, состоящих из отдельных скрепленных элементов (в рассматриваемых нами в данной работе случаях составными предметами будут считаться картины в рамах, холсты на подрамниках и т. п.).

При исследовании или реставрации произведений искусствоведам и реставраторам нередко приходится проводить идентификацию целого по частям. Так, 27 мая 1993 г. в центре Флоренции, недалеко от всемирно известной галереи Уффици (Uffizi), прогремел мощный взрыв. В результате террористического акта погибли пять человек и несколько десятков было ранено, были сильно повреждены 173 картины, 56 скульптур и изделия прикладного искусства. Восстановление этих произведений по их частям продолжалось более двух десятилетий. Основная работа была закончена лишь в 2018 г., но некоторые ценные и существенно поврежденные произведения реставрируются до сих пор. В процессе восстановления использовались методы трасологического идентификационного исследования частей целого (совмещение, сопоставление, анализ состояния общих поверхностей, определение механизма разделения целого и др.). Была разработана специальная компьютерная программа анализа изображений, облегчающая классификацию разделенных частей произведений искусства и совмещение их по линиям разделения или поверхностям разломов.

Левшество художников и скульпторов. В некоторых случаях для подтверждения или отрицания факта изготовления произведения изобразительного искусства конкретным лицом используются данные о левшестве художника или скульптора (ювелира, мастера-краснодеревщика и др.). Вопросы установления левшества человека по следам его действий, а также по специфическим изменениям использованных им инструментов рассматривались в ряде работ [27–29].

Левшами, судя по различным научно-популярным публикациям, являлись такие известные художники, как Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, Пабло Пикассо, Альбрехт Дюрер, Питер Пауль Рубенс, Анри-Тулуз Лотрек и многие другие. Факт нанесения краски кистью, удерживаемой левой рукой, устанавливается путем анализа направления движений кисти, ориентации дугообразных мазков, последовательности выполнения отдельных элементов рисунка или живописного изображения. Большое значение для правильного определения факта левшества художника имеет в том числе изучение особенностей создания изображений и техники нанесения красителя, выполнения подписей, знание особенностей износа инструментов художника, являющегося левшой. Встречаются и художники амбидекстры (одинаково владеющие и правой, и левой рукой), однако среди всемирно известных художников таких нет¹².

Идентификация по рисунку кракелюра. Кракелюр (фр. *craquelure*) – трещина красочного слоя или лака в произведении живописи или любом другом лакокрасочном покрытии. Они бывают сквозными, то есть проходящими через все живописные слои, или могут проявляться только в одном из слоев. Кракелюры образуют рисунок – сетку, состоящую чаще всего из продольно и поперечно ориентированных трещин различной толщины. Очень тонкие трещины называются волосяными.

Кракелюр может образовываться на живописи (темпера, масло), на изделиях из слоновой кости, на окрашенных гончарных изделиях. Причиной возникновения кракелюра бывает и недостаточно профессионально проведенная реставрация произведения. Появление кракелюра на произведениях живописи не является неизбежным.

В настоящее время нередко встречается искусственное состаривание картин путем нанесения специальных кракелюрных лаков с последующим втиранием масляных красок, туши, пастели или составов для патинирования.

Форма, размеры, положение и взаимное расположение элементов кракелюра позволяют идентифицировать произведение изобразительного искусства, так как совокупность особенностей микротрещин красоч-

ного слоя индивидуальна и неповторима. В связи с тем, что рисунок, образуемый при появлении кракелюра на старых картинах, и размеры его элементов изменяются крайне медленно, наиболее эффективным и показательным методом сравнения является метод наложения изображений.

Диагностическое исследование произведений изобразительного искусства

При судебно-экспертном трасологическом исследовании произведений изобразительного искусства могут решаться и диагностические задачи. К их числу относятся:

- установление механизма образования повреждений произведения искусства;
- установление механизма разделения произведения на части;
- определение типа и вида орудия, которым повреждено произведение искусства;
- установление типа и вида приспособлений, использованных для изготовления произведения искусства;
- установление условий хранения, приведших к повреждению произведения искусства;
- установление факта и обстоятельств внесения изменений в произведение изобразительного искусства;
- установление факта и особенностей реставрационного вмешательства;
- установление особенностей использованных для изготовления произведения материалов (холста, подрамника, рамы, гвоздей и др.).

Установление механизма образования повреждений. Произведения искусства подвергаются различным негативным изменениям как под воздействием естественных факторов, так и в результате неосторожного или умышленного разрушающего воздействия. При проведении судебно-экспертного исследования произведения необходимо подробно описывать все обнаруженные повреждения независимо от причин их образования.

Чаще всего задача по установлению механизма образования повреждений произведения искусства возникает при расследовании случаев вандализма, которые встречаются достаточно часто. Акты вандализма не всегда осуществляются в присутствии свидетелей, поэтому приходится устанавливать как механизм повреждающего воздействия, так и тип, вид и особенности ис-

¹² На основе исследования нескольких рисунков Леонардо да Винчи была высказана гипотеза о его амбидекстрии, но достаточного научного обоснования она пока не получила.

Рис. 5. Поврежденная картина Клода Моне «Озеро Аржантей с одиноким парусником». Фото Национальной галереи Ирландии

Fig 5. Damaged painting by Claude Monet "Argenteuil Basin with a Single Sailboat". Photo by the National Gallery of Ireland

пользованного орудия с целью его поиска и последующей идентификации.

Пример. Посетитель Национальной галереи Ирландии в Дублине 49-летний Эндрю Шеннон (Andrew Shannon) в июне 2012 г. нанес удар кулаком по картине известного художника-импрессиониста Клода Моне «Озеро Аржантей с одиноким парусником», созданной в 1874 г. (рис. 5). Эта небольшая картина размером 55 x 65 см оценивается специалистами в 10 млн долларов.

Восстановительные работы продолжались 18 месяцев и начались со сбора сотен мелких (0,3–1,0 мм) фрагментов краски, которые разрушились и частично осыпались. Семь процентов из них превратились в порошкообразную пыль, поэтому их нельзя было использовать при реставрации. Специалисты аккуратно сняли картину с рамы и сшили тысячи нитей холста на поврежденном участке. Под микроскопом, с помощью хирургических инструментов и

специальных нагревателей, они повторно склеили тонкие материалы специальным клеем.

Лак, покрывавший масляную краску, был очищен, что освежило изображение и приблизило к атмосфере, наблюдавшейся 140 лет назад.

Картина была снова выставлена в галерею 1 июля 2014 г., но за защитным стеклом. За повреждение картины Эндрю Шеннон был приговорен к шестилетнему тюремному заключению, хотя он утверждал, что случайно попал в Национальную галерею и повредил картину в момент внезапного приступа стенокардии. Однако два свидетеля показали, что он ринулся к картине и ударил ее кулаком «как молотком». Во время обыска дома Шеннона в Дублине полиция обнаружила около 50 похищенных предметов, включая ценные произведения искусства, книги и антиквариат [30].

Установление механизма разделения произведения на части. Такая задача чаще всего возникает при исследовании разделенных частей скульптур, барельефов, надгробий, произведений прикладного искусства. При этом исследуют поверхности, по которым произошло отделение. Определяется характер разрушения (искусственный или естественный), осуществляется поиск и исследование следов примечательных орудий, начальная и конечная точка или линия разделения. Проводится дифференциация следов, образованных в процессе разделения и в процессе последующего изменения поверхностей или линии разделения (следы износа, осыпаний, вторичные трещины).

Определение типа и вида орудия, которым нанесено повреждение. В трасологии достаточно подробно разработаны методики судебно-экспертного установления типов и видов орудий, которыми были оставлены следы на объектах исследования. В основном это различные слесарные инструменты (отвертки, стамески, молотки, кусачки и пассатижи), предметы обихода (ножницы, ножовки, пилки), клинковые изделия (ножи, кинжалы, топоры), а также специально приспособленные для совершения преступлений воровские инструменты (отмычки, фомки и т. п.).

Следы орудий, которыми нанесены повреждения, встречаются главным образом на холстах, бумаге или картоне, древесине, скульптурных материалах (гипсе, мраморе, металле, глине). Для реконструкции орудия по его следам используются имеющиеся у трасологов соответствующие справочно-информационные фонды.

Установление типа и вида приспособлений, использованных для изготовления произведения. К числу таких приспособлений относят тиски, инструменты скульпторов (стеки, штихели, цикли, правильцы, скаргели, долота, стамески, шпатели, резаки и др.). Накопленный в судебной трасологии опыт исследования следов инструментов, предназначенных для создания разнообразных изделий массового, кустарного или ручного изготовления, позволяет использовать полученные знания и навыки и при исследовании произведений изобразительного искусства или их составных элементов.

Установление условий хранения, приведших к повреждению. Многие произведения теряют свои художественные качества в результате неправильного хранения и небрежного обращения. В некоторых случаях с помощью методов и средств судебной трасологии удается восстановить обстоятельства повреждения изделия в процессе его предыдущего хранения.

Установление факта и обстоятельств внесения изменений в произведение. В процессе трасологического исследования необходимо наряду с прочими повреждениями выявлять и описывать повреждения, вызванные в результате реставрации. Качественная реставрация, выполненная квалифицированным и опытным специалистом, как правило, не приводит к дополнительным повреждениям произведения.

К числу повреждений, образованных в результате неквалифицированной реставрации, относятся:

- образование микроразрывов холста при сотрясении от ударов молотка в момент забивания гвоздей при перетяжке холста;
- провисание, гофрирование полотна, образование диагональных складок, если картина натянута слишком слабо и неравномерно;
- трещины в красочном слое и грунте по бортам картины в местах хваток щипцами (натягивание полотна производится специальными щипцами с широкими губками);
- сломы (могут быть в любом месте, возникают при сгибании или заминках полотна, не натянутого на подрамник);
- смятости холста (встречаются, как правило, на углах и кромках);
- отпечаток внутренних ребер планок подрамника на холсте наблюдается, когда у подрамника отсутствуют скосы, от придавленности картины к подрамнику при нарушении условий хранения.

Исследование трасологических характеристик холста. Холст в произведениях живописи играет важную роль. Он является основой для картин и активно начал использоваться в XVI веке, получив широкое распространение сначала во Флоренции и Венеции, а позже в Германии, Голландии, Фландрии. В России холст начали активно использовать лишь в XVII веке.

При изготовлении холстов для живописи используется полотняное плетение, фундаментом которого является чередование

горизонтальных и вертикальных волокон основы. Переплетение из четырех ниток по основе и четырех по утку художники называют «репинским» в честь великого художника Ильи Репина, который работал на таком холсте, и чьи произведения демонстрируют прекрасную сохранность [31].

Один из важных параметров – это зернистость. По этому признаку холсты разделяют на мелко-, средне- и крупнозернистые. Самым распространенным видом ткани для создания художественных произведений на холсте является лен.

В процессе изготовления картины, ее хранения, транспортировки, реставрации холст подвергается различным воздействиям и меняет некоторые из своих свойств. К числу трасологически значимых повреждений или изменений состояния холста относят покоробленности, гофрированность полотна, складки, вдавленности или выпуклости, пузыри, прорывы, разрезы, отрывы кромки холста, образовавшиеся при его натяжении щипцами, проколы [32, с. 26].

Исследование подрамника и рамы.

Подрамник и рама несут значимую информацию о способе и времени изготовления произведения станковой живописи, условиях его хранения, механических воздействиях, влиянии внешних факторов.

Большинство подрамников и рам изготавливают из древесины твердых пород (лиственницы, березы, бука, дуба, вяза, платана, рябины, клена, ясеня, яблони, но чаще всего – сосны). Подрамники бывают с неподвижным соединением углов (галерейный подрамник) и с клиньями (модульный). Конструкция подрамника с клиньями сложнее: соединение углов производится шипом, но кроме обычных пазов добавлены клиновидные пазы для клиньев. Клинья вбиваются в эти пазы и раздвигают рейки подрамника. В случае провисания холста подрамник способен увеличиваться в размерах на несколько миллиметров – этого достаточно чтобы холст натянулся. Данная конструкция очень удобна для длительного хранения произведения.

Важными элементами галерейных подрамников являются крестовина и уголки. Крестообразная или прямая перемычка на задней стороне подрамника защищает его от перекосов и деформаций. Для небольших холстов (до 40 x 60 см) она не нужна, а для крупных форматов перемычка необходима. Она не только надолго сохранит каркас кар-

тины, но и предотвратит преждевременное разрушение подрамника, холста и самого красочного слоя, даже если температурный режим и влажность при хранении произведения будут меняться. Для этих же целей используют уголки, которые прибиваются гвоздями на подрамник по всем четырем его углам. Как правило, уголки в настоящее время изготавливают из древесно-волоконистой плиты.

Важное трасологическое значение имеет обрамление картины. Рама изготавливается из планок, украшенных резьбой, формованного дерева или гипсопластика. Багет, как правило, протравливается, покрывается краской или позолотой. Имеется фальц – углубление, вырезаемое во внутренней грани рамы для картины.

Судебно-трасологическое исследование подрамника и рамы картины проводится при идентификации произведения в случаях возникновения подозрения в его подмене, при исследовании факта и результатов реставрации, при повреждениях. Трасологическими методами также определяют характер (заводской, кустарный или ручной) изготовления рамы или подрамника, их групповые признаки, отождествляют изготовителя элементов картины. При этом используют методы установления применявшихся для изготовления рамы или подрамника орудий, инструментов или устройств, детально разработанные для целей судебно-трасологического механического исследования.

Исследование гвоздей. Для крепления холста на подрамник применяются кованые гвозди с эллипсоидной головкой, конусообразные, с острыми концами и граненым стержнем. Они входят в дерево при легком нажиме или использовании небольшого молотка. Гвозди забиваются не до отказа, при этом они держат полотно годами и при необходимости извлекаются без лишних усилий и повреждений кромок холста.

До второй половины XIX века металлические гвозди, которыми крепили холст к подрамнику, изготавливались вручную путемковки. В XVIII веке многие художники пользовались известными еще издавна деревянными гвоздями. Со второй половины XIX столетия появляются фабричные гвозди. В XX веке в Швеции стали изготавливать медные гвозди, а затем луженые или оцинкованные железные гвозди, меньше подверженные ржавлению и не разрушающие холст.

Трасологическим исследованием гвоздей, использованных для крепления холста к подрамнику, можно при необходимости установить их общую видовую или групповую принадлежность, определить факт изготовления их вручную или машинным способом и т. п. В экспертной практике имели место случаи установления с помощью исследования гвоздей (и их следов) факта происхождения холста или его части с конкретного подрамника (определение целого по частям).

Фотографирование и видеосъемка произведений изобразительного искусства для целей трасологического исследования

Фотосъемку исследуемых произведений необходимо по возможности осуществлять на специальном судебно-экспертном оборудовании, позволяющем равномерно осветить предмет и изготовить детальные фотоснимки отдельных фрагментов объекта (подписи, поврежденного участка и т. п.). К такому оборудованию относятся универсальные лабораторные репродукционные установки (например, УЛАРУС-3). Они позволяют осуществлять фотосъемку в рассеянном свете, при косопадающем освещении, в ультрафиолетовом или инфракрасном спектре. При этом следует иметь в виду, что некоторые произведения изобразительного искусства не должны подвергаться интенсивному или длительному освещению.

В процессе фотосъемки необходимо изготавливать снимки общего вида предмета, его отдельных наиболее важных частей и детальные фотоснимки выявленных трасологически значимых видовых или индивидуальных особенностей.

В некоторых случаях целесообразно снимать на видео сами предметы и некоторые ответственные этапы судебно-экспертного исследования. Так, желательно осуществлять видеосъемку при получении соскобов материала с поверхности произведения, при вырезании небольших фрагментов для дальнейшего материаловедческого или технологического исследования. Кроме того, с помощью видеосъемки возможно запечатлеть процесс изменения изображения при последовательном изменении угла освещения предмета.

Комплексные исследования произведений искусства

При судебно-трасологическом исследовании произведений искусства может воз-

никнуть необходимость проведения комплексных исследований с целью уточнения некоторых повреждений, внешне схожих с механическими. В первую очередь речь идет о повреждениях, причиненных насекомыми и мелкими млекопитающими. Некоторые части картин нередко содержат органические компоненты, которые могут быть источником пищи для грызунов или насекомых и их личинок. Личинки и черви обычно делают длинные отверстия в деревянных рамах или деревянных основах, ослабляя их и создавая риск серьезного расщепления. Мыши или другие грызуны в основном уничтожают полотна из льна или шерсти. Мотыльки могут откладывать яйца и уничтожать полотно.

Для защиты деревянных деталей произведений искусства используются различные методы: обработка дерева растворами антисептика, пропитка древесины маслами и лаками, заполнение трещин и червоточин воском и др. [33, с. 18].

Полное или частичное разрушение материалов (главным образом деревянных элементов, холста и связующих красок), из которых изготовлено произведение искусства, может произойти под воздействием грибов и бактерий.

При изучении повреждений, возникших на деревянной основе картины или на рамах, может потребоваться участие специалиста в области дендрологии и обработки древесины. Свойства деревянных основ в значительной степени зависят от способа распиловки (простая, квартальная или рифтовая), использованной для создания произведения искусства древесины.

Трасологическое исследование должно быть проведено и в рамках комплексной судебной экспертизы, проводимой с целью установления подлинности произведений живописи, графики, предметов фалеристики, медальерного искусства, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, старинной мебельной фурнитуры, художественной или исторической фотографии.

Заметим, что атрибуция произведения искусства, определение его возраста в настоящее время не входят в сферу компетенции эксперта-трасолога, так же как и определение техники изготовления и степени сохранности объекта. Представляется, что ключевую роль в решении этих вопросов должен играть эксперт-искусствовед.

Оформление заключения эксперта

Заключение судебного эксперта-трасолога по результатам проведенного исследования произведения изобразительного искусства оформляется по общим правилам, установленным соответствующим процессуальным законодательством и законодательством о судебно-экспертной деятельности. Оно должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Заключение эксперта должно содержать вводную, исследовательскую, синтезирующую части и выводы.

Во вводной части заключения следует указывать основания проведения экспертизы, сведения о лице или органе, назначившем экспертизу, место и время проведения исследования, сведения об учреждении, в котором проводят экспертизу, сведения об эксперте (фамилию, имя, отчество, образование, специальность, наличие специальной подготовки в области судебно-трасологического исследования объектов, стаж работы в качестве эксперта, а при его отсутствии – стаж работы по соответствующей специальности и/или количество ранее проведенных экспертиз, ученую степень и ученое звание, занимаемую должность), поставленные перед ним вопросы, применявшиеся методики, технические средства и реактивы, издания методического характера, стандарты, эталоны, каталоги, иную использованную научную литературу.

В исследовательской части должен быть подробно описан объект исследования: вид, назначение, качественные и количественные характеристики, имеющиеся подписи и надписи, диагностические и идентификационные признаки, выявленные повреждения и утраты, а также признаки реставрационного вмешательства. При проведении сравнительного исследования следует указывать применявшиеся методы сравнения, использованные образцы, технические средства, каталоги и справочно-информационные фонды. Завершается исследовательская часть синтезом полученных результатов и написанием синтезирующей части заключения.

Выводы эксперта следует оформлять отдельным разделом заключения. В нем должны быть приведены ответы на поставленные вопросы в том же порядке, в каком сформулированы вопросы.

К заключению следует прилагать фотографии объекта исследования, видеозаписи и другие иллюстрации, являющиеся его неотъемлемой частью.

Выводы

Трасологическое (судебно-трасологическое) исследование произведений изобразительного искусства имеет важное значение для установления обстоятельств, подлежащих правовой оценке в рамках уголовного, гражданского, арбитражного процессов, а также для повышения уровня достоверности атрибуции произведений в рамках искусствоведения.

В настоящее время отсутствует разработанная в должной мере самостоятельная методика судебно-трасологического исследования произведений изобразительного искусства. Эти произведения и другие культурные ценности (предметы фалеристики, медальерного искусства, археологические находки и т. п.) являются объектами всестороннего, порой комплексного исследования, в том числе и методами, разработанными и апробированными в рамках судебной трасологии. В связи с этим представляется своевременным и актуальным оформить накопленный в трасологии опыт исследования таких объектов в виде самостоятельной судебно-экспертной методики.

Методы судебной трасологической экспертизы необходимо применять при проведении технологической экспертизы произведений изобразительного искусства, а также в процессе их реставрации.

Для обеспечения эффективности судебно-трасологического исследования произведений изобразительного искусства целесообразно создать соответствующие справочно-информационные фонды, включающие данные о применяемых при изготовлении произведений инструментах, приспособлениях, устройствах, оборудовании, а также об образуемых при их применении следах. Необходимо также включать в эти фонды сведения об используемых при создании предметов искусства материалах и их трасологически значимых свойствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевченко Б.И. Внешнее строение как индивидуальное свойство объектов трасологической идентификации / Труды ЦНИИСЭ. Вып. 2. М.: ЦНИИСЭ, 1970. С. 145–156.
2. Шевченко Б.И. Научные основы современной трасеологии. М., 1947. 54 с.
3. Шевченко Б.И. Судебно-трасологическая экспертиза. Общая часть. Учеб.-метод. пособие. Вып. 1 / Отв. ред. Х.М. Тахо-Годи. М.: ВНИИСЭ, 1972. 74 с.
4. Грановский Г.Л. Методы судебно-трасологической экспертизы / Методы экспертных криминалистических исследований. Сб. науч. трудов. № 29. М.: ВНИИСЭ, 1977. С. 68–112.
5. Грановский Г.Л. Основы трасологии. 2-е изд. М.: Наука, 2006. 452 с.
6. Майлис Н.П. Судебная трасология. М.: Право и закон, Экзамен, 2003. 272 с.
7. Хазиев Ш.Н., Бушин А.В. О судебно-трасологической идентификации произведений изобразительного искусства с целью исключения подмены или повреждения // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 1. С. 60–64. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-1-60-64>
8. Хазиев Ш.Н. Ошибки при производстве искусствоведческих и судебно-искусствоведческих экспертиз / Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 366–371.
9. Арсланов В.Г. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура. Терминологический словарь. А–Я / Общ. ред. А.М. Кантора. М.: Эллис Лак, 1997. 736 с.
10. Зинин А.М., Романько Н.А., Хазиев Ш.Н. К вопросу об уточнении понятия объектов судебно-портретной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 2 (26). С. 14–19.
11. Романько Н.А., Зинин А.М., Хазиев Ш.Н. О судебно-экспертной идентификации личности по признакам внешности и особенностям строения тела // Судебная медицина. 2017. Т. 3. № 1. С. 21–25. <http://doi.org/10.19048/2411-8729-2017-3-1-21-25>
12. Зинин А.М. Загадки портретов (заметки криминалиста). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 160 с.
13. Anderson J. *The Life of Giovanni Morelli in Risorgimento Italy*. Milano: Officina Libraria, 2019. 268 p.
14. Ginzburg C., Davin A., Freud and Sherlock Holmes: Clues and Scientific Method // *History Workshop*. 1980. № 9. P. 5–36. <https://www.jstor.org/stable/4288283>
15. Albertson L. IDs from the Archives in the Michael Steinhardt and Phoenix Ancient Art Seizures // *Blogpost of Association for Research into Crime against Art*. 15.01.2018. <https://art-crime.blogspot.com/search?q=IDs+from+the+Archive>

REFERENCES

1. Shevchenko B.I. External Structure As an Individual Property of The Objects of Traceological Identification. *Scientific Papers of the USSR Central Scientific Research Institute of Forensic Science*. Issue 2. Moscow: TsNIISE, 1970. P. 145–156. (In Russ.)
2. Shevchenko B.I. *Scientific Foundations of Modern Traceology*. Moscow, 1947. 54 p. (In Russ.)
3. Shevchenko B.I. *Forensic Traceological Examination. General Part. Handbook*. Issue 1 / Kh.M. Takho-Godi (ed). Moscow: VNIISE, 1972. 74 p. (In Russ.)
4. Granovskii G.L. Methods of Forensic Traceological Examination. *Methods of Forensic Expert Research. Collection of Scientific Papers*. No. 29. Moscow: VNIISE, 1977. P. 68–112. (In Russ.)
5. Granovskii G.L. *The Basics of Traceology*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2006. 452 p. (In Russ.)
6. Mailis N.P. *Forensic Traceology*. Moscow: Pravo i zakon, Ekzamen, 2003. 272 p. (In Russ.)
7. Khaziev Sh.N., Bushin A.V. Application of Trace Evidence Analyses in Fine Art Identification to Rule out Fraudulent Substitution or Damage. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 60–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-1-60-64>
8. Khaziev Sh.N. Errors in the Production of Art and Forensic Art Examinations. In: Rossinskaya E.R. (ed). *Forensic Examination: Typical Errors*. Moscow: Prospekt, 2012. P. 366–371. (In Russ.)
9. Kantor A.M., Arslanov V.G. (eds). *Apollo. Fine and Decorative Art. Architecture. Terminological Dictionary*. A–Ya. Moscow: Ellis Lak, 1997. 736 p. (In Russ.)
10. Zinin A.M., Roman'ko N.A., Khaziev Sh.N. To the Question on Concept Specification of the Forensic Portrait Expertise Objects. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2012. No. 2 (26). P. 14–19. (In Russ.)
11. Romanko N.A., Zinin A.M., Khaziev Sh.N. Forensic Identification of the Person on the Basis of Appearance and Features of the Structure Body. *Russian Journal of Forensic Medicine*. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 21–25. (In Russ.). <http://doi.org/10.19048/2411-8729-2017-3-1-21-25>
12. Zinin A.M. *Mysteries of Portraits (Forensic Notes)*. 3rd ed. Moscow: Prospekt, 2019. 160 p. (In Russ.)
13. Anderson J. *The Life of Giovanni Morelli in Risorgimento Italy*. Milano: Officina Libraria, 2019. 268 p.
14. Ginzburg C., Davin A., Freud and Sherlock Holmes: Clues and Scientific Method. *History Workshop*. 1980. No. 9. P. 5–36. <https://www.jstor.org/stable/4288283>
15. Albertson L. IDs from the Archives in the Michael Steinhardt and Phoenix Ancient Art Seizures. *Blogpost of Association for Research into Crime against Art*. 15.01.2018. <https://art-crime.blogspot.com/search?q=IDs+from+the+Archive>

- s+in+the+Michael+Steinhardt+and+Phoenix+Ancient+Art+Seizures
16. Biro P. Fingerprint Examination / Leonardo da Vinci. "La Bella Principessa". 2009. P. 148–165.
17. Art Experts Claim New da Vinci Found // CBS NEWS. October 14, 2009.
18. Grann D. The Mark of a Masterpiece. The Man Who Keeps Finding Famous Fingerprints on Uncelebrated Works of Art // The New Yorker. July 12, 2010.
19. Кошкин Е. Пальчики да Винчи попадут в базу данных. Мировой банк отпечатков пальцев великих мастеров поможет определить подделку // Новая газета. 28.06.2010. № 68.
20. Кошкин Е.А. Атрибуция живописных полотен по отпечаткам пальцев художников (метод полковника Е. Кошкина) // Петровка, 38. № 24 (9429) от 9.07.2014.
21. Кошкин Е. Атрибуция живописных полотен по отпечаткам пальцев художников (продолжение) / Авторский блог Евгения Кошкина. 25.10.2016. [http://zavtra.ru/blogs/atributciya_zhivopisnih_poloten_po_otpechat-kam_pal_tcev_hudozhnikov_\(prodolzhenie\)](http://zavtra.ru/blogs/atributciya_zhivopisnih_poloten_po_otpechat-kam_pal_tcev_hudozhnikov_(prodolzhenie)) (дата обращения: 19.02.2020).
22. Кудрявцева Е. Ручная работа. Создание мировой базы отпечатков художников Кошкин считает делом своей жизни // Огонёк. № 21. 25.05.2008. С. 2.
23. Greenhalgh Sh. A Forger's Tale: Confessions of the Bolton Forger. Allen & Unwin, 2017. 438 p.
24. Jones J. This is a Leonardo da Vinci? The Gullible Experts Have Been Duped Again // The Guardian. 30.11.2015. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/nov/30/leonardo-da-vinci-experts-painting-la-bella-principessa>
25. Курин Г.И., Черниговский В.Н. Трасологическая экспертиза установления целого по частям. Учеб. пособие. Волгоград: Волгоградская акад. МВД России, 2008. 34 с.
26. Шевко Н.Н., Куленкова Е.В. Криминалистическое исследование целого по частям // Евразийское научное объединение. 2019. № 7–3 (53). С. 239–240.
27. Хазиев Ш.Н. Трасологическая диагностика леворучных действий / Экспертная техника. Вып. 114. М.: ВНИИСЭ, 1990. С. 6–12.
28. Хазиев Ш.Н. Проявление симметрии в объектах судебно-трасологического исследования / Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 8. М.: ВНИИСЭ, 1990. С. 1–6.
29. Khaziev Sh.N. Traceology and Symmetry / Trace Evidence at Crime Scene. The Second Forensic Experts Conference (January 6–8, 1996). Dubai Police General H.Q. Abstracts. P. 14–16.
30. Wheaton O. Man is Jailed for Punching a Hole Through an 8 Million Monet Painting // Metro. 06.12.2014.
31. Бугаенко Т.Ф. Технологические особенности современной живописи // Инновации в науке. 2016. № 55–1. С. 62–66.
32. Кудрявцев Е.В. Техника реставрации картин. М.: ООО «Изд-во В. Шевчук», 2002. 252 с.
- s+in+the+Michael+Steinhardt+and+Phoenix+Ancient+Art+Seizures
16. Biro P. Fingerprint Examination. *Leonardo da Vinci*. "La Bella Principessa". 2009. P. 148–165.
17. Art Experts Claim New da Vinci Found. *CBS NEWS*. October 14, 2009.
18. Grann D. The Mark of a Masterpiece. The Man Who Keeps Finding Famous Fingerprints on Uncelebrated Works of Art. *The New Yorker*. July 12, 2010.
19. Koshkin E. Da Vinci's Fingers Will End Up in a Database. The World's Great Masters' Bank of Fingerprints Will Help to Identify a Forgery. *Novaya Gazeta*. 28.06.2010. No. 68. (In Russ.)
20. Koshkin E.A. Attribution of Paintings by Artists' Fingerprints (Colonel E. Koshkin's Method). *Petrovka, 38*. No. 24 (9429) ot 9.07.2014. (In Russ.)
21. Koshkin E. Attribution of Paintings by Artists' Fingerprints (Continuation). *Evgeny Koshkin's Author's Blog*. 25.10.2016. [http://zavtra.ru/blogs/atributciya_zhivopisnih_poloten_po_otpechat-kam_pal_tcev_hudozhnikov_\(prodolzhenie\)](http://zavtra.ru/blogs/atributciya_zhivopisnih_poloten_po_otpechat-kam_pal_tcev_hudozhnikov_(prodolzhenie)) (date accessed: 19.02.2020). (In Russ.)
22. Kudryavtseva E. Handicraft. Koshkin Considers the Creation of a Global Database of Artists' Fingerprints to Be His Life's Work. *Ogonyok*. No. 21. 25.05.2008. P. 2. (In Russ.)
23. Greenhalgh Sh. A Forger's Tale: Confessions of the Bolton Forger. Allen & Unwin, 2017. 438 p.
24. Jones J. This is a Leonardo da Vinci? The Gullible Experts Have Been Duped Again. *The Guardian*. 30.11.2015. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/nov/30/leonardo-da-vinci-experts-painting-la-bella-principessa>
25. Kurin G.I., Chernigovskii V.N. *Traceological Examination of Identifying a Whole by Its Parts. Handbook*. Volgograd: Volgogradskaya akad. MVD Rossii, 2008. 34 p. (In Russ.)
26. Shevko N.N., Kulenkova E.V. Forensic Investigation of a Whole by Its Parts. *Eurasian Scientific Association*. 2019. No. 7–3 (53). P. 239–240. (In Russ.)
27. Khaziev Sh.N. Traceological Diagnostics of Left-Handed Actions. *Expert Technique*. Issue 114. Moscow: VNIISE, 1990. P. 6–12. (In Russ.)
28. Khaziev Sh.N. Showing of Symmetry in Objects of Forensic Traceological Investigation. *Expert Practice and New Research Methods*. Issue 8. Moscow: VNIISE, 1990. P. 1–6. (In Russ.)
29. Khaziev Sh.N. Traceology and Symmetry. *Trace Evidence at Crime Scene. The Second Forensic Experts Conference (January 6–8, 1996)*. Dubai Police General H.Q. Abstracts. P. 14–16.
30. Wheaton O. Man is Jailed for Punching a Hole Through an £8 Million Monet Painting. *Metro*. 06.12.2014.
31. Bugaenko .T.F. Technological Features of Modern Painting. *Innovations in Science*. 2016. No. 55–1. P. 62–66. (In Russ.)
32. Kudryavtsev E.V. *Technique of Paintings' Restoration*. Moscow: V. Shevchuk, 2002. 252 p. (In Russ.)

33. Тростянская Е.Б., Томашевич Г.Н., Сорокина Е.В. Укрепление и реставрация памятников из дерева / Вопросы реставрации и консервации произведений изобразительного искусства. Метод. пособие. М.: Академия художеств СССР, 1960. С. 18–26.
33. Trostyanskaya E.B., Tomashevich G.N., Sorokina E.V. Strengthening and Restoration of Wooden Monuments. *Issues of Restoration and Conservation of Works of Fine Art. Handbook*. Moscow: Akademiya khudozhestv SSSR, 1960. P. 18–26. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хазиев Шамиль Николаевич – д. юр. н., доцент, адвокат адвокатской конторы «Аснис и партнеры» коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»; e-mail: khaziev2@rambler.ru

Статья поступила: 10.04.2020

После доработки: 15.06.2020

Принята к печати: 25.08.2020

ABOUT THE AUTHOR

Khaziev Shamil Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Attorney at Law, Law Office “Asnis & Partners”, Moscow City Collegium of Advocates; e-mail: khaziev2@rambler.ru

Received: April 10, 2020

Revised: June 15, 2020

Accepted: August 25, 2020

К вопросу о криминалистическом исследовании бумаги

А.В. Мамонтов

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. Бумага – это поликомпонентный материал, основой которого являются растительные волокна, технологически соединенные между собой в лист. Задачи ее исследования ставятся перед специалистами в области судебно-технического исследования документов, экспертами-химиками и материаловедцами. Исследование бумаги может быть подзадачей решения вопросов в рамках производства других видов экспертиз. При этом данной проблематике уделено недостаточно внимания в специальной литературе, имеются лишь публикации в сборниках или небольшие разделы в изданиях, посвященных исследованию материалов документов. Причем некоторые работы, раскрывающие особенности анализа материаловедческих характеристик бумаги, написаны технологами бумажной промышленности и далеки от специфики и методических основ производства судебных экспертиз.

Цель статьи – обоснование необходимости новых научных исследований и разработки новых методик в области судебно-технической экспертизы документов. Описан круг задач, решаемых при судебно-технической экспертизе документов, определены основные возможности, связанные с исследованием бумаги.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, документ, экспертиза документов, судопроизводство*

Для цитирования: Мамонтов А.В. К вопросу о криминалистическом исследовании бумаги // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 124–128.

<https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-124-128>

On the Forensic Examination of Paper

Aleksei V. Mamontov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. Paper is a multi-component material based on plant fibers, technologically joined together into a sheet. Studying paper tasks are assigned to specialists in the forensic-technical examination of documents, to chemists and materials scientists. Examination of paper can be a sub-task to address specific questions set to other types of expertise. Meanwhile, there is not enough attention to this problem in the specialized literature. There are some publications in various compilations or small sections in works devoted to documents' materials study. Some of the works that reveal the features of the analysis of the materials science characteristics of paper have been written by the paper industry's technologists and are far from forensic examinations' specifics and methodological foundations.

The article's main objective is to demonstrate the need for new scientific studies and methodological developments in the forensic-technical examination of documents. The article describes the range of tasks solved by this type of examination, identifies the main opportunities for paper studies.

Keywords: *forensic examination, document, examination of documents, legal proceedings*

For citation: Mamontov A.V. On the Forensic Examination of Paper. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 124–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-124-128>

Введение

В экспертной практике иногда возникают задачи, связанные с исследованием документов, подвергшихся изменению в результате воздействия различных факторов внешней среды. Зачастую они ставятся перед специалистами в области судебно-технического исследования документов, перед экспертами-химиками и материаловедом [1]. Исследование материала-носителя документа, в частности бумаги, может быть подзадачей для решения целого ряда вопросов, например, при криминалистическом исследовании оттисков печатей и штампов. Известно, что перед любым исследованием в первую очередь необходимо оценить сопоставимость образцов и воспроизводимость признаков. В данном случае, если исследуемый объект (непосредственно оттиск) выполнен на бумаге с низкой степенью проклейки, а затем хранился при изменчивых влажности и температуре, отображение его признаков будет напрямую зависеть от свойств бумаги [2]. В этих условиях достаточно сложно подготовить соответствующие экспериментальные образцы для сравнительного исследования, а свободные и условно свободные образцы, выполненные на бумаге другого сорта в другое время, могут различаться с исследуемым объектом по отображению общих и частных признаков. Таким образом, успех исследования будет зависеть от того, насколько адекватно эксперт оценит указанные различия, что напрямую связано с изучением свойств бумаги документа и пониманием, как те или иные факторы внешней среды влияют на документ [3].

Предмет, объект и задачи экспертного исследования бумаги

Криминалистическое исследование бумаги – это всего лишь часть целого комплекса различных экспериментов, ограниченная определенными правовыми нормами и компетенцией эксперта [4]. Предметом исследования является установление фактических данных об исследуемом объекте, необходимых для объективной и всесторонней оценки фактов, составляющих доказательственную базу по делу. Объектом изучения является бумага – многокомпонентный материал, основу которого составляют растительные волокна, технологически соединенные между собой в лист [5]. При этом решаются следующие задачи [6].

1. Установление класса, вида бумаги и, при возможности, ее изготовителя.

2. Установление принадлежности различных исследуемых объектов к одной партии выпуска.

3. Установление условий хранения и эксплуатации документов, выполненных на бумажной основе.

4. Установление принадлежности фрагментов бумаги единому целому.

Методические основы экспертного исследования бумаги

Основной задачей этого исследования является анализ свойств представленной бумаги, их специфики и причин их изменения (если есть сведения из материалов дела) [7]. Оговоримся, что в любом случае обеспечить всю полноту диагностических исследований невозможно либо затруднительно из-за необходимости установления родо-видовой принадлежности бумаги, что само по себе может быть самостоятельной задачей, а также подзадачей для проведения других экспертных исследований [8].

С целью решения криминалистических задач определяют технологические показатели бумаги, включая особенности ее структуры, физические и механические свойства, состав волокна, проклеивающих и наполняющих веществ и др. Необходимо отметить, что методика криминалистического исследования бумаги, в отличие от принятой в лабораториях бумажной промышленности, имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой объекта: ограниченными размерами, наличием красочных изображений, загрязнений, возможными изменениями свойств, что связано с условиями хранения, использования и др. [9] Зачастую невозможно установить те или иные параметры, например сопротивление бумаги разрыву, излому, ее жесткость и влагопрочность часто не могут быть определены в силу запрета на использование экспертом разрушающих методов исследования. Не всегда можно определить сорность, светопроницаемость и прозрачность.

Поэтому часто необходимо исследовать другие свойства бумаги методами, позволяющими работать с образцами минимального объема. В таких случаях устанавливают такие показатели, как структуру поверхности, толщину, массу одного квадратного метра бумаги, ее плотность, состав по волокну, зольность, минеральный состав и пр. Для решения идентификационных вопросов, в частности о принадлежности бумаги к определенной партии выпуска, помимо указан-

ных свойств исследуют степень отбеливания и помола, характер маркировки сетки, особенности линии разреза (отрыва), линовку, степень загрязнения и другие признаки [10].

К основным свойствам материала бумаги, которые выявляют при ее криминалистическом исследовании, относят [11]:

- структурно-механические свойства (механическая прочность и устойчивость к деформации);

- капиллярные и гигроскопические свойства (адсорбция и десорбция влаги, впитывающая способность);

- оптические свойства (светопрозрачность, прозрачность и белизна);

- печатные свойства (однородность, способность воспринимать печатную краску, гладкость и плоскостность поверхности, лоск, мягкость и др.);

- электрические свойства (электроизоляционность, проводимость);

- особые свойства (долговечность и биостойкость, огнестойкость, барьерные свойства).

Важно понимать, что длительное хранение при комнатной температуре в условиях переменной влажности воздуха, или при резких ее перепадах, по-разному влияет на физико-химические свойства бумаги, изменение гетерогенной структуры целлюлозного волокна, соотношение кристаллической и аморфной областей, межмолекулярные и внутримолекулярные взаимодействия [12]. Наиболее значительные изменения имеют место при высокой относительной влажности воздуха, особенно при длительном хранении. Степень протекающих при этом изменений зависит от анатомического строения целлюлозного волокна, композиции бумаги и ряда других факторов. Ускорению старения растительных волокон в бумаге способствует повышенная концентрация кислорода в окружающей среде, особенно при повышенной влажности. Резко понижает качество бумаги прямое попадание солнечного света, который в процессе окисления целлюлозы является катализатором [13].

Эти факторы необходимо учитывать при решении криминалистических задач. Экспериментально установлено, что старение материалов документов происходит в результате одновременного воздействия температуры, влажности, воздуха и света. Влияние каждого фактора в отдельности незначительно, кроме высоких температур, на чем нужно остановиться отдельно. Под воздействием высоких температур бумага становится менее прочной, понижается ее сопротивление

излому. Изучая влияние высоких температур на долговечность бумаги, обычно применяют ее 72-часовую термическую обработку при 100 °С. Нередко время обогрева сокращают, повышая при этом температуру. Опытным путем установлено, что теплостойкость сульфитных бумаг низкая, а пеньковых довольно высокая. Древесные сульфатные целлюлозы по фракционному составу занимают промежуточное положение между пеньковыми и сульфитными и, соответственно, обладают средней теплостойкостью [14].

Таким образом, вопросы, связанные с исследованием бумаги, как самостоятельные, так и представляющие собой подзадачи для решения иных криминалистических задач, требуют выработки структурированного методического подхода.

Заключение

Диалектическая связь между субъектом и объектом познания зависит от вида познания; в научном экспертном познании особенности объекта исследования преломляются сквозь призму устоявшихся понятий, законов и категорий [15]. В практической экспертной деятельности результат применения того или иного метода исследования напрямую связан с традициями конкретной экспертной школы. Отечественная судебная экспертиза, жестко определяя предметные области исследования в различных видах экспертиз, искусственно сужает компетенции исследователя. Фактический же уровень специальных познаний, а также прогресс в области криминалистической техники позволяет решать более широкий спектр задач по сравнению с классически определенными в различных экспертных и следственных справочниках. Устоялось мнение, что производство экспертизы – это разновидность практической деятельности, опирающейся на науку, но при этом оно само не является научным исследованием [16]. В этой связи требование формализации методических подходов к решению экспертных задач вполне обосновано, но не исключает расширение экспертных компетенций [17]. Таким образом, криминалистическое исследование бумаги можно считать важным и перспективным направлением судебно-технической экспертизы документов, требующим проведения новых научных исследований в целях определения закономерностей формирования следовой картины и динамики информационного поля относительно свойств и параметров бумажного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проткин А.А. Криминалистическое исследование документов. Учебное пособие. М.: Щит-М, 2011. 320 с.
2. Справочные данные, используемые при криминалистических исследованиях материалов документов. Учебное пособие / Под ред. В.А. Снеткова. М.: ВНИИ МВД СССР, 1987. 92 с.
3. Митричев В.С. Хрусталеv В.Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них. Учебное пособие. СПб: Питер, 2003. 198 с.
4. Корольков А.Г., Горшенин Ю.А., Лютов В.П. Криминалистическое исследование денежных билетов СССР. Материалы поддельных денежных билетов и методы их исследования. Уч. пособие. М.: ВНКЦ МВД СССР, 1991. 88 с.
5. Установление вида материалов документов. Учебное пособие / Под ред. В.А. Снеткова. М.: ВНИИ МВД СССР, 1987. 120 с.
6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2009. 735 с.
7. Моисеева Т.Ф. К вопросу об установлении подлинности фиктивных документов: современные реалии // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 3. С. 45–48. <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2017-12-3-45-48>
8. Берова Д.М., Гаужаева В.А. Способы частичной подделки документов и их выявление // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 264–266.
9. Флятэ Д.М. Технология бумаги. Учебник для вузов. М.: Лесная промышленность, 1988. 440 с.
10. Ефименко А.В. Судебно-техническая экспертиза документов, изготовленных с использованием электрофотографических печатающих устройств. Саратов: СЮИ МВД России, 2010. 180 с.
11. Бобырев В.Г. Лабораторный практикум по физическим и химическим методам исследования. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978. 95 с.
12. Перфильева Н.В., Ванданова Д.Д. Консервация библиотечных фондов. Метод. пособие. Улан-Удэ: Нац. б-ка Респ. Бурятия, 2008. 36 с.
13. Соклакова Н.А., Хрусталеv В.Н. Криминалистическое исследование материалов документов. СПб.: Питер, 2005. 161 с.
14. Лютов В.П., Четверкин П.А., Головастиков Г.Ю. Цветоведение и основы колориметрии. Учебник. М.: Юрлитинформ, 2015. 240 с.
15. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 479 с.
16. Чернова М.Н. О необходимости и возможности проведения судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве // Бизнес в законе. 2015. Вып. 1. С. 141–144.
17. Де Киндер Я. Региональное и международное сотрудничество в области судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 3 (31). С. 171.

REFERENCES

1. Protkin A.A. *Forensic Examination of Documents. Textbook*. Moscow: Shchit-M, 2011. 320 p. (In Russ.)
2. Snetkov V.A. (ed). *Reference Data Used in Forensic Research of Document Materials. Textbook*. Moscow: VNII MVD SSSR, 1987. 92 p. (In Russ.)
3. Mitrichev V.S. Khrustalev V.N. *Basics of Forensic Analysis of Materials, Substances and Products from Them. Textbook*. Saint Petersburg: Piter, 2003. 198 p. (In Russ.)
4. Korol'kov A.G., Gorshenin Yu.A., Lyutov V.P. *Forensic Analysis of Money Tickets of the USSR. Materials of Counterfeit Money Tickets and Methods for Their Research. Textbook*. Moscow: VNKTs MVD SSSR, 1991. 88 p. (In Russ.)
5. Snetkov V.A. (ed). *Identification of the Type of Documents' Material. Handbook*. Moscow: VNII MVD SSSR, 1987. 120 p. (In Russ.)
6. Rossinskaya E.R. *Forensic Expertise in Civil, Arbitration, Administrative and Criminal Proceedings*. Moscow: Norma, 2009. 735 p. (In Russ.)
7. Moiseeva T.F. Establishing the Fact of Document Forgery: Modern Realities. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 3. P. 45–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2017-12-3-45-48>
8. Berova D.M., Gauzhaeva V.A. Methods of Partial Falsification of Documents and their Identification. *Gaps in Russian Legislation*. 2019. No. 5. P. 264–266. (In Russ.)
9. Flyate D.M. *Technology of Paper. Textbook for Higher Education Institutions*. Moscow: Lesnaya promyshlennost', 1988. 440 p. (In Russ.)
10. Efimenko A.V. *Forensic Technical Examination of Documents Produced Using Electrophotographic Printing Devices*. Saratov: SYul MVD Rossii, 2010. 180 p. (In Russ.)
11. Bobyrev V.G. *Laboratory Course on Physical and Chemical Research Methods*. Volgograd: VSSh MVD SSSR, 1978. 95 p. (In Russ.)
12. Perfil'eva N.V., Vandanova D.D. *Conservation of Library Collections: Handbook*. Ulan-Ude: Nats. b-ka Resp. Buryatiya, 2008. 36 p. (In Russ.)
13. Soklakova N.A., Khrustalev V.N. *Forensic Analysis of Documents' Materials*. Saint Petersburg: Piter, 2005. 161 p. (In Russ.)
14. Lyutov V.P., Chetverkin P.A., Golovastikov G.Yu. *Color Science and Basics of Colorimetry. Textbook*. Moscow: Yurilitinform, 2015. 240 p. (In Russ.)
15. Aver'yanova T.V. *Forensic Expertise. The Course of General Theory*. Moscow: Norma, 2006. 479 p. (In Russ.)
16. Chernova M.N. On the Necessity and Feasibility of Conducting Judicial Expertise in Civil Justice. *Business in Law*. 2015. No. 1. P. 141–144. (In Russ.)
17. De Kinder J. Regional and International Cooperation in the Field of Forensic Expertise. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2013. No. 3 (31). P. 171. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамонтов Алексей Владимирович – заместитель заведующего лаборатории судебно-технической экспертизы документов ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: biven83@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mamontov Aleksei Vladimirovich – Deputy Head of the Laboratory of Forensic-Technical Examination of Documents, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: biven83@yandex.ru

Статья поступила: 15.06.2020

После доработки: 23.07.2020

Принята к печати: 25.08.2020

Received: June 15, 2020

Revised: July 23, 2020

Accepted: August 25, 2020

К 100-летию А.А. Гусева – основоположника судебной портретной экспертизы в системе Минюста России

А.М. Зинин^{1,2}

¹ Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

² ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва 125993, Россия

Аннотация. Статья посвящена деятельности Александра Александровича Гусева – ученого и практика в области судебной портретной экспертизы, 100-летие со дня рождения которого отмечается в ноябре 2020 года.

Дана краткая характеристика кандидатской диссертации А.А. Гусева, темой которой являлось установление личности по признакам внешности, защищенной им в 1955 году. Аннотируется разработанная им в 1960 году методика производства судебных экспертиз в целях установления личности по чертам внешности. Кратко описана последующая деятельность А.А. Гусева по развитию методического обеспечения производства судебных портретных экспертиз и их практического выполнения.

Ключевые слова: А.А. Гусев, судебная портретная экспертиза

Для цитирования: Зинин А.М. К 100-летию А.А. Гусева – основоположника судебной портретной экспертизы Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Том 15. № 3. С. 129–132. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-129-132>

On the A.A. Gusev's 100th Anniversary – the Founder's of the Forensic Portrait Examination in the System of the Russian Ministry of Justice

Aleksandr M. Zinin^{1,2}

¹ The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

² Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow 125993, Russia

Abstract. The article is devoted to Alexander A. Gusev's work as a scientist and practitioner in forensic portrait examination, whose 100th anniversary will be celebrated in November 2020.

The author gives a brief description of A.A. Gusev's Ph.D. thesis, the theme of which was physical identification of a person. He defended the thesis in 1955. An annotation is provided for a technique he devised for forensic examinations for the physical identification of a person in 1960. A brief description of A.A. Gusev's subsequent activities on the development of methodological support for the production of forensic portrait examinations and their practical implementation is given.

Keywords: A.A. Gusev, forensic portrait examination

For citation: Zinin A.M. On the A.A. Gusev's 100th Anniversary – the Founder's of the Forensic Portrait Examination in the System of the Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 129–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-129-132>

5 ноября 2020 года исполняется 100 лет со дня рождения Александра Александровича Гусева, основателя методического обеспечения судебной портретной экспертизы

в системе судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста России.

В 1939 году после окончания средней школы он поступил в Юридический инсти-

тут Прокуратуры СССР и в том же году был призван в ряды Красной армии. С июля 1941 года по июль 1944 участвовал во многих кровопролитных сражениях – получил четыре ранения, в том числе два тяжелых, в связи с чем был демобилизован.

В 1944 году А.А. Гусев поступил в Московский юридический институт, а после его окончания в 1948 году остался в аспирантуре. В 1955 году А.А. Гусевым была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Установление личности по признакам внешности»¹ на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. К этому времени, с октября 1954 года, он уже работал в Центральной криминалистической лаборатории Всесоюзного института юридических наук (ЦКЛ ВИЮН). Диссертация А.А. Гусева была одной из первых монографических работ, где рассматривался процесс криминалистического установления личности по признакам внешности в комплексе.

Как указано в автореферате, автор поставил в диссертации следующие задачи:

- рассмотреть некоторые вопросы теории идентификации личности по признакам внешности;
- описать признаки внешности и механизм их отображения;
- показать технику обнаружения и фиксации следов частей тела человека;
- изложить основные методы оперативно-криминалистического исследования признаков внешности, отобразившихся на материальных объектах и зафиксированных в памяти других людей;
- описать научно-технические средства и методы, применяемые при экспертно-криминалистическом установлении личности по признакам внешности.

Как видно из перечня, он охватывает комплекс задач, входящих в такую научно-практическую дисциплину, как габитоскопия. В диссертации А.А. Гусев изложил требования к признакам внешности, по которым устанавливается личность, представил методы, которые должны использоваться в этом процессе.

Научный интерес представляют суждения А.А. Гусева относительно следов частей тела человека и механизма их отображения на материальных объектах. При этом он исходил из концептуальных основ теории криминалистической идентификации и тео-

ретического базиса криминалистического следоведения, рассматривая их применительно к отображениям частей тела человека; предложил авторскую классификацию их системы. В диссертации также была представлена система признаков анатомических элементов человека, прежде всего лица.

Отдельная глава была посвящена оперативно-криминалистическому исследованию частей тела человека и черт его внешности, где, опираясь на анализ судебной практики, А.А. Гусев рассмотрел вопросы организации и проведения опознания личности и оценки судом результатов такого опознания.

Уделил внимание А.А. Гусев и таким объектам, как признаки зубов человека, предложив их систему и показав их криминалистическое значение. Важно, что в диссертации изложены процессуальные и технические правила фиксации различных следов человека, в том числе следов пальцев рук. Представлена подробная методика экспертизы следов зубов, рук, ног, обуви, отождествления личности по фотографическому снимку.

В диссертационной работе А.А. Гусев изложил правила изготовления опознавательных фотоснимков, в том числе и с помощью систем фотоаппаратов, а также вопросы подготовки сравнительного материала для

¹ Гусев А.А. Установление личности по признакам внешности: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва, 1955. 16 с.

экспертного исследования по художественным и любительским фотоснимкам.

Интерес представляют результаты оценки А.А. Гусевым возможности использования в следственно-судебной практике метода установления личности по черепу, разработанного известным антропологом М.М. Герасимовым [1].

Свои методические рекомендации А.А. Гусев сформировал по результатам обобщения экспертной практики Центральной криминалистической лаборатории ВИЮН, а также практики Киевского и Харьковского научно-исследовательских институтов судебных экспертиз и архивным делам ряда судов Москвы.

Диссертационная работа А.А. Гусева является комплексным монографическим исследованием, и хотя прошло уже более полувека, она полезна и актуальна для теории и практики криминалистики и судебной экспертизы и в настоящее время.

А.А. Гусев не ограничился подготовкой кандидатской диссертации и разработал методику производства судебных экспертиз в целях установления личности по чертам внешности [2]. Она была издана в 1960 году в качестве учебно-методического пособия Центральной криминалистической лабораторией ВИЮН Министерства юстиции РСФСР, где А.А. Гусев работал в должности младшего научного сотрудника.

А.А. Гусев рассмотрел в данном пособии судебно-портретную экспертизу по стадиям и этапам ее проведения, подробно остановившись на их содержании, особенностях этапов работы, приемах и методах. Методика сопровождалась анализом материалов из экспертной практики. Значение этого пособия для судебных экспертов было очень велико, поскольку работы В.И. Зубкова, А.П. Краснова, В.А. Снеткова – экспертов-криминалистов, исследовавших вопросы установления личности по признакам внешности, – издавались только для сотрудников органов госбезопасности и внутренних дел. И хотя А.А. Гусев в последующем стал уделять основное внимание проблемам технико-криминалистической экспертизы документов², вопросы судебной портретной экспертизы оставались в сфере его внимания. Так, в 1977 году его работа по мето-

дам судебной портретной экспертизы была опубликована в сборнике научных трудов ВНИИСЭ [3]. В 1995 году на теоретическом семинаре А.А. Гусев выступил по проблеме унификации понятийного аппарата, как одного из основных требований судебной портретной экспертизы.

А.А. Гусев проводил судебные портретные экспертизы, назначаемые во ВНИИСЭ Министерства юстиции СССР. Каждая из них являлась, по сути, небольшой научно-исследовательской работой, поскольку ему приходилось сталкиваться с новыми аспектами, обусловленными спецификой фотографического отображения признаков внешности запечатлеваемых людей. Не всегда это были фотоснимки документов, удостоверяющих личность. Ему приходилось работать и с другими видами фотоизображений, и тут следует сказать о фотокарточках 1941 года, на которых немецкие фашисты запечатлели казнь героини – партизанки Зои Космодемьянской. А.А. Гусев исследовал и фотоснимки без вести пропавших граждан, и изображения неопознанных трупов. Его отличали не только тщательная разработка вопросов методики судебной портретной экспертизы, но и решение нестандартных экспертных ситуаций.

А.А. Гусев не ограничивался работой в своей лаборатории, он контактировал со специалистами других ведомств. Учитывая, что в системе СЭУ Министерства юстиции отсутствовало соответствующее времени методическое пособие по производству судебных портретных экспертиз, у А.А. Гусева возникла идея сформировать авторский коллектив для разработки такого пособия. В этот коллектив вошли, кроме Гусева, д. м. н., проф. М.В. Кисин, к. м. н. С.С. Абрамов, эксперт А.Б. Зотов и автор этого очерка.

А.А. Гусевым был подготовлен ключевой параграф первой главы, посвященный общим положениям судебной портретной экспертизы, в котором он изложил понятие предмета этого рода судебных экспертиз, дал характеристики ее объектов, задач и методов. В третьей главе, посвященной методике идентификации человека по прижизненным фотоснимкам, он, опираясь на свой многолетний экспертный опыт, изложил основные подходы к работе с различными объектами, представляемыми на судебную портретную экспертизу. Им были написаны такие параграфы, как идентификация человека по прижизненным одноразовым фотоснимкам, изготовленным с незначитель-

² Начиная с 1962 года, А.А. Гусев в течение 26 лет возглавлял лабораторию технико-криминалистической экспертизы документов во Всесоюзном научно-исследовательском институте судебной экспертизы (ВНИИСЭ), впоследствии ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России.

ным разрывом во времени; особенности идентификации человека по разноракурсным фотоснимкам; идентификация человека по фотоснимкам, изготовленным со значительным разрывом во времени; методика идентификации по фотоснимкам, содержащим ограниченный объем информации о признаках внешности, запечатленных на них; изложены особенности подготовки заключения эксперта по судебной портретной экспертизе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949. 189 с.
2. Гусев А.А. Методика производства судебных экспертиз в целях установления личности по чертам внешности. М-во юстиции РСФСР. Высш. курсы усовершенствования юристов. М.: [б. и.], 1960. 30 с.
3. Гусев А.А. Методы судебно-портретной экспертизы / Методы экспертных криминалистических исследований. Сб. науч. трудов. М.: ВНИИСЭ, 1977, № 29. С. 55–67.
4. Абрамов С.С., Гусев А.А., Зинин А.М., Зотов А.Б., Кисин М.В. Судебно-портретная экспертиза. Методическое пособие. М.: РФЦСЭ, 2003. 162 с.
5. Зинин А.М. Судебно-портретная экспертиза. Методическое руководство. М.: РФЦСЭ, 2013. 150 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинин Александр Михайлович – д. юр. н., профессор, главный эксперт лаборатории судебно-технической экспертизы документов ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; профессор кафедры судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина; e-mail: amzinin@mail.ru

Статья поступила: 20.11.2019
После доработки: 24.12.2019
Принята к печати: 25.06.2020

Работа над пособием была завершена в 1996 году, а в 2003 году оно было опубликовано [4] и направлено в СЭУ системы Минюста России. И хотя с тех пор прошло уже значительное время, появились новые объекты и новые методические подходы [5], оно не потеряло своего методического значения для судебных экспертов, которые проводят судебно-портретные экспертизы.

REFERENCES

1. Gerasimov M.M. *The Basics of Facial Reconstruction*. Moscow: Sovetskaya nauka, 1949. 189 p. (In Russ.)
2. Gusev A.A. *The Methodology of Conduct for Forensic Examinations on the Identification by Physical Appearance*. Ministry of Justice RSFSR. Higher Courses for Advanced Training for Lawyers. Moscow, 1960. 30 p. (In Russ.)
3. Gusev A.A. The Methods of Forensic Portrait Examination. *The Methods of Forensic Expert Research. The Collection of Scientific Works*. Moscow: VNIISE, 1977, No. 29. P. 55–67. (In Russ.)
4. Abramov S.S., Gusev A.A., Zinin A.M., Zotov A.B., Kisin M.V. *Forensic Portrait Examination. Handbook*. Moscow: RFCFS, 2003. 162 p. (In Russ.)
5. Zinin A.M. *Forensic Portrait Examination. Methodical Guide*. Moscow: RFCFS, 2013. 150 p. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Zinin Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Law, Professor, Master Forensic Examiner at the Laboratory of Questioned Document Examination, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; Professor of the Department of Forensic Sciences at Kutafin University; e-mail: amzinin@mail.ru

Received: November 20, 2019
Revised: December 24, 2019
Accepted: June 25, 2020

Краткие правила для авторов

Редакция журнала просит авторов строго соблюдать следующие правила. Присылаемые статьи не должны быть уже где-либо опубликованы или представлены для публикации в других изданиях. Оригинальность текста рукописи составляет более 75 %.

В редакцию в электронном виде (через сайт журнала www.tipse.ru или по электронной почте tipse@sudexpert.ru) должны быть предоставлены: 1) отсканированная копия сопроводительного письма с места работы (учебы) автора, 2) файл статьи в формате Word, 3) отсканированный текст статьи, подписанный всеми авторами, 4) файлы рисунков.

Материалы рукописи размещаются в одном файле в следующей последовательности.

1. Название статьи.
2. Инициалы и фамилия автора(ов).
3. Официальное наименование учреждения, в котором работает автор, город и индекс, страна.
4. Аннотация статьи на русском языке (150–250 слов).
5. Ключевые слова на русском языке.
6. Название статьи на английском языке.
7. Транслитерированные в формате BSI (написанные латиницей) имя, отчество и фамилия автора(ов) (сайт для автоматической транслитерации в формате BSI: <https://antropophob.ru/translit-bis>).
8. Место(а) работы автора(ов), город, индекс, страна на английском языке.
9. Аннотация на английском языке (Abstract).
10. Ключевые слова на английском языке (Keywords).
11. Текст статьи.
12. Список литературы.
13. Список References (для выгрузки списка литературы в зарубежные информационные системы).
14. Сведения об авторе(ах) на русском и английском языках.

Изложение материала должно быть ясным, лаконичным и последовательным, без дублирования в тексте данных таблиц и рисунков. Статья должна быть структурирована и включать рубрики: введение / краткий литературный обзор, цель работы, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение / краткие выводы. Произвольная структура допустима для теоретических и обзорных статей.

Для выделения используется курсив; все иллюстрации, графики и таблицы располагаются в соответствующих местах в тексте, а не в конце статьи. Объем статьи не должен превышать 25 страниц.

В тексте ссылки на цитируемые публикации приводятся в квадратных скобках с указанием их порядкового номера в списке литературы (в порядке встречаемости в тексте). При наличии нескольких источников они перечисляются в порядке возрастания номеров через запятую, например [3, 5, 12] или [3–7]. При цитировании после номера источника указывается страница, например: [1, с. 5], [5, с. 10–12; 10, с. 225].

При необходимости используются подстрочные ссылки со сквозной нумерацией (арабскими цифрами).

Источники в списке литературы располагаются в порядке их приведения в тексте.

Нормативно-правовые акты, архивные документы, «неавторские» интернет-источники, статистические сборники, словари, энциклопедии указываются в сносках и в списке литературы не дублируются.

Ссылки в списке литературы на журнальные публикации должны содержать их DOI. Пример оформления: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-6-15>

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Ссылки на диссертационные исследования следует заменить статьями соответствующего автора или же дать ссылку на диссертацию (автореферат) в виде сноски.

Самоцитирование не должно превышать 20 % от общего количества цитируемых источников.

Подробные правила для авторов доступны на сайте журнала по ссылке:

<https://www.tipse.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Индекс УДК: 343 977
Объем издания: 15,80 уч. изд. л.
Подписано в печать: 19.10.2020.
Тираж 200 экз.